
F 24/189a -2-

ЗАПИСКИ

МОРСКАГО ОФИЦЕРА,

въ продолжении кампании на Средиземномъ морѣ подъ начальствомъ Вице-Адмирала Дмитрія Николаевича Сенявина

отъ 1805 по 1810 годъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Второе изданіе.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

****

1836.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра.

С. Петербургъ 21 Генваря 1836 года.

Ценсоръ *А. Крыловъ.*

1806 годъ

Содержащій кампанію противу Французовъ на Адріатическомъ морѣ.

Посылка Брига Летуна въ Превезу.

По извѣщенію Министра при Іонической республикѣ Графа Моцениго, Вице-Адмиралъ Сенявинъ далъ повелѣніе командиру брига Летуна взять Француской корсеръ, захватившій Россійское судно въ Превезѣ. Начальникъ брига, Лейтенантъ Ив. Будаковъ, 8 Февраля, прибывъ къ устью Превезкаго залива, потребовалъ, что бы Россійское судно было возвращено. Корсеръ по настоянію Правительства оставя Россійское судно, отошелъ въ противулежащую бухту, и на другой день напалъ на бригъ; сраженіе продолжалось полтора часа и ядрами Корсера городъ не мало поврежденъ былъ. Хотя Француская шебека была сильнѣе нашего брига, однакожъ пользуясь тишиною принуждена была отойти на веслахъ во внутренность губы, гдѣ выгрузивъ съ одного борта пушки, и поставивъ оныя на двѣ батареи, стала на мѣлководіи между оными. По возвращеніи брига Летуна съ Россійскимъ судномъ въ Корфу, командиръ брига Феникса Капитанъ-Лейтенантъ Сулменевъ, вмѣстѣ съ Будаковымъ, получилъ повелѣніе истребить Француской корсеръ Оба брига 13 Февраля пустились въ губу; при входѣ

ихъ вышелъ имъ на встрѣчу Турецкой бригъ о 14 пушкахъ и слѣдовалъ за ними; непріятельскій корсеръ стоялъ при мѣстечкѣ *Салагорѣ,* въ устьѣ рѣки *Луру* и, какъ выше сказано, защищался двумя батареями. Бриги по мѣлководію не могли подойти на рѣшительную дистанцію, ядра ихъ едва доставали; почему и оставили нападеніе, а корсеръ вошелъ далѣе въ рѣку. Во время сраженія Турецкой бригъ былъ спокойнымъ зрителемъ. Вице-Адмиралъ представилъ Турецкому начальству, что естьли позволяютъ непріятельскому корсеру строить батареи на ихъ берегѣ, допускаютъ задерживать суда, нагруженныя разною провизіею для Россійской эскадры, и впредь не примутъ надлежащихъ мѣръ, для удержанія своевольства непріятельскихъ судовъ; то принужденъ будетъ взять строгія мѣры, коими можетъ прекратить подобныя злоупотребленія власти Начальниковъ союзной съ Россіею Державы. Въ семъ произшествіи видны происки непріятеля, но Али Паша, знакомый съ Вице-Адмираломъ, по первому сему опыту узнавъ, что невыгодно ему будетъ дѣлать подобныя непріятности, воспользовался первымъ случаемъ увѣрить Сенявина въ своей дружбѣ и расположеніи. Паша по Турецкому обычаю прислалъ Адмиралу нѣкоторые подарки, за которые должно полагать получилъ гораздо значительнѣйшіе; ибо не взирая на умыслы непріятеля, искавшаго, лишеніемъ подвоза съѣстныхъ припасовъ, вредить намъ въ Корфѣ, Али Паша

во все время былъ добрымъ сосѣдомъ и хорошимъ пріятелемъ Вице-Адміралу.

Дѣйствія эскадры Капитана I ранга Белли.

Вице-Адміралъ прибылъ 15 Марта въ Катаро и лично удостовѣрился въ преданности къ Государю Императору Бокезцовъ, объявившихъ чрезъ депутатовъ готовность свою жертвовать не только собственностію своею, но и жизнію. Уважая такую искреннюю приверженность народа, въ коей не было ни какого сомнѣнія, положилъ защищать и помогать имъ сколько возможно. Учредивъ полицію и конвой до Тріеста и Константинополя, выславъ 30 судовъ, вооруженныхъ отъ 8 до 20 пушекъ, для блокады портовъ непріятельскихъ въ Адріатическомъ морѣ, предписалъ Капитану Белли съ кораблями Азіею, Еленою, Ярославомъ; фрегатами Венусомъ, Михаиломъ; бригомъ Летуномъ, шебекою Газардъ и шхуною Экспедиціонъ, стараться овладѣть островами, лежащими противъ Далмаціи.

Взятіе крѣпости Курцало.

Въ слѣдствіе сего повелѣнія Капитанъ Белли съ кораблемъ Азіею, Ярославомъ, Еленою и 9 купеческими судами, 29 Марта вышелъ изъ Катарскаго залива. Въ каналѣ Ка-

ламота присоединилъ къ себѣ шхуну Экспедиціонъ и шебеку Газардъ, а 30 Марта въ полдень Ярославъ, Экспедиціонъ, Летунъ и Газардъ, положивъ якорь на пистолетномъ выстрѣлѣ отъ крѣпости, открыли по оной сильной огонь. Менѣе нежели въ полчаса пушки на стѣнахъ были сбиты, и непріятель защищался только ружейною стрѣльбою. Когда корабль Азія становился на якорь, а десантъ, состоявшій изъ 2 ротъ морскаго полка и нѣсколькихъ матрозовъ, на гребныхъ судахъ повезли прямо къ крѣпости; то непріятельскій Комендантъ, видя себя атакованнаго съ моря и сухаго пути, и полагая, что корабль Елена съ 9 купеческими судами, приближавшимися къ крѣпости, имѣютъ другія высадныя войска, которыхъ въ самомъ дѣлѣ не было (*), спустилъ на крѣпости флагъ, вышелъ изъ оной съ гарнизономъ, положилъ ружье, и сдался безъ условій на власть. Въ плѣнъ взято Подполковникъ 1, Капитановъ 2, Офицеровъ 5, Унтеръ-офицеровъ 20, барабанщиковъ 5, рядовыхъ 227, убитыхъ было 85. Въ крѣпости досталось пушекъ мѣдныхъ разнаго калибра 12, въ магазейнахъ же достаточное количество аммуниціи и запасовъ. Въ призъ взято 9 судовъ.

По взятіи острова Курцало, Капитанъ

(*) Суда сіи долженствовали итти въ Тріестъ и находились при эскадрѣ единственно для того, что бы тѣмъ обмануть непріятеля.

ѣелли, узнавъ, что на островѣ Лиссѣ находится нѣсколько Французскихъ солдатъ, послалъ туда немедленно Экспедиціонъ и Газардъ, что бы взять ихъ. Командиръ шхунары, бывъ противъ порта *Луке* и увидѣвъ 3-хъ мачтовое судно подъ парусами, догналъ и взялъ на ономъ 39 Французскихъ солдатъ съ Офицеромъ и нѣкоторыми военными припасами. Лейтенантъ Сытинъ, командиръ шебеки, взялъ еще въ крѣпости Лиссо, нѣсколько человѣкъ и 7 мѣдныхъ пушекъ, а 5 Апрѣля изъ крѣпости *Камиссо*, что въ портѣ *С-тъ Жоржьо* на томъ же ос. Лиссо, взято мѣдныхъ пушекъ 12 фун. калибра двѣ и одну 8 фун. Послѣ сего крейсеры наши, продолжая поиски надъ непріятелемъ, перехватили еще нѣсколько солдатъ, взяли значительное количество аммуниціи и провіанта, и тѣмъ принудили оставить во власть нашу всѣ острова, которые довольно были удалены отъ матераго берега Далмаціи. Мѣлкими судами эскадры Белли, только по 9 Апрѣля, взято 14 судовъ.

17 Апрѣля Капитанъ Белли прибылъ къ крѣпости Лезина; 19 числа, пользуясь темною ночью, послалъ построить батарею, на небольшомъ островку, лежащемъ противу устья гавани. Какъ скоро примѣтилъ непріятель, что занятъ островокъ, открылъ сильной огонь изъ ружей; но вооруженная требака подъ командою Мичмана Харламова, шебека Газардъ, Бокезскій корсеръ Лазаря Жуановича, барказъ съ 24 фун. каронадомъ, и два катера

съ фалконетами, картечными выстрѣлами скоро ихъ прогнали. Не смотря на перестрѣлку, продолжавшуюся всю ночь, 20 Апрѣля къ 5 часамъ утра матрозы подъ командою Мичмана Милона и Артиллеріи Унтеръ-Лейтенанта Палеологи, устроивъ батарею изъ двухъ 12 фун. и одной 6 фун. пушекъ открыли пальбу. Непріятель отпаливаясь нѣсколько, вскорѣ замолчалъ. Въ половинѣ 7 часа повезли съ острова десантъ на берегъ, состоявшій подъ начальствомъ Штабсъ-Капитана Скоробогатова изъ 100 солдатъ и 42 матрозовъ подъ командою Мичмана Башуцкаго. Оный десантъ подъ прикрытіемъ нашихъ судовъ вышедъ на берегъ, ударилъ въ штыки, и скоро занялъ ограду Католицкаго монастыря; но Французскій гарнизонъ, вышедъ изъ крѣпости въ превосходныхъ силахъ, по долгомъ сопротивленіи, вытѣснилъ нашихъ изъ ограды и принудилъ отступить на суда. Уронъ нашъ состоялъ: убитыхъ 11, раненыхъ 33, въ плѣнъ попавшихся: Штабсъ-Капитанъ Скоробогатовъ, Гардемаринъ 1 и 32 нижнихъ чиновъ, кои, защищая ретираду, не могли на катерѣ, ставшемъ на мѣль, отвалить отъ берега. Непріятель долженъ имѣть значительнѣйшую потерю, ибо пока не смѣшались Французскія войска съ нашими, тогда дѣйствовали по нимъ, въ продолженіи двухъ часовъ, со всѣхъ судовъ не токмо ядрами, но и картечью. 25 Апрѣля, Капитанъ Белли замѣтилъ, что непріятель очень усилился людьми,

и поставивъ большія пушки на выгодныхъ мѣстахъ, началъ вредить корабли наши, потому и рѣшился онъ оставить предпріятія свои на крѣпость Лезино, а продлжать поиски въ другихъ мѣстахъ, гдѣ, по неимѣнію большаго числа высадныхъ войскъ, можно ожидать успѣха.

Главнокомандующій, сдѣлавъ нужныя въ Корфѣ распоряженія для защиты республики противу непріятеля предпріимчиваго, и утвердивъ Али Пашу въ тѣхъ мысляхъ, что ему выгоднѣе остаться съ нами въ добромъ согласіи, нежели помогать видамъ Наполеона, съ большею частію флота прибылъ въ Катаро 19 Апрѣля, и получивъ рапортъ о успѣшныхъ дѣйствіяхъ эскадры Белли, отправился къ острову Курцало съ кораблями Селафаиломъ, Петромъ, и фрегатомъ Автроилемъ. 27 Апрѣля Адмиралъ, подходя съ эскадрою къ крѣпости, удивился не видя на оной никакого флага. Вскорѣ по томъ показались нѣсколько Французскихъ часовыхъ, почему сигналомъ приказалъ онъ кораблямъ лечь на якорь. Весьма свѣжій вѣтръ препятствовалъ въ тоже время сдѣлать десантъ. Къ вечеру Адмиралъ узналъ; что въ ночи на 26 число прибыли изъ *Макарска* на 7 судахъ около 350 человѣкъ Французовъ, напали не взначай на оставленный Капитаномъ Белли при Подпорутчикѣ Воейковѣ малый отрядъ солдатъ, полонили ихъ и заняли крѣпость. Изъ семи тѣхъ судовъ, два еще до прибытія эскадры ушли

обратно, а прочія пять взяты фрегатомъ Автроилемъ, одно изъ нихъ имѣло двѣ 18 фунт. пушки. Къ вечеру вѣтръ утихъ, гребныя суда посланы были въ разъѣздъ около крѣпости, а предъ свѣтомъ сдѣланъ былъ десантъ; но Французы также предъ свѣтомъ оставили крѣпость, и бѣжали съ разныхъ мѣстъ острова на обывательскихъ лодкахъ на супротивной Рагузской берегъ, откуда неутральными владѣніями республики безъ сопротивленія возвратились въ Далмацію. Гребныя суда успѣли перехватить одну только лодку съ 16 Француским солдатами. Сверхъ крѣпостныхъ пушекъ найдено еще семь и достаточное число провизіи и военной аммуниціи. Солдаты наши, бывшіе въ плѣну, кромѣ Подпорутчика, возвращены.

29 Апрѣля оставивъ у острова Курцало фрегатъ Автроилъ, Адмиралъ отправился къ острову Лезино. Около полудня, бывъ между островами Лезино и Лиссою, корабль Азія соединился съ эскадрою. Адмиралъ, получивъ рапортъ отъ Капитана Белли о положеніи непріятеля въ крѣпости Лезино, усмотрѣлъ, что съ малою силою, по настоящимъ обстоятельствамъ, трудно удержать островъ за собою; ибо Французы изъ Италіи въ Далмацію переходятъ чрезъ владѣнія Австрійскія безпрепятственно и каждой почти день умножаютъ свою силу; слѣдственно завладѣвъ онымъ, должно будетъ оберегать большимъ числомъ военныхъ судовъ и гарнизона, а не-

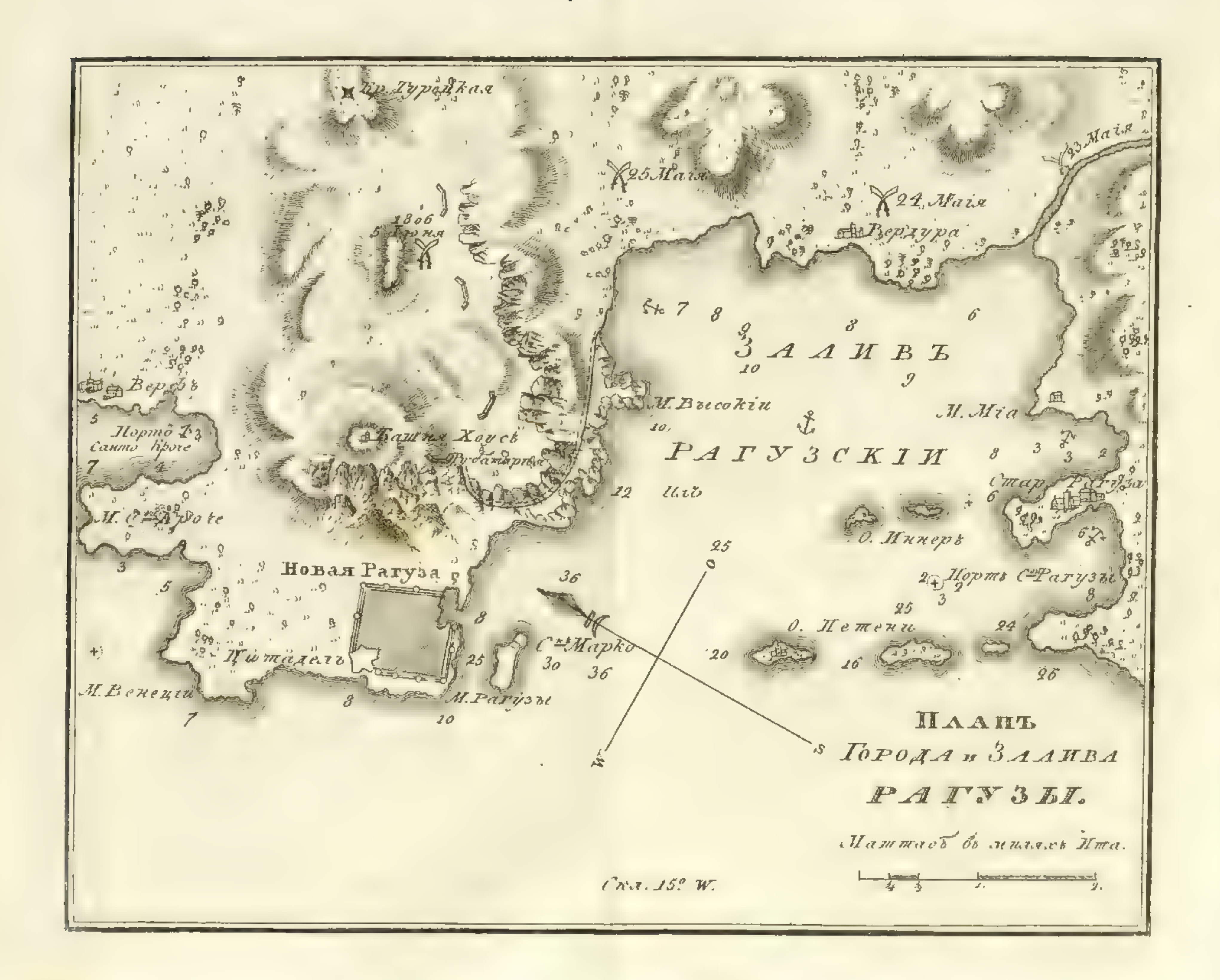
пріятель, по близости острова къ Спалатро, всегда можетъ напасть на крѣпость съ превосходною силою. По сей причинѣ Адмиралъ возвратился съ эскадрою къ ос. Курцало, гдѣ оставивъ для охраненія корабль Азію, шебеку Газардъ, и три канонерскія лодки, обращенныя изъ призовыхъ судовъ, отплылъ въ Рагузу. По желанію жителей Курцало, утвердивъ Графа Гризогона Гражданскимъ Начальникомъ острова, который и при Австрійскомъ правленіи управлялъ сею частію, Адмиралъ не только не потребовалъ отъ жителей никакой подати; но всѣ доходы предоставилъ въ ихъ же пользу.

Генералъ Лористонъ занимаетъ Рагузу, и уничтожаетъ Республику.

Рагузскій Сенатъ, узнавъ о прибытіи Главнокомандующаго въ Катаро, отправилъ сочлена своего Сенатора Владислава Сорго изъявить ему свое почтеніе и просить о благодушномъ покровительствѣ республики. Адмиралъ на возвратномъ пути изъ Курцало въ Кастель-Ново 6-го Маія принятъ былъ въ Рагузѣ съ великими почестями и торжествомъ. Онъ желая отвратить отъ Республики непріятности, коимъ она ежедневно подвергалась по злостнымъ распоряженіямъ непріятеля, всегда ищущаго случая притѣснять тѣ независимыя области, которыя

по слабости своей, не могутъ дѣлать имъ ни какаго сопротивленія, не только предалъ забвенію нарушеніе неутралитета свободнымъ пропускомъ чрезъ свои владѣнія бѣжавшаго изъ Курцолы Французскаго гарнизона; но приказалъ Консулу Фонтону отступиться отъ требованія приза, взятаго Французскимъ корсеромъ въ Рагузскомъ портѣ, и сверхъ того снисходя на прозьбу Сената, позволилъ 10 Республиканскимъ судамъ итти въ блокированные порты Пуліи, для покупки тамъ пшеницы и деревяннаго масла. Таковый знакъ великодушія и снисхожденія, Сенатъ принялъ съ признательностію, но вслѣдъ за симъ, въ портѣ *Зуліани* непріятельскій корсеръ взялъ Бокезскую требаку, и какъ по прошенію Ректора Французской Генералъ съ нарочно посланнымъ даже не отвѣчалъ на письмо его, то и должно было думать, что непріятель не намѣренъ щадить Республику, состоящую подъ покровительствомъ Оттоманской Порты, столь же имъ какъ и намъ дружественную. По чему Главнокомандующій принужденъ былъ, дать приказаніе, равномѣрно брать Французскія суда, не только близь береговъ; но и въ самыхъ портахъ Рагузы. Сею мѣрою всѣ непріятельскіе корсеры были взяты или истреблены, и Рагузцы остались спокойными. Во время пребыванія въ Рагузѣ, Адмиралъ сдѣлалъ съ Сенатомъ слѣдующее условіе: при первомъ полученіи извѣстія о вступленіи Французскихъ войскъ въ Республи-

канскія земли, главный городъ и крѣпость новая Рагуза приметъ Россійскій гарнизонъ, и правительство вооружитъ тогда гражданъ, дабы дѣйствовать соединенно съ нашими войсками. Съ симъ намѣреніемъ фрегатъ Михаилъ поставленъ былъ въ каналѣ Каламото. Послѣ таковаго соглашенія можно было ожидать, что Ректоръ и Сенаторы, видя различность поступковъ Россійскихъ и Француских Генераловъ, и не имѣя возможности сохранить неутралитетъ, должны были рѣшиться принять еще скорѣе сторону Россіи; ибо, принявъ сторону Франціи, не имѣющей морской силы, они лишились бы торговли, безъ которой существовать не могутъ. Притомъ зная, съ какою милостію поступлено съ Бокезцами, и даже съ покоренными силою оружія жителями Курцало, и противнаго сему ожидая отъ владычества Наполеона, должны бы не нарушать своего условія, но два или три Сенатора, соблазнясь обѣщаніями Французскихъ Агентовъ, и полагая, что Франція имѣетъ болѣе способовъ защищать ихъ отъ непріятелей, нежели Россійскій флотъ и войска, въ Средиземномъ морѣ находившіяся, не смотря на возраженія, предала Республику во власть Французовъ. Политика, съ покорностію принимать повелѣнія сильнаго, которая до сего времени сохраняла существованіе Рагузы, на сей разъ не удалась и Республика погибла. 14-го Маія, въ то самое время, какъ Адмиралъ на канунѣ отправился въ Тріестъ

Бр. Турецкая
25 Маія
24 Маія
23 Маія
Вердура
1806
Брона
Верфь
Порто Санто Кроче
М. Высокiи
Залив
Рагузскiи
Башня Хоус
М. Мiа
Стар. Рагуза
О. Иннеръ
Новая Рагуза
Порть Св. Рагузы
О. Петени
Св. Марко
Цитадель
М. Венеціи
М. Рагузы
Планъ
Города и Залива
Рагузы.
Маштабъ въ миляхъ Ита.
Скл. 15° W.

Генералъ Лористонъ съ 5.000 корпусомъ перешедъ чрезъ Турецкую границу, прибылъ въ *Слано*, а 15-го числа занялъ Новую Рагузу. 16-го Маія Французскій Генералъ именемъ Бонапарта объявилъ, что не прежде независимость и неутралитетъ Рагузской Республики будетъ признанъ, пока Россійскія войска *не оставятъ Катаро*, *Корфу* (?) и другіе прежде бывшіе Венеціанскіе острова! и пока Россійская эскадра *не удалится* отъ береговъ Далмаціи! А какъ Россійской Адмиралъ не намѣренъ былъ исполнять желаній непріятеля, то Республика присоединена къ Франціи. Такимъ образомъ, хотя Сенаторы скоро увидѣли ошибку свою; но народъ лишился уже своей вольности, торговли и благосостоянія.

Взятіе Старой Рагузы,—сраженія въ горахъ,— разбитіе Генерала Лористона,— и осада Новой Рагузы.

Узнавъ, о занятіи Рагузы Французскими войсками, Митрополитъ Петръ Петровичь съ Черногорскими и приморскими своими войсками, съ двумя ротами Витебскаго и одною 13-го егерскаго полковъ, подъ командою Маіора Звягина, пошелъ на встрѣчу непріятелю. 21-го Маія Французы совокупно съ Рагузскими жителями, встрѣтились съ войскми нашими въ пяти верстахъ отъ Старой Рагузы, и началось сраженіе. Передовые посты тотчасъ были сняты, непріятель устроив-

нись въ линію баталіи не могъ выдержать быстрой атаки нерегулярныхъ войскъ, былъ разстроенъ и прогнанъ въ Старую Рагузу. При семъ случаѣ съ нашей стороны убитъ егерь 1, раненыхъ 5, Черногорцовъ и приморцовъ 9, раненыхъ 7; а Французовъ и Рагузинцевъ побито до 250 человѣкъ. Одинъ Французской Офицеръ бросился въ море и утонулъ. 22-го Маія Маіоръ Забелинъ съ 4-ю ротами Витебскаго и 4-ю егерей соединился съ Митрополитомъ, а Французы ночью оставили Старую Рагузу съ 4-ю заклепанными пушками. Наши войска тотчасъ заняли ихъ мѣсто! . 23, 24, и 25 чиселъ Черногорцы и приморцы съ подкрѣпленіемъ нашихъ войскъ, имѣли безпрестанныя стычки съ непріятелемъ, всегда прогоняли его назадъ, и заняли все пространство, находящееся между Старою и Новою Рагузою. Какъ сраженія сіи происходили у морскаго берега, то корабль Уріилъ, Бокезкій корсеръ, канонерскія лодки и вооруженныя гребныя суда, поставленныя тутъ контръ-Адмираломъ Сорокинымъ, помогали Черногорцамъ картечными выстрѣлами. Въ сраженія сіи убито и ранено: Черногорцевъ 13 человѣкъ, а непріятеля побито: Офицеровъ 8, солдатъ до 300 человѣкъ. 25 Маія Черногорцы взяли знамя, барабанъ и 150 ружей. Послѣ сего Французскіе Генералы, устрашенные храброю встрѣчею войскъ нашихъ, особенно дерзостію Черногорцевъ, которыхъ мужество возрасло отъ удачи, и которые не давали пощады

и не брали въ плѣнъ, сдѣлали предъ Новою Рагузою на горѣ Баргарптъ, въ разныхъ почти неприступныхъ мѣстахъ укрѣпленія, и не выходили далѣе оныхъ. Передовые посты ихъ, несмотря на храбрость Французскихъ Волтижеровъ, всегда были побиваемы Черногорцами.

Главнокомандующій, узнавъ въ Тріестѣ о занятіи Французами Рагузы, прибылъ 27 Маія въ Катаро, а 28 въ Старую Рагузу, и получивъ полное свѣденіе отъ Митрополита, принялъ намѣреніе простирать пораженіе далѣе. 31 Маія, сдѣлавъ въ Катаро нужныя распоряженія, 1 Іюня со всѣмъ флотомъ и Бокезскими вооруженными судами возвратился къ Рагузѣ. 2 Іюня Адмиралъ обще съ Митрополитомъ, положилъ отнять у непріятеля два пункта гору Баргардъ и островъ Санъ-Марко, и если откроется возможность и силы наши будутъ соотвѣтствовать силамъ и положенію непріятеля, то взять крѣпость Новую-Рагузу. Въ слѣдствіе сего 3-го числа Митрополитъ, предводительствуя Черногорскими и приморскими войсками съ отрядомъ Маіора Забелина, двинуся къ Новой-Рагузѣ. Дойдя къ передовымъ постамъ сбилъ Французовъ съ мѣста, убилъ 80 человѣкъ, принудилъ бѣжать въ укрѣпленіе, и въ близкомъ отъ нихъ разстояніи расположилъ свои и наши регулярныя войска. Къ 4 числу, Генералъ Маіоръ Князь Вяземскій, Шефъ 13 егерскаго полку, съ баталіономъ своего имени, прибылъ

изъ Корфы, и вмѣстѣ съ пришедшими съ нимъ изъ Каттаро нерегулярными войсками, перевезенъ на гребныхъ судахъ изъ Старой Рагузы въ лагерь передъ Новую, гдѣ принялъ регулярныя войска въ свою команду. 4-го Іюня Главнокомандующій, Митрополитъ и Князь Вяземскій, осматривали положеніе непріятеля, съ моря и сухаго пути.

5-го Іюня, весь день погода была ясная и весьма тихая. Въ 4-ре часа утра по сигналу стали верповаться (*) къ Новой Рагузѣ корабли: Селафаилъ, Параскевія, Св. Петръ, Елена и фрегатъ Венусъ; а шебека Азардъ и пять канонерскихъ лодокъ шли на веслахъ. Чтобы узнать, гдѣ и какія на островѣ Санто Марко и въ крѣпости находятся сильныя и слабыя стороны, Контръ-Адміралъ Сорокинъ съ отрядомъ, на сей случай ему препорученнымъ, открылъ пушечную перестрѣлку, и сталъ на якорь противу высотъ, гдѣ стояли войска наши. Тогоже числа произошло въ виду флота весьма важное и славное для храбрыхъ войскъ нашихъ сраженіе. Не взирая на палящіе лучи солнца, не смотря на неравенство силъ и неприступное положеніе, избранное непріятелемъ, битва сія справедливо уподобиться можетъ переходу чрезъ Сентъ - Готардъ, ибо и здѣсь должно было сражаться съ самою природою и надлежало взбираться на крутые, голые утесы, защищаемые пушками.

(*) Тянуться завозами.

Непріятель расположился на неприступныхъ каменистыхъ высотахъ Рагузскихъ, устроилъ тамъ батареи на выгоднѣйшихъ мѣстахъ и готовъ былъ къ принятію атаки. Онъ занималъ линію отъ моря до Турецкой границы, не весьма пространную, и тѣмъ оная была крѣпче. Природа и искуство обезпечивали его совершенно. Правое крыло его прикрыто было моремъ и крутымъ берегомъ; лѣвое Турецкою границею, гдѣ не надлежало быть сраженію. Предъ фронтомъ его отвѣсныя высокія скалы; занимаемые имъ четыре важнѣйшіе пункта, были одинъ за другимъ сомкнуты и соединены такъ, что каждый изъ нихъ могъ защищать одинъ другаго. Число непріятеля простиралось до 3.000 регулярныхъ и до 4.000 Рагузцовъ, исправныхъ и хорошо вооруженныхъ стрѣлковъ. Нашихъ регулярныхъ войскъ было 1.200 человѣкъ, да Черногорцевъ и Приморцевъ до 3.500. Съ такимъ числомъ весьма трудно было атаковать непріятельскій фронтъ; ибо извѣстно, какъ Французы умѣютъ укрѣплять мѣста, и какъ искусно выбираютъ выгодное положеніе для батарей: не смотря на всѣ сіи съ нашей стороны невыгоды, Главнокомандующій положилъ сдѣлать нападеніе, и рано по утру 5-го Іюня Митрополитъ отрядилъ на перестрѣлку часть Черногорцевъ, дабы захватить передовые Французскіе посты. Черногорцы бросились храбро, и предъ самымъ важнымъ пунктомъ, на самокрутѣйшей горѣ, тотчасъ взяли одинъ передовой постъ и, обо-

дрясь сею удачею, напали на другой съ запальчивостію. Князь Вяземскій замѣтивъ, что непріятель предпринимаетъ заманить Черногорцевъ, отрядилъ для подкрѣпленія ихъ три роты егерей подъ командою Капитана Бабичева, который съ чрезвычайною поспѣшностію взошелъ на гору, сколь ни препятствовала ему крутизна ея. Непріятель усилясь прогналъ было Черногорцевъ, но прибытіе Бабичева удержало его стремленіе. Черногорцы, соединясь съ егерями, вступили храбро въ бой. Положеніе сихъ трехъ ротъ и отряда Черногорцевъ было опасно, они стояли на краю пропасти.

Въ сіе время Князь Вяземскій, имѣя въ виду повелѣніе Главнокомандующаго, непремѣнно овладѣть высотами, обще съ Митрополитомъ приступилъ къ исполненію онаго. И тѣмъ болѣе поспѣшилъ начать атаку, что въ ту минуту Турецкій Паша увѣдомилъ, что непріятельское подкрѣпленіе приближается. Митрополитъ съ нерегулярными войсками тотчасъ взошелъ на занятую высоту. Изумленный непріятель, не ожидая атаки съ сей стороны и щитая сіе невозможностію, весьма отчаянно защищалъ сію позицію, и усилившись устремился на отрядъ Капитана Бабичева; но три его роты и Черногорцы, ободренные личнымъ присутствіемъ Митрополита, не уступили ни шагу отчаянному нене-пріятелю. Между тѣмъ какъ Митрополитъ сражался на краю пропасти противу прево-

сходныхъ силъ, на него устремленныхъ, Князь Вяземскій, раздѣливъ малый отрядъ свой на двѣ колонны, и выславъ предъ оными охотниковъ, подъ командою храбрыхъ офицеровъ Красовскаго, Клички, Ренненкампфа и Мишо, пошелъ на неприступную высоту, укрѣпленную батареями, съ рѣшительностію, свойственною герою и возможною только для Рускаго воина. Лористонъ, замѣтивъ общее движеніе, всею силою тѣснилъ охотниковъ нашихъ и ударилъ на Митрополита, котораго особа была въ крайней опасности; колонны восходили на крутизну и были уже близъ вершины. Въ семъ положеніи отступленіе было уже не возможно; шагъ назадъ и все потерянно. Мы смотря съ кораблей, съ которыхъ мѣсто сраженія было видно, не смѣли спустить глазъ, и въ мучительномъ безпокойствѣ ожидали, чѣмъ кончится. Наконецъ на вершинѣ горы показались наши знамена, эхо повторило громкое ура! и войско наше, подвинувшись впередъ, скрылось въ ущеліяхъ.

Непріятель, будучи вытѣсненъ изъ за каменьевъ, остановился между своихъ батарей. Обѣ наши колонны, соединившись съ Митрополитскими войсками, послѣ малой перестрѣлки, пошли на штыки; Французы защищались упорно, но принуждены были отступить. Митрополитъ и Князь Вяземскій, не давая опомниться непріятелю, тѣснили его безпрестанными нападеніями. Офицеры наши, будучи всегда впереди, оказали себя достойными

сподвижниками Суворова (*). Черногорцы соревновали нашимъ солдатамъ и съ такимъ жаромъ бросились штурмовать первое укрѣпленіе, что редутъ съ 10 пушками былъ немедленно взятъ открытою силою. Такимъ образомъ преоборя укрѣпленія, природою устроенныя и не смотря на картечи, коими искуственно хотѣли отразить хитрые храбрыхъ, Французы уступали одну за другою три свои линіи и батареи, оныя защищавшія; тутъ Генералы ихъ старались показать свое искуство, обходили наши фланги; но ни что имъ не помогало, они вездѣ были предупреждены, Руской штыкъ и дерзость Черногорцевъ повсюду торжествовали. Будучи преслѣдуемъ по пятамъ, непріятель успѣлъ однакожъ остановиться сзади четвертой своей позиціи на самомъ хребтѣ горы надъ Рагузою; но и тутъ не могъ удержаться ни десяти минутъ, совершенно разбитый и разстроенный обратился въ бѣгство; Черногорцы, Приморцы и всѣ охотники спѣшили отрѣзать его отъ города; страхъ родилъ въ немъ быстроту, темнота и стѣны крѣпости скрыли безпорядочное его отступленіе. Въ сіе время прибывшій непріятельской сикурсъ хотѣлъ остановить побѣдителей, но при первомъ на-

---

(*) 15 дивизія, находившаяся въ Средиземномъ морѣ, служила подъ предводительствомъ Суворова въ Турціи, Польшѣ и Италіи.

тискѣ обращенъ былъ въ бѣгство. Проворные Черногорцы, забѣжавъ впередъ и залегши по обѣ стороны дороги, поражали непріятельской аріергардъ даже на самомъ мосту подъ картечными выстрѣлами крѣпости. Кромѣ перестрѣлки нерегулярныхъ войскъ, начавшейся съ утра, сраженіе при палящемъ знoѣ продолжалось отъ 2 часовъ по полудни до семи, послѣдніе выстрѣлы умолкли въ 8 часовъ вечера. И такъ помощію Всевышняго, горстію людей одержана достославная побѣда, надъ непріятелемъ превосходнымъ, предводимымъ искуснымъ Генераломъ Лористономъ, и укрѣпленная неприступная гора Баргартъ надъ Рагузою занята.

Въ семъ сраженіи взято пушекъ разнаго калибра 19; убито: Генералъ Дельгогъ (Delgogue), Штабъ и оберъ Офицеровъ 18, въ томъ числѣ Полковникъ Адьютантъ Лористона, рядовыхъ до 400, плѣнныхъ взято 23, да на другой день скрывшихся въ пещерахъ и ущельяхъ горы 68 человѣкъ. Рагузцы потеряли убитыми и ранеными до 400 человѣкъ. Съ нашей стороны уронъ состоитъ въ убитыхъ: Портупей-Прапорщикъ 1, рядовыхъ 16, раненыхъ: Офицеровъ 3, солдатъ 30, безъ вѣсти пропавшій 1; Черногорцевъ и Бокезцевъ убитыхъ и раненыхъ около 100 человѣкъ.

Плѣнные сохранены нашими войсками. Черногорцы, не взирая, что Адмиралъ обѣщалъ имъ за каждаго плѣннаго по червонцу, столь озлоблены были, что не давали Французамъ

пощады, и тотчасъ рѣзали имъ головы, въ томъ числѣ не пощадили и Генерала Дельгога. Впрочемъ должно отдать имъ справедливость за рѣдкую неустрашимость и должно упомянуть объ отличившихся, которыхъ рекомендовалъ Митрополитъ. Братъ Митрополита *Савва Петровичъ*, Секретарь его *Владевичъ*, Губернаторъ Черногорскій *Вуколай Радоничъ*, Протоіерей *Іоаннъ Пророковичъ*, Священникъ *Лазаревичъ*, Черногорцы *Вуко-Юра* и *Мило*.

6-го Числа предъ свѣтомъ, высаженъ былъ на островъ *Санто Марко* десантъ до 600 морскихъ солдатъ съ матрозами и рота егерей, подъ командою 2-го Морскаго полку Полковника Буаселя. Корабли Параскевія, Петръ, фрегатъ Венусъ, шебека Азардъ и 5 канонерскихъ лодокъ, приближившись къ острову на пристойное разстояніе, дѣйствовали по укрѣпленію изъ пушекъ. Десантъ во всемъ порядкѣ раздѣлясь на три колонны скорымъ шагомъ подошелъ къ подошвѣ весьма каменистаго, заростшаго колючимъ кустарникомъ высокаго кургана, на вершинѣ котораго стояло укрѣпленіе, обнесенное довольно высокими каменными стѣнами и защищаемое 5-ю большими пушками. Непріятель началъ стрѣлять по колоннамъ изъ 3 пушекъ, сперва ядрами, потомъ картечами; а наконецъ, когда наши разсыпались и окружили укрѣпленіе, открылъ сильный ружейной огонь. Егери и матрозы, подбѣжавъ подъ самыя стѣны и скрывъ себя за каменьями

и кустами наносили немалый вредъ непріятелю. Наши наступили было съ чрезвычайною храбростію штурмовать укрѣпленіе; но положеніе мѣста, весьма выгодное для непріятеля и возвышенный брустверъ, окопанный рвомъ, остановили ихъ. Адмиралъ, имѣя въ предметѣ сдѣлать только рекогносцировку и увидя невозможность безъ чувствительной потери овладѣть симъ редутомъ (ибо островъ не представлялъ удобнаго мѣста для построенія батарей противу города, откуда ядра падали навѣсными выстрѣлами, а Французы изъ города свободно могли получить помощь), поспѣшилъ самъ на островъ, и приказалъ отступить; войска во всемъ порядкѣ, не будучи преслѣдуемы непріятелемъ, сѣли на гребныя суда и возвратились на корабли. Дабы болѣе притѣснить городъ съ занятой уже позиціи, 4 роты морскихъ солдатъ подкрѣпили отрядъ Князя Вяземскаго. Во время приступа было убитыхъ у насъ 13, да раненыхъ 57 чел.

Князь Вяземскій въ тотъ же день отрѣзалъ воду у города, въ которомъ, кромѣ цистернъ, оной не было. Дабы обезпечить правый флангъ нашъ отъ нечаянныхъ нападеній и открыть сообщеніе съ морскимъ отрядомъ, находящимся въ портѣ Санто Кроче, нужно было отнять у непріятеля одну высоту. Для сего тогоже 6-го Іюня въ полдень отправленъ былъ Маіоръ Забѣлинъ съ двумя ротами и частію Черногорцевъ. Наши подошедъ къ высотѣ ударили на непріятеля въ штыки, при-

нудили отступить и гнали до самыхъ воротъ крѣпости, убивъ до 80 человѣкъ. Въ тоже время Капитанъ 2 ранга Михайла Быченскій, немедленно удалилъ отъ берега всѣ суда, стоявшія въ портѣ, и таковою поспѣшностію предупредилъ намѣреніе непріятеля сжечь оныя. Кромѣ 69 пушекъ, взято 20 большихъ купеческихъ судовъ совсѣмъ вооруженныхъ, верфь и морской арсеналъ съ знатнымъ количествомъ всякаго рода запасовъ. Сверхъ сего немалое число требакъ и малыхъ грузовыхъ лодокъ.

Такимъ образомъ заключивъ непріятеля, въ одной Рагузѣ, обложивъ городъ съ моря кораблями, а съ берегу войсками, лишивъ его воды и подвозу съѣстныхъ припасовъ, Адмиралъ, осмотрѣвъ 7 числа положеніе вокругъ крѣпости, приказалъ устроить двѣ батареи на срединѣ высоты, занимаемой нашими войсками. Два картаула и двѣ 24 фун. коронады, доставлены были съ кораблей съ чрезвычайною трудностію. 500 матрозовъ тащили ихъ верстъ 10 по скаламъ и крутымъ горамъ. Первая батарея изъ двухъ коронадъ окончана 10, а послѣдняя 12 и съ сего числа начали дѣйствовать весьма исправно, такъ что каждый выстрѣлъ причинялъ вредъ непріятелю; ибо городъ находится у подошвы горы весьма крутой, откуда было очень удобно стрѣлять. Оныя батареи вскорѣ усилены были еще 3 мортирами.

Батареи дѣйствовали безпрестанно съ

отмѣнною исправностію. Искуснѣйшіе Черногорскіе стрѣлки, засѣвъ въ развалинахъ домовъ, подъ самыми стѣнами бывшихъ, наносили величайшій вредъ непріятелю, который высылалъ малые отряды для удаленія ихъ отъ крѣпости. Съ первыхъ дней осады, жители начали чувствовать во всемъ недостатокъ. Никогда еще Рагузцы за политическую ошибку или лучше сказать неудачный разчотъ не были наказаны такъ жестоко. Черногорцы и Бокезцы по своимъ обычаямъ и правамъ войны взяли все, чего не успѣли унесть или истребить Рагузцы. Ни убѣжденія Митрополита, ни власть Главнокомандующаго, не могли спасти тѣхъ, кои сражались противу ихъ вмѣстѣ съ Французами. Мщеніе храбрыхъ, но не знающихъ ни какой подчиненности, Черногорцевъ, было неумолимо и ужасно. Послѣ сраженія 5 Іюня жители, скрывшіеся въ крѣпость, нашли тамъ новыя утѣсненія отъ своихъ друзей, съ которыми они надѣялись весьма легко покорить Катарскую область и разорить Черногорцевъ. Лишась торговли, утративъ вольность, они принуждены были заплатить контрибуцію и уступить Французамъ богатую казну республики. Генералъ Лористонъ, по похвальной привычкѣ своего правительства жить на чужой щетъ, не имѣлъ ни какого запаса; почему при началѣ осады, принужденъ былъ отобрать отъ жителей хлѣбъ, сколько его нашлось, и чистерны съ водою берёгъ только для гар-

низона. Такимъ образомъ угнетенные мстительною рукою древнихъ своихъ враговъ и соперниковъ, и въ призванныхъ ими друзьяхъ не нашедъ добрыхъ защитниковъ, а властителей жестокихъ и корыстолюбивыхъ, слишкомъ уже несчастные Рагузцы умирали отъ меча, огня, голода и жажды. Только тѣ изъ жителей, кои по щастію не успѣли уйти въ городъ, нашли благодушное, истинно христіанское покровительство у своихъ непріятелей. Какъ не льзя было сохранить оставшуюся часть республики отъ набѣговъ Черногорцевъ, то Адмиралъ предложилъ жителямъ удалиться на острова Рагузскіе, къ которымъ Капитанамъ кораблей не приказалъ допускать Бокезцевъ и Черногорцевъ, и объявилъ ихъ подъ покровительствомъ Императора Всероссійскаго. Рагузцы, поздно раскаявшись, хотѣли дать присягу въ вѣрноподданствѣ; но Адмиралъ, не желая подвергнуть ихъ гоненію Французовъ, отвергнулъ оное, но позволилъ однакожъ пользоваться торговлею, и къ изумленію ихъ, особенно Французовъ, не только не требовалъ контрибуціи, но избавилъ ихъ отъ всякой подати.

Плаваніе къ берегамъ Далмаціи.

Капитанъ Венуса получилъ повелѣніе итти вдоль береговъ Рагузскихъ для поиску надъ непріятелемъ, почему 17 Іюня перешли мы въ Каламоту, откуда на другой день вшѣ-

стѣ съ шебекою Азардъ, пошли симъ каналомъ близь берега, и у Станьо соединились съ фрегатомъ Автроилемъ. Капитанъ онаго Бокманъ вчерашняго числа поутру высадилъ нѣсколько матрозовъ для развѣдыванія, которые у *Слано* встрѣтились съ Французами, идущими изъ Станьо числомъ до 500 человѣкъ, съ коими перестрѣливаясь отступили безъ потери. Черногорскій отрядъ имѣлъ въ тотъ же день сраженіе съ сими Французами, которые, по увѣренію жителей, отошли къ Станьо, гдѣ, какъ думаютъ, соединятся они съ большимъ числомъ войскъ, назначенныхъ для освобожденія Рагузы.

Къ вечеру 18, отрядъ нашъ прошелъ весьма тѣсный проливъ, между двумя высокими островами, крутые берега коихъ почти сходясь составляютъ родъ разрушенныхъ воротъ. День былъ очень жарокъ, и къ вечеру сдѣлалось безвѣтріе. Голубыя облака, украшавшія небо, отражались на свѣтломъ зеркалѣ воды; море было совершенно спокойно; солнце на чистомъ горизонтѣ, какого на землѣ никогда не можно видѣть, являло взору великолѣпную картину захожденія. Длинные лучи осыпая черту, гдѣ небесный сводъ соединялся съ моремъ, позлащали близкія къ горизонту облака; море горѣло пурпуровымъ огнемъ; огромный золотый шаръ, постепенно понижаясь, опустился наконецъ въ море и алый цвѣтъ неба, мало по малу блѣд-

нѣя, потушилъ блескъ зари. Ночь наступила, небо украсилось новою одеждою, луна вышла изъ за высокихъ горъ, и неисчислимые милліоны яркихъ звѣздъ возжглись и изобразились на спокойной, чуть колеблющейся поверхности моря. 19 числа при тихомъ вѣтрѣ отрядъ нашъ мало подвинулся впередъ, съ полуночи же подулъ свѣжій вѣтръ и мы по утру 20 Іюня положили якорь у крѣпости Курцола.

Островъ Курцола.

Входя въ проливъ увидѣли на Рагузскомъ берегу нѣсколько солдатъ; ударили тревогу, зарядили пушки картечью, и уже готовы были дать полной залпъ, какъ Капитанъ приказалъ бить отбой; это были Австрійцы. Комендантъ острова Курцолы прислалъ увѣдомить насъ, что 3000 солдатъ подъ командою Фельдмаршала-Лейтенанта Графа Беллегарда, по соизволенію Государя Императора, идутъ принять Каттаро для здачи оной области Французамъ. 25 судна подъ конвоемъ двухъ военныхъ бриговъ стояли у Рагузскаго берега въ портѣ *Розе*. Графъ Беллегардъ скоро прислалъ къ намъ своего Адьютанта спросить, не имѣемъ ли мы отъ Адмирала какихъ къ нему бумагъ. Лейтенантъ Насѣкинъ, по болѣзни Капитана, ѣздилъ къ Австрійскому Генералу, и объявилъ, что нѣтъ ни какого повелѣнія отъ Главнокомандующаго, а потому

конвой не можетъ продолжать далѣе своего пути; ибо Рагуза находится въ осадѣ, и всѣ порты республики блокируются; Австрійцы принуждены были согласиться дожидать повелѣнія Адмирала.

Островъ Курцола, въ древности извѣстный подъ именемъ *черной Корциры*, отдѣляется отъ полуострова Сабіончелло, принадлежавшаго Рагузской республикѣ, проливомъ тогоже названія. Ширина его версты 4, а мѣстами не болѣе версты. Зимою хотя и дуютъ здѣсь боры, но какъ на глубинѣ отъ 25 до 11 саженъ, грунтъ вездѣ илъ, то рейдъ и для большихъ кораблей довольно удобенъ. Курцола представляетъ небольшія горы, покрытыя дубовымъ лѣсомъ и кустарникомъ. Сей островъ производитъ знатное количество хорошаго краснаго вина, а ловъ анчоусовъ и сарделей составляетъ главную вѣтвь торговли. Сверхъ сего онъ отпускаетъ много дровъ и жители особенно занимаются строеніемъ небольшихъ судовъ. Крѣпость Курцола лежитъ на мысу, плохая высокая четвероугольная стѣна заключаетъ въ себѣ нѣсколько домовъ, и лежитъ при подошвѣ возвышеній, командующихъ крѣпостью. Городъ полагаютъ построенъ Діоклитіаномъ. Положеніе его близъ непріятельскихъ портовъ и возможность при нашей морской силѣ защищать одною ротою солдатъ, дѣлаютъ его для насъ весьма важнымъ пунктомъ; ибо корабли, имѣя у него пристанище и получая тутъ вино и дрова,

которыхъ нѣтъ въ Катаро, могутъ во всякое время блокировать порты Далмаціи. Жителей на всемъ островѣ 6,000.

Ровное прибрежіе Сабіончелли, гдѣ въ древности находился городъ *Онеумъ*, осѣняется высокими безплодными скалами; прекрасные сады, лежащіе у подошвъ ихъ, и прохлада вечера, побудила насъ съѣхать на берегъ. Не удивляйтесь, что такъ смѣло выходимъ на непріятельскую землю. Славяне и вообще другіе здѣшніе подданные Франціи, почитаютъ насъ своими друзьями; ибо по милосердію Россійскаго Монарха, они имѣютъ въ насъ истинныхъ своихъ покровителей. Сколько ни старались внушать имъ недовѣренность къ Россіянамъ, сколько ни увѣряли ихъ въ щастіи принадлежать великой и просвѣщенной націи! однакожъ однихъ Рускихъ принимали они съ уваженіемъ, а Французовъ боялись какъ чумы. Лишь вышли мы на берегъ, хозяинъ перваго сада пригласилъ насъ въ свой домъ; оный стоялъ на покатѣ зеленаго холма, въ срединѣ плодовитыхъ деревъ, разсаженныхъ широкими рядами. Съ одной стороны плющъ и миртъ покрывалъ стѣну дома, съ другой виноградныя лозы осѣняли входъ въ него, одна крытая аллея вела къ морю, другая къ деревнѣ. Недалеко отъ дома, мѣлкій ручеекъ, пробираясь съ журчаніемъ между миндальныхъ, фиговыхъ, рожковыхъ и шелковичныхъ деревъ, то показывается, то опять теряется въ густой тѣни. Уютный домикъ представлялъ во всемъ пріятную

простоту сельской жизни; мебель была грушеваго дерева на образецъ Англинской; въ углу стояла ручная мельница, въ другомъ дѣвушка, одѣтая довольно щеголевато, размапывала шелкъ на самопрялкѣ. Розина (такъ звали дѣвушку), по приказанію отца, вышла, и скоро принесла кофе, и подала каждому по трубкѣ табаку, потомъ подчивала ликеромъ и плодами, только что снятыми съ дерева. Дѣвушка была очень пригожа и потому мы не хотѣли, чтобъ она была намъ служанкою. Догадливый Рагузинецъ, приноравливаясь къ нашимъ обычаямъ, приказалъ ей что нибудь спѣть. Опустивъ внизъ глаза, дрожащимъ, но весьма нѣжнымъ голосомъ, начала она Италіянской романсъ (Vieni o nice! amato bene), аккомпанируя себѣ на гитарѣ. Подумать можно, что отецъ ея богатъ. Напротивъ садъ, нѣсколько птицъ и козъ, прыгающихъ по утесамъ, составляютъ все его имущество. При семъ справедливо можно замѣтить, что Рагузцы много упредили въ просвѣщеніи сосѣдей своихъ, одного съ ними происхожденія, Славянъ. Не смотря на то, что небо покрылось тучами, пріятность мѣстоположенія и свѣжесть воздуха, поощрила насъ итти на гору. Древній монастырь св. Франческо, окруженный стѣнами и печальными кипарисами, весьма украшаетъ вершину дикой голой скалы; но какъ стало очень темнѣть и вдали блистала молнія, то мы, не много не дошедъ до вершины, воротц-

лись назадъ. Сошедъ внизъ, гора, которая была ниже другихъ, казалась имъ равною и закрыла собою гораздо ея высочайшія. Не такъ ли и въ свѣтѣ ничтожный и порочный кажется равнымъ добродѣтельному человѣку? Не такъ ли дерзкій льстецъ и невѣжда затмеваетъ достоинства скромнаго неискательнаго человѣка?

Крейсерованіе у Далмацкихъ береговъ.—Взятіе двухъ шебекъ и возвращеніе въ Катаро.

По прибытіи нашемъ на фрегатъ, Рагузскіе пастухи въ слѣдъ за нами пріѣхавшіе объявили, что они видѣли предъ захожденіемъ солнца нѣсколько Французскихъ военныхъ судовъ, остановившихся въ бухтѣ по сѣверную сторону Сабіончелло. По причинѣ темной ночи и проливнаго дождя, два Офицера, посланные на вооруженныхъ барказахъ осмотрѣть положеніе непріятеля, воротились безъ успѣха. Комендантъ Курцолы прислалъ подтвержденіе перваго извѣстія, почему отрядъ на разсвѣтѣ 21 Іюня снялся съ якоря. Лавируя, благополучно вышли мы изъ пролива и въ 10 часовъ утра близъ песчаной отмѣли мыса *Гомена*, увидѣли 11 Французскихъ шебекъ и канонирскихъ лодокъ.

Непріятель отрубивъ канаты пошелъ на веслахъ противу вѣтра, и обогнувъ длинный мысъ, не преставая грести, распустилъ па-

руса, направляя путь свой къ Спалатрѣ. Въ то время, какъ мы при небольшомъ противномъ вѣтрѣ принуждены были для обхода отмѣли сдѣлать нѣсколько оборотовъ, флотилія, идущая уже попутнымъ вѣтромъ, успѣла удалиться отъ насъ на довольное разстояніе. Войдя въ большой плесъ, называемый *малое море*, находящійся между Рагузскимъ берегомъ, Далмаціею и островомъ Лезино, фрегаты начали нагонять флотилію. Но въ то самое время, какъ Венусъ былъ не много далѣе пушечнаго выстрѣла, вѣтръ стихъ, фрегатъ остановился и мы, имѣя предъ глазами непріятеля, ни чего не могли предпринять. Французы, убравъ паруса, опять пошли на веслахъ, и скоро совершенно отъ насъ скрылись. Штиль продолжался до вечера.

Къ ночи замѣтивъ по компасу положеніе непріятеля и воспользовавшись легкимъ вѣтромъ вмѣстѣ съ Автроилемъ лавировали успѣшно; шебека, по тяжести хода, далеко отстала. На разсвѣтѣ 22 Іюня, вновь открыли флотилію, подъ берегомъ у мѣстечка *Подгорье* называемомъ между Макарскомъ и Нарентою. Утренній довольно свѣжій вѣтръ наполнилъ паруса, фрегаты двинулись, полетѣли и не болѣе какъ чрезъ полчаса Автроилъ открылъ огонь. Вскорѣ потомъ и Венусъ вступилъ въ сраженіе. Непріятель, разсѣялся во всѣ стороны; три къ намъ ближайшія лодки бросились къ берегу; погнавшись за другими двумя, одну пустили ко дну, а другая сѣла на мѣль.

Тутъ подошли мы близко къ берегу и за тихостію вѣтра принуждены были бросить якорь. Непріятельскія суда, воспользовавшись симъ, успѣли на веслахъ и бичевою однѣ уйти въ Спалатро, другія въ устье рѣки, при Наренто въ море впадающей. Автроиль также сталъ на якорь; оба фрегата послали шлюпки взять оставленныя непріятелемъ суда. Шебека, именуемая *Генрихъ* съ 14 мѣдными пушками взята Автроилемъ, а Венусу досталась полушебека, именуемая *Тременда* съ 2 мѣдными пушками.

Осматривая потопленную Венусомъ лодку, нашлось, что хотя оная и не годилась къ продолженію службы, но можно было снять съ нее пушки. Капитанъ поручилъ мнѣ поднять ихъ. Едва водолазы успѣли достать нѣсколько ружей и другаго мѣлкаго оружія, а боцманъ приступилъ къ поднятію пушекъ, вдругъ изъ дома и изъ садовой стѣны сдѣлали по насъ нѣсколько выстрѣловъ, мы имъ отвѣчали картечью съ барказа, и скоро Французы, бѣжавшіе со взятыхъ судовъ, сильно насъ атаковали; продолжая работу мы перестрѣливались и уже одну пушку достали изъ воды. Во время сильной пальбы съ обѣихъ сторонъ, вышелъ на набережную поселянинъ, и смѣло пошелъ между двухъ огней къ шлюпкамъ. Люди наши замѣтивъ, что онъ былъ безоруженъ и безпрестанно крестился, пропустили безъ вреда. Французы обратили на него всѣ выстрѣлы, старикъ бросился въ воду, началъ тонуть; но какъ онъ

былъ уже недалеко отъ потопленной лодки, то работавшіе на ней люди спасли его и представили ко мнѣ. Я спросилъ, что побудило его подвергнуться такой опасности. Господине! отвѣчалъ Славянинъ, я не боюсь смерти и пришелъ просить васъ пощадить домъ мой; въ немъ все мое состояніе. Оно неважно, но Далматины ожидаютъ отъ васъ своего спасенія, неужели вы первый шагъ свой желаете ознаменовать угнетеніемъ того народа, который по крови, вѣрѣ и предкамъ вамъ родные братья; мы и безъ того слишкомъ нещасливы! при семъ онъ залился слезами. Хотя онъ былъ весьма просто одѣтъ, но объясненіе его на Италіанскомъ языкѣ понудило меня спросить кто онъ таковъ? Я Графъ Ивечевичь и Гражданскій начальникъ сего округа, отвѣчалъ онъ, показывая на горы. Поѣзжайте скорѣе на фрегатъ, сказалъ я ему, конечно Капитанъ прикажетъ мнѣ отступить; мы имѣемъ повелѣніе щадить во всѣхъ случаяхъ Далматцовъ; будьте увѣрены, что домъ вашъ будетъ цѣлъ. Чрезъ полчаса, какъ Графъ отправился на фрегатъ, сзади садовъ я услышалъ пальбу. Французы побѣжали, а Капитанъ въ тоже время прислалъ мнѣ сказать, чтобы я не преслѣдуя ихъ, поспѣшилъ доставить пушки на фрегатъ.

Едва Французы оставили садъ и домъ, какъ множество народа вышло на набережную. Тотъ же Графъ предложилъ мнѣ помочь поднять лодку, и дѣйствіе вдругъ перемѣнилось.

Мы окружены были добрыми поселянами, на лицахъ коихъ сіяла искренняя безпритворная радость. Въ нѣсколько минутъ послѣдовала полная довѣренность; женщины и дѣти безъ робости смѣшались съ матрозами. Слыша еще въ первой разъ иностранцевъ, говорящихъ понятнымъ для нихъ языкомъ, они улыбались отъ восхищенія. Старушки, стоя въ отдаленіи, творили молитву; старики, съ любопытствомъ осматривая насъ съ ногъ до головы, плескали руками и съ восторгомъ произносили, вотъ наша *братья Христіяне*. Между тѣмъ, какъ работа продолжалась, гостепріимные Славяне, принесли вина, хлѣба и плодовъ и разложили костры, дабы лучшимъ, что они имѣли, угостить насъ. Съ сердечнымъ удовольствіемъ видѣлъ я, какъ добродушно люди наши обращались съ жителями, и можно сказать, что ни одно сраженіе, ни одна знаменитая побѣда, не кончилась лучшимъ и пріятнымъ сельскимъ пиромъ. Не должно ли сожалѣть, что народъ столь намъ приверженный и однородный повинуется чуждому властителю?

Къ вечеру возвратились тѣ Далматы, кои напали на Французовъ, и объявили, что они успѣли сжечь еще одну лодку, которая также была повреждена и стояла на мѣли. Люди при оной бывшіе (такъ они насъ увѣряли) вмѣстѣ съ тѣми, которые бѣжали со взятой нами лодки и шебеки, всѣ побиты. Когда пушки и другіе военные сна-

ряды потопленной лодки, называемой Battaglia di Marengo, подняты, а лодка подарена жителямъ; отрядъ снялся съ якоря и 23 Іюня Лейтенантъ Насѣкинъ, назначенный комадиромъ шебеки Генрихъ, на островѣ Лезино у селенія Св. Георгія взялъ на батареи 2 мѣдныхъ пушки и судно съ виномъ, собраннымъ на островѣ для Французовъ.

24 Іюня, прибывъ къ Станьо, отрядъ расположился такъ, что непріятель не осмѣливался перевозить войскъ своихъ изъ Далмаціи въ сей Рагузской городъ, а принужденъ былъ обходить по берегу, и по крутымъ горамъ, гдѣ нѣтъ дорогъ, перевозить провіантъ на ослахъ. Отъ Станьо, перешли мы къ Наренто, гдѣ успѣли перехватить нѣсколько судовъ съ провизіею. 29 Іюня, получивъ извѣстіе о снятіи осады Рагузы, при свѣжемъ вѣтрѣ, прибыли мы въ Курцолу, а оттуда 3 Іюля въ Кастель-Ново. Плѣнныя шебеки, имѣя Россійской вверху, а внизу Францускои флаги, салютовали Адмиралу каждая по 9 выстрѣловъ. При осмотрѣ ихъ, Адмиралъ переименовалъ Генрихъ *Забіякою*, а Тременда названа *Ужасною*.

Снятіе осады Новой-Рагузы.

Когда 4 Іюня получено Высочайшее повелѣніе сдать Боко ди Катаро Австрійцамъ, то до того времени, пока можно было содержать сіе въ тайнѣ, войска Черногорскія и

Приморскія весьма дружно и храбро содѣйствовали нашимъ; но послѣ, когда Стат. Сов. Санковскій, какъ довѣренная особа отъ Двора, началъ пріуготовлять народъ къ принятію съ повиновеніемъ рѣшенія Его Императорскаго Величества, то народъ пребывая въ совершенномъ уныніи не оказывалъ уже прежняго усердія. Узнавъ же, что Австрійцы должны передать ихъ Французамъ, они потеряли всю свою бодрость. Въ таковомъ состояніи, имѣя надежду на одни регулярныя войска, совершенно не льзя было ничего предпринять въ разсужденіи штурмованія Рагузы, крѣпости довольно сильной и такой, которая имѣетъ превосходный гарнизонъ, щитая однихъ Французовъ, кромѣ жителей хорошо вооруженныхъ и готовыхъ защищаться до послѣднихъ силъ своихъ. По симъ обстоятельствамъ должно было заниматься одною только осадою, во ожиданіи не сдастся ли непріятель истощивъ свой запасъ или по недостатку воды. Здѣсь надобно отдать справедливость неутомимымъ войскамъ нашимъ, которыя, бывъ всегда на открытомъ воздухѣ, почти непрестанно подъ ружьемъ, могли, съ достойнымъ истинныхъ героевъ терпѣніемъ держаться столько времени въ совершенномъ бдѣніи.

Линія, занимаемая регулярными войсками, подкрѣплена была еще однимъ баталіономъ 13 Егерскаго полка, доставленнымъ изъ Корфы; сія линія весьма пространна была для

2500 человѣкъ, изъ чего весь отрядъ состоялъ; но за всѣмъ тѣмъ оставалось одно только опасеніе, чтобы Турки не пропустили непріятеля чрезъ свои земли, откуда можно поставить войска наши между двухъ огней; но они увѣряли, что безъ кровопролитія ни какъ не пропустятъ. Каждое ядро и бомба съ батарей нашихъ причиняли нѣкоторой вредъ въ городѣ. Непріятель, принаровивъ всѣ свои пушки на оныя, только повредилъ у насъ одинъ картаулъ, попавъ ядромъ въ средину дула, и убилъ одного морскаго канонира и двухъ Черногорцевъ. Во уваженіе нещастнаго положенія городскихъ жителей, которые, по причинѣ, что Французы отняли у нихъ хлѣбъ и воду, истаевали отъ голоду и жажды въ разрушенныхъ бомбами домахъ своихъ, Адмиралъ предложилъ Французамъ капитуляцію и два раза были переговоры; но Лористонъ, не имѣя нужды въ продовольствіи и ожидая съ часу на часъ своего сикурсу, ни какъ не хотѣлъ сдаться, а склонялъ переговоры къ тому, чтобы оставить намъ Боко ди Катаро, а онъ оставитъ Рагузскую республику.

16 и 21 Іюня Французы дѣлали вылазки. Въ первый разъ въ полночь числомъ до 350 человѣкъ напали они на нашъ правый флангъ, но тотчасъ были прогнаны съ потерею 10 убитыхъ и 23 раненыхъ, въ плѣнъ попавшихся. Во второй разъ передъ вечеромъ Митрополитъ послалъ отрядъ Черногорцевъ зажечь въ предмѣстіи ближайшіе въ крѣпости домы,

изъ коихъ Французы обезпокоивали ихъ, что ими и учинено; по сей причинѣ Французы выслали человѣкъ до 400 подъ прикрытіемъ картечныхъ выстрѣловъ съ крѣпости. При семъ случаѣ, какъ по взятымъ Черногорцами ружьямъ полагать можно, потеря непріятеля простиралась до ста человѣкъ, наша же въ оба раза состояла въ 3 рядовыхъ морскаго полка и 8 Черногорцевъ. Послѣ сихъ неудачныхъ покушеній Французы не выходили изъ крѣпости и въ такомъ состояніи осада продолжалась до 24 Іюня.

Въ ночь съ 23 на 24 Іюня, посланые для развѣдыванія положенія непріятеля 250 Черногорцевъ встрѣтились съ Французами въ 8-ми верстахъ отъ Рагузы. Не взирая на превосходное число, Черногорцы напали на Французовъ, и перестрѣливаясь отступали. Въ 4 часа утра 24 числа получено извѣстіе, что непріятельской сикурсъ около 500 человѣкъ идетъ отъ Спаньо къ Рагузѣ. Митрополитъ отправилъ часть Черногорцевъ къ рѣчкѣ занять непріятеля перестрѣлкой, а Князь Вяземскій послалъ полроты мушкатеръ въ редутъ для наблюденія движеній непріятельскихъ. Черногорцы лишь только успѣли придти къ рѣчкѣ, какъ непріятель (кромѣ тѣхъ, кои только для виду шли отъ Спаньо, дабы симъ увѣрить насъ, что сикурсъ не придетъ чрезъ Турецкую границу) въ трехъ колоннахъ, числомъ до 3.000 человѣкъ, подъ начальствомъ Генерала Молитора, показался на высотахъ,

принадлежащихъ Султанскому владѣнію. Онъ шелъ около самой ихъ крѣпости, поднявшей въ сіе время Турецкой флагъ, прямо на нашу линію въ тылъ. Главнокомандующій, видя превосходнаго непріятеля въ тылу нашего отряда, далъ повелѣніе Митрополиту и Князю Вяземскому, отступить къ Старой Рагузѣ. Черногорцевъ и Приморцевъ, сколько можно было собрать, съ двумя ротами 13-го егерскаго полка, подъ командою Капитана Бабичева, отправили на встрѣчу идущему непріятелю. Черногорцы предупредили нападеніемъ, прогнали передовыхъ непріятельскихъ волтижеровъ и остановили первую колонну. Молиторъ, удивленный мужествомъ малаго числа нерегулярныхъ войскъ, двинулъ противу ихъ всю свою силу. Приморцы и Черногорцы, по выше приведеннымъ причинамъ, не оказали тутъ прежней своей отважности, и начали отступать къ Старой Рагузѣ. Осталась малая часть Ризанотовъ съ Графомъ Ивеличемъ и нѣсколько Черногорцевъ съ Губернаторомъ Радоничемъ. Сей отрядъ, подкрѣпленный Капитаномъ Бабичевымъ, на выгодномъ положеніи мужественно сопротивлялся до послѣднихъ силъ; наконецъ, послѣ упорнѣйшаго сраженія, отступилъ во всемъ порядкѣ къ Старойже Рагузѣ. Храбрый Капитанъ Бабичевъ, прикрывая отступленіе, успѣлъ взять еще 30 человѣкъ въ плѣнъ. Между тѣмъ Князь Вяземскій, дабы Лористонъ не могъ примѣтить его движенія, оставя нѣсколько часовыхъ по хребту горы

у батарей, сомкнулъ войска на лѣво въ двѣ колонны на покатости; узнавъ же, что Молиторъ отрѣзалъ ретираду къ Старой Рагузѣ, Князь Вяземскій, по предложенію Митрополита, сдѣлалъ славный маневръ, избавившій войска наши отъ очевидной и неизбѣжной опасности. Дабы увѣрить Молитора, что онъ предпринялъ ретироваться къ Старой Рагузѣ и дать тоже мнѣніе гарнизону въ крѣпости, оставилъ онъ на высотахъ егерскій баталіонъ подъ командою Маіора Велизарева, для прикрытія отступленія отъ Лористона, выходившаго изъ южныхъ воротъ города; прочія войска, сдѣлавъ контръ-маршъ, пошли по лощинамъ скрытымъ отъ непріятеля на сѣверъ къ порту Санто-Кроче. Французскіе Генерала, полагая напасть на наши войска съ трехъ сторонъ, вышедшіе изъ крѣпости на правой, а пришедшіе на лѣвой флангъ и тылъ, обманулись вышеписаннымъ маневромъ, и ожидая войска наши со стороны Старой Рагузы не нашли ихъ тамъ. Князь Вяземскій пришедъ къ Санто-Кроче, и не видя никакого помѣшательства, началъ садиться на присланныя со флота гребныя суда. Такимъ образомъ войска сѣли на суда въ двухъ верстахъ отъ непріятельской крѣпости и въ виду со всѣхъ сторонъ непріятеля. Когда уже войска наши были на корабляхъ, то передовой непріятельской отрядъ напалъ на Маіора Велизарева, но сей храбрый Офицеръ штыками обратилъ оный въ бѣгство и подъ прикры-

тіемъ канонерскихъ лодокъ и вооруженныхъ гребныхъ судовъ безъ потери сѣлъ на другія. Когда Митрополитъ и Князь Вяземскій при громкомъ ура! уже послѣдніе отвалили отъ берега, тогда Молиторъ и Лористонъ съ двухъ сторонъ приблизились къ пристани, и Капитаномъ 2-го ранга Мих. Быченскимъ, подъ распоряженіемъ коего садились войска наши на суда, встрѣчены были картечнымъ залпомъ.

При семъ славномъ отступленіи потеря съ нашей стороны оказалась въ одномъ раненомъ, и 10 егеряхъ, оставленныхъ у батарей на часахъ. Дабы не потерять большаго числа людей и не сдѣлать остановки въ отступленіи, 4 орудія, изъ которыхъ одинъ картаулъ былъ уже разбитъ, а прочія совсѣмъ растрѣлены и три мортиры оставлены заклепанными. Сіе пріобрѣтеніе дорого стоило непріятелю; потеря его, въ продолженіи осады съ 5 до 24 Іюня и въ сей послѣдній день, щитая въ томъ числѣ и Рагузцевъ, по показаніямъ плѣнныхъ, простиралась до 2.000, но вѣроятно, что онъ потерялъ болѣе 3.000; ибо жители умирали отъ болѣзней и изнуренія.

Великодушное намѣреніе Бокезцовъ.

25-го Іюня Главнокомандующій послалъ въ портъ С. Кроче. Контръ Адмирала Сорокина съ 3-мя кораблями, для порядочнаго размѣщенія войскъ, а самъ на кораблѣ Селафаилѣ отправился прямо въ Катаро, для сдѣланія тамъ

распоряженій и предупрежденія всякихъ безпокойствъ, по случаю извѣстной уже жителямъ сдачи области ихъ Австрійцамъ, а потомъ и Французамъ. По прибытіи его въ Кастель-Ново народные Депутаты отъ 8 Комунитатовъ подали письмо слѣдующаго содержанія:

Ваше Высокопревосходительство!

Нашъ препочтенный Начальникъ и Покровитель!

„Услыша, что Государю Императору угодно область нашу отдать Французамъ, мы именемъ всего народа объявляемъ: не желая противиться волѣ Монарха нашего, единодушно согласились, предавъ все огню, оставить отечество и слѣдовать повсюду за твоимъ флотомъ. Пусть одна пустыня, покрытая пепломъ, насытитъ жадность Бонапарте, пусть онъ узнаетъ, что храброму Славянину легче не имѣть отечества и скитаться по свѣту, нежели быть его рабомъ. Тебѣ извѣстна любовь и преданность наша къ Монарху нашему, ты видѣлъ, что мы не щадили ни жизни, ни имущества для славы Россіи; къ тебѣ же благодушный великій Амирантъ нашъ (такъ обыкновенно называли Адмирала), именемъ старцевъ, женъ и чадъ нашихъ, прибѣгаемъ и просимъ, предстательствуй у престола Монарха милосердаго и сердобольнаго, склони его къ моленіямъ нашимъ, да не отринетъ онъ народа ему вѣрнаго, народа жертвующаго достояніемъ и отечествомъ, любезнымъ ка-

дому гражданину, для малаго уголка земли въ обширной его Имперіи. Тамъ подъ его державою въ мирномъ и безопасномъ убѣжищѣ увѣрены будемъ, что святотатственная рука грабителей Европы не коснется праха костей нашихъ, и тамъ, посвятивъ себя службѣ новаго, но роднаго намъ отечества, мы утѣшимся, позабудемъ потери наши и вовѣки благословлять будемъ имя его. Если же противно ожиданію и надеждѣ, мы должны повиноваться злѣйшимъ нашимъ врагамъ, врагамъ вѣры и человѣчества, если ты не можешь позволить намъ слѣдовать за тобою, то остаться спокойнымъ зрителемъ нашей погибели. Мы рѣшились съ оружіемъ въ рукахъ защищать свою независимость и готовы всѣ до единаго положить головы свои за отечество. Обороняя его, пусть кровь наша течетъ рѣкою, пусть могильные кресты свидѣтельствуютъ позднѣйшему потомству, что мы славную смерть предпочли постыдному рабству, и не хотѣли другаго подданства кромѣ Россійскаго.“

Уже многія семейства отплыли въ Корфу, другіе перебирались на суда и готовили домы свои къ сожженію; нѣсколько корсеровъ предположили напасть на 3.000 Австрійцевъ въ Курцолѣ, защищаемыхъ только двумя военными бригами. Ужасное мщеніе ихъ нѣкоторымъ образомъ отнеслось бы къ намъ. На столь рѣдкую рѣшимость конечно равнодушно смотрѣть было не возможно. Отвсюду слы-

шенъ былъ вопль женщинъ и дѣтей; Приморцы въ глубокомъ уныніи смотрѣли на Адмиральской корабль, который, какъ думали они, пришелъ проститься съ ними, а флотъ съ войсками отправился уже прямо въ Корфу. Главнокомандующій былъ въ затруднительнѣйшемъ положеніи. Съ одной стороны, въ дѣлѣ толико важномъ, обращавшемъ на себя вниманіе многихъ державъ, собственная безопасность его требовала, чтобъ повелѣнное немедленно исполнить; съ другой, толь рѣшительная отчаянность и погибель цѣлаго народа, столь преданнаго Россіи, налагали на него долгъ человѣчества и любви къ славѣ отечества, не приступать къ сему безъ новаго донесенія о сихъ повстрѣчавшихся обстоятельствахъ. Сенявину предстоялъ подвигъ смѣлой, благородный и онъ не долго колебался въ выборѣ. Депутаты, подавъ ноту, стояли предъ нимъ заливаясь слезами, и рыдая неотступно просили быть заступникомъ ихъ предъ Государемъ. Послѣ краткаго размышленія, Адмиралъ сказалъ имъ: пошлемъ къ Государю избранныхъ изъ именитѣйшихъ Гражданъ (*), будемъ вмѣстѣ надѣяться на Его милосердіе или на перемѣну непріятнаго положенія политическихъ дѣлъ. До тѣхъ поръ, сколько мнѣ будетъ возможно, не оставлю васъ храбрый и великодушный народъ, я прі-

---

(*) Архимандритъ Вукотичь съ тремя депутатами милостиво и благосклонно были приняты Государемъ Императоромъ.

емлю на себя всю отвѣтственность; готовъ защищать васъ всею силою и охотою; успокойтесь и не предавайтесь отчаянію. Сей подвигъ Сенявина вывелъ его изъ чреды обыкновенныхъ людей, и поставилъ на ряду съ тѣми, кои не страшатся жертвовать собою пользѣ и славѣ Отечества. Съ сего времени имя его сдѣлалось извѣстнымъ Европѣ, и можетъ болѣе, нежели собственному его Отечеству; ибо скромность, чуждая самохвальствъ, всегда была добродѣтелію великихъ мужей, утѣшающихся правотою знаменитыхъ дѣлъ своихъ, не заботясь о томъ, больше ли они или меньше извѣстны.

28 Іюня Контръ-Адмиралъ Сорокинъ со флотомъ пришелъ на рейдъ, и по мѣрѣ, какъ корабли становились на якорь, войска немедленно свозились въ крѣпости Кастель-Ново и Эспаньолу. На другой день Главнокомандующій самъ сдѣлалъ распоряженія, назначилъ нѣкоторыя работы, дабы крѣпость Кастель-Ново привесть въ порядочное оборонительное состояніе. Въ Катаро и Ризано поставлены были только 3 роты; сами жители вызвались защищать ихъ. Войска поставлены были въ такомъ положеніи, что въ случаѣ надобности могли выйти на встрѣчу непріятелю; флотъ въ тотъ же день снова вышелъ для притѣсненія непріятеля съ моря. Народъ видя съ нашей стороны таковую дѣятельность и усердное попеченіе на оборону ихъ, увѣрившись, что Россіяне всегда будутъ съ

ними не разлучны, приняли прежнюю свою бодрость. Всѣ дороги впереди нашихъ постовъ, заняли отборные отряды Приморцевъ и Черногорцевъ, партіи ихъ снова появились подъ стѣнами Рагузы. Благодарность и усердіе Бокезцевъ были безпримѣрны: вся область представляла военный лагерь и вездѣ раздавалось да здравствуетъ Сенявинъ! гдѣ бы онъ ни показался, многочисленныя толпы съ почтеніемъ сопровождали его, кланялись до земли и лобзали прахъ ногъ его. Черногорцы въ знакъ почести безпрестанно стрѣляли и сколько ни убѣждали ихъ, что бы берегли патроны для Французовъ, они добродушно отвѣчали: *у нашего батюшки Государя больше червонцевъ чѣмъ фишекъ* (патронъ). Дмитрій Николаевичъ, въ душѣ кроткій, уклонялся отъ почестей и отъ всѣхъ изъявленій любви и благодарности къ нему народной. Подчиненные его, на опытѣ познавъ личное его мужество, безпристрастную справедливость, не могли не удивляться благородной его рѣшимости, и смѣю сказать сія эпоха въ жизни Адмирала представляла истинное торжество гражданскихъ и военныхъ его добродѣтелей.

Лористонъ и Молиторъ, хотя и получили еще помощь, умножившую число ихъ войскъ до 8000; но не осмѣлились выйти въ поле и по прежнему сидѣли запершись въ крѣпости. Усердные имъ Рагузинцы не могли похвастать пребываніемъ у нихъ Французовъ. Лишившись торговли, они не имѣли чѣмъ себя со-

держать, бывъ принуждены платить безпрестанныя контрибуціи, и раздѣвая себя, одѣвать нагихъ пришлецовъ. Они испили всю чашу горести; большая часть судовъ ихъ, находившихся въ портахъ Россіи и Англіи подвластныхъ, были задержаны, другія достались въ руки ихъ крейсерамъ. Бокезскіе корсеры обогатились на щетъ тѣхъ, кои искали ихъ разоренія. Съ другой стороны Французы брали все, что только имъ оставалось. Научась такимъ печальнымъ опытомъ, многіе изъ капиталистовъ бѣжали изъ отечества, и только у непріятелей своихъ нашли покой и покровительство.

Крейсерованіе въ маломъ морѣ — вѣтръ Сироко.

По новому распоряженію, сдѣланному для пресѣченія сообщеній непріятельскихъ войскъ изъ Далмаціи въ Рагузу, корабли Ярославъ, Венусъ и шебека Забіяка 5 Іюля отправились въ крейсерство въ малое море или иначе Нарентской заливъ. Настало то жаркое время, котораго конечно не превзойдетъ и палящій зной Африки. Роса и легкой вѣтерокъ ни мало не прохлаждали воздуха ночью, духота замѣняла огненные лучи полуденнаго солнца. Послѣ штиля, подулъ довольно свѣжій юговосточный вѣтръ, которой скоро наполнилъ воздухъ влажными парами. Берега покрылись мглою. Лучи солнца, проникая и преломляясь въ туманныхъ облакахъ, золотили края ихъ.

и являли взору черныя тучи съ краевъ зажженныя. Вся атмосфера казалась пламенѣющею, и представляла удивленнымъ глазамъ нашимъ обширный съ погасающими углями горнъ, съ коимъ горящія по краямъ и черныя въ срединѣ облака совершенное имѣли подобіе. Сильно дующій вѣтръ, называемый Италіанцами Сироко, (shirocco) (*) скоро превратился въ знойное удушающее дыханіе. Жаръ сдѣлался такъ великъ, что до крашеныхъ стѣнъ фрегата и чугунныхъ пушекъ дотронуться было не возможно, смола какъ бы разогрѣтая капала со снастей. Самунъ, какъ сказываютъ путешественники, имѣетъ свое дѣйствіе въ 2 футахъ отъ земли, дуновеніе его сходно съ шумомъ пламени, выходящаго изъ тѣснаго жерла; оный вѣтръ продолжается не болѣе 10 минутъ. Человѣкъ, умерщвленный огненнымъ симъ вихремъ, походитъ на покоющагося сладкимъ сномъ. Поелику Аравія и песчаная степь Саара, гдѣ свирѣпствуетъ Самунъ, лежитъ отъ Италіи на юго-востокъ и юго-юго-западъ (SSW) (**); то конечно проходя великое пространство моря и напитавшись испареніями водъ, здѣсь теряетъ онъ смертельность свою. Не смотря на сіе прохлаж-

(*) По Италіанскому произношенію Широкко

(**) Въ Сициліи и Италіи Широкко дуетъ съ сей послѣдней стороны горизонта и прямо отъ залива Сидро, за коимъ находятся песчаныя степи.

*

деніе, Сироко, порожденіе Самуна, особенно въ Сициліи, Мальтѣ и Корфѣ причиняетъ великій вредъ. Къ щастію не каждый годъ оный бываетъ, и продолжается не болѣе часовъ двухъ; но естьли продолжится онъ сутки, что иногда случается, то поля засыхаютъ, растенія пропадаютъ, древесные листья и плоды увядаютъ, желтѣютъ и опадаютъ, стѣны каменныхъ домовъ раскаляются, малые источники высыхаютъ и наконецъ вода повсюду дѣлается теплою. Скотъ предчувствуетъ приближеніе Сироко, онъ бѣжитъ и укрывается въ прохладныхъ пещерахъ или въ тѣни лѣсовъ, гдѣ тотчасъ ложится или стоитъ повѣся голову. При появленіи первыхъ знаковъ сего вѣтра, въ городахъ, спѣшатъ запирать ворота и ставни, прячутся въ погреба и въ самые прохладные покои. Пыль, поднятая на улицахъ, проходитъ въ самомалѣйшія, скважины, портитъ въ нѣсколько минутъ мяса, овощи, хлѣбъ и все съѣстное. Въ людяхъ особенно тучныхъ и полнокровныхъ, Сироко производитъ болѣзненные припадки, при изобильной испаринѣ, бросаетъ въ жаръ, кружится голова, краснѣютъ глаза и непреодолимо клонитъ къ сну. Уснувшій обливается потомъ, спитъ безпокойно, и встаетъ чувствуя слабость, какъ бы послѣ горячки. Хотя въ морѣ, Сироко меньшую имѣетъ силу, и не слишкомъ ослабляетъ здороваго человѣка; но крайнѣ нужно преодолѣвать сонъ, не дѣлать большаго движенія, и строго запре-

щать людямъ спать на палубахъ открывшись; ибо изобильная роса, падающая въ слѣдующую ночь, производитъ опасную простуду.

Съ небольшимъ часъ продолжался Сироко; потомъ небо прочистилось, вѣтръ стихъ, и къ вечеру воздухъ прохладился. У Меледы нашли шебеку Азардъ; островъ сей лѣсистъ, и изобилуетъ виномъ. Аббатъ Лавока полагаетъ, что тутъ, а не у Мальты, Апостолъ Павелъ претерпѣлъ кораблекрушеніе; но сіе не справедливо; ибо Апостолъ, построивъ новой корабль, отплылъ въ Римъ и на пути проходилъ Сиракузы и Мессину, что и доказываетъ ошибку Лавока, которая конечно произошла отъ того, что Мальта и Меледа въ древности назывались Мелита. 8 Іюля простояли мы въ Курцолѣ, гдѣ нашли корабль Петръ и тѣже 25 судна съ 5000 Австрійскихъ войскъ; 9-же числа прибыли на назначенный постъ въ малое море.

Отрядъ расположился такъ, что сообщеніе Рагузы съ Далмаціею, и сей съ островами къ ней прилежащими совершенно прекратились; корабль, фрегатъ и шебеки попеременно находились подъ парусами. Въ первые дни перехватили нѣсколько судовъ, а напослѣдокъ и рыбаки, которымъ мы не препятствовали заниматься ихъ ремесломъ, не показывались. Французскія войска занимали берега вокругъ, безпрестанно ходили вадъ и впередъ, и по малѣйшему подозрѣнію примѣ-

сняли приверженныхъ къ намъ жителей. Въ одинъ день шебека Забіяка, проходя близь монастыря Заострогъ, была атакована Французами, засѣвшими въ садахъ. Венусъ пришедъ къ ней на помощь, картечнымъ залпомъ прогналъ ихъ, и за сіе взяли они съ монаховъ контрибуцію! Собранная и на маломъ пространствѣ расположенная 20.000 армія, опасаясь высадки и бунта народа, стояла подъ ружьемъ, и терпѣла крайній недостатокъ въ продовольствіи; ибо доставленіе изъ Италіи берегомъ было крайнѣ затруднительно, а Далмація безплодная, существовавшая только торговлею, и нынѣ лишенная оной, не имѣла хлѣба и для продовольствія жителей. Французы брали контрибуціи до тѣхъ поръ, какъ уже нечего было брать. Отъ жару, изнуренія, въ продолженіи сего лѣта, по увѣренію жителей, умерло солдатъ до 8000 человѣкъ; такимъ образомъ тѣсная блокада стоила непріятелю гораздо болѣе, нежели самыя сраженія и сила наша столь не значущая, имѣла преимущество надъ, превосходнымъ числомъ Французовъ. Бонапарте, которому ничего нѣтъ не возможнаго, дабы облегчить доставленіе провіанта берегомъ, приказалъ сквозь цѣпь кремнистыхъ горъ пробить дорогу. Несчастные жители, не различая никакого состоянія, были собраны и подобно невольникамъ, провожаемые, солдатами, сдѣлали оную до Зары, и сія-то дорога названа Наполеоновъ путь. Путь сей, сдѣланный не-

заплаченными трудами жителей, сверхъ сего тягостные налоги, конскрипція и всякаго рода угнетенія, довели бѣдныхъ Далматцевъ до самаго бѣдственнаго состоянія. Негодованіе сдѣлалось повсемѣстно, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народъ взялся за оружіе, деревни пылали, и *возмутители*, такъ Французы обыкновенно называютъ истинныхъ сыновъ отечества, разстрѣливались. Сіе принудило Генерала Мармонта объявить Далмацію въ военномъ состояніи, и бѣдствія народа еще болѣе увеличились.

Отъ жаровъ вода испортилась, и сей смрадной воды выдавалось матрозамъ и офицерамъ по стакану въ день. Во все плаваніе въ Средиземномъ морѣ, только здѣсь имѣли мы крайней недостатокъ въ оной. Открывши въ пустомъ мѣстѣ ключъ, послали, подъ прикрытіемъ шебеки, гребныя суда съ бочками; непріятель пришелъ воспрепятствовать, но Поручикъ Вечесловъ съ 80 морскими солдатами, занявъ выгодную высоту, не допустилъ ихъ вредить рабочимъ людямъ, кои безъ потери, но налитіи водою, возвратились на фрегатъ. 31 Іюля, Французы извѣстили насъ о мирѣ, заключенномъ между Россіею и Франціею, а 1 Августа получили повелѣніе прекратить военныя дѣйствія; почему отрядъ прибылъ 2 Августа въ Курцолу, гдѣ соединясь съ кораблемъ Петромъ, и забравъ гарнизонъ, прибыли въ Катаро 5 Августа, куда къ 11 числу и весь флотъ собрался.

Переговоры о сдачѣ Боко ди Катаро.

4 Іюня Фельдмаршалъ-Лейтенантъ Графъ Беллегардъ и Полковникъ Графъ л'Епинъ, полномочные Австрійскіе Коммиссары, доставили Адмиралу Высочайшее повелѣніе, которымъ Государь Императоръ, во уваженіе дружбы къ Австрійскому Императору, приказалъ, для передачи Французамъ, сдать Катаро Цесарцамъ. Главнокомандующій разсуждая, что Государь еще не получилъ увѣдомленія о новомъ нарушеніи правъ народныхъ, завладѣніемъ Рагузской республики, бывшей подъ покровительствомъ Турціи, союзницы Россіи, объявилъ обоимъ Графамъ, что. „пока Рагуза не оставлена будетъ Французскими войсками, и независимость республики не будетъ обезпечена вѣрнымъ споручительствомъ, до тѣхъ поръ Катаро не будетъ сдана Австрійцамъ“ Въ слѣдствіе сего Графъ л'Епинъ старался склонить Генерала Лористона оставить Рагузу; но онъ отклонилъ сіе не совмѣстнымъ предложеніемъ, „ему занять Катаро, а Рускимъ Рагузу.“ Поелику же Бокезцы, клятвою между собою обязались не отдаваться ни Австрійцамъ, ниже Французамъ, и отправили о томъ прошеніе къ нашему Двору, то Адмиралъ нашелъ новую причину до вторичнаго повелѣнія, на многія отношенія Австрійскихъ полномочныхъ не дать рѣшительнаго отвѣта. 19 Іюля Графъ

л'Епинъ, описавъ стѣсненное положеніе своего Двора удержаніемъ крѣпости Браунау и угроженіемъ занять Тріестъ и Фіуме, предложилъ, чтобы Францускія войска отступили до Станьо, Австрійцы же заняли бы новую Рагузу, и находясь такимъ образомъ между нами и Французами, подалибы нашимъ войскамъ возможность безопасно опорожнить Боко ди Катаро, послѣ чего Французы примутъ область отъ Цесарцовъ. Адмиралъ, дабы выиграть время и зная, что и оное предложеніе не могло быть исполнено, согласился для одного вида. Между симъ временемъ прибылъ изъ Анконы Францускій Капитанъ Техтерманъ съ письмомъ отъ Статскаго Совѣтника Убри съ приложеніемъ выписки изъ мирнаго договора, подписаннаго имъ 8 Іюля въ Парижѣ между Россіею и Франціею. Какъ сей Офицеръ не имѣлъ никакого виду отъ Г. Убри и необыкновеннымъ образомъ спѣшилъ возвратиться въ Анкону, а бывши отпущенъ, и воспользовавшись штилемъ на своей требакѣ вошелъ въ Рагузу; то сей поступокъ внушилъ Адмиралу подозрѣніе касательно достовѣрности бумагъ имъ привезенныхъ, и понудилъ отвѣтствовать Графу л'Епину, что до полученія новыхъ повелѣній Государя Катаро не можетъ быть сдана. Австрійскіе полномочные, огорченные можетъ быть безуспѣшными переговорами, объявили, что они имѣютъ повелѣніе силою занять Катаро, жаловались на умышленное промедленіе, огорча-

лись, что наши гребныя суда ходятъ дозоромъ около Австрійскаго брига и заключили ноту свою тѣмъ, что не вступятъ ни въ какія дальнѣйшія разсужденія. По причинѣ сихъ угрозъ Капитану Белли приказано препятствовать высадкѣ Австрійскихъ войскъ и наблюдать ихъ какъ непріятельскія. А какъ въ числѣ судовъ, на которыхъ войска привезены были изъ Тріеста, нашлось нѣсколько Бокезскихъ, принужденно тамъ взятыхъ, то, пока продолжались переговоры о семъ новомъ оскорбленіи Россійскаго флага, Генералъ Беллегардъ совершенно лишенъ былъ способовъ приступить къ насилію.

27 Іюля Артиллеріи Штабсъ-Капитанъ Магденко, находившійся въ плѣну, прибылъ изъ Люневиля съ дупликатомъ мира и изустнымъ подтвержденіемъ отъ Убри поспѣшить сдачею Каттаро. Съ нимъ пріѣхалъ Французскій Капитанъ съ письмомъ къ Адмиралу отъ Вице Короля Италіянскаго; на другой день отъ него же Полковникъ Сорбье доставилъ другое письмо и третью депешу Г. Убри, подтверждающую миръ имъ подписанный. Не зная полномочій, какія даны были сему Министру, Адмиралъ хотя не могъ болѣе сомнѣваться о точности мира, однакожъ желая дождаться какъ оный будетъ принятъ Государемъ, предположивъ медлить сдачею до точнаго повелѣнія Двора, приказалъ какъ и Французскіе Генералы прекратить военныя дѣйствія, единственно съ тѣмъ только

намѣреніемъ, чтобы обезпечивъ на всякой случай отступленіе, быть готову съ большею силою противустать наступленію, чего отъ Французовъ, и во время мира можно всегда ожидать. По новому требованію Австрійскихъ полномочныхъ, которые по случаю мира съ Франціею думали, что нѣтъ уже препятствія приступить къ сдачѣ имъ области, Адмиралъ отвѣчалъ, что оная сдача по сему миру остановлена, и ничего не упомянулъ, что слѣдуетъ отдать ее Французамъ; встревоженные симъ они требовали объясненія. Адмиралъ поручилъ отвѣчать Г. Санковскому, которому по Гражданской части дано было повелѣніе сдать Катаро Австрійцамъ, но Г. Санковскій сказался больнымъ и не хотѣлъ вступить ни въ какіе переговоры.

30-го Іюля прибылъ въ Кастель-Ново Генералъ Лористонъ съ порученіемъ отъ Главнокомандующаго Генерала Мармонта для распоряженій касательно опорожненія провинцій. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій начались переговоры. Лористонъ просилъ увѣрить Бокезкій народъ, что Наполеонъ обѣщаетъ забыть все прошедшее. Адмиралъ отвѣчалъ, что лучшій образъ успокоить жителей былъ бы тотъ, чтобы торжественно обнадежить, что они не будутъ обременены налогами, контрибуціями, дѣланіемъ дорогъ, поправленіемъ крѣпостей безъ платы, избавлены будутъ конскрипцій, словомъ, что они будутъ наслаждаться тѣмъ же спокойствіемъ

и благоденствіемъ, какимъ пользовались подъ управленіемъ Россійскимъ. Лористонъ далъ слово, конечно не съ тѣмъ, чтобы его исполнить, ибо правительство его приняло систему содержать солдатъ на щетъ жителей. Съ своей стороны Лористонъ требовалъ, чтобы возвратить всѣ взятыя Рагузскія суда; поелику республика пребывала будтобы всегда неутральною; на сіе Адмиралъ отвѣчалъ, что самъ онъ издалъ прокламацію, и объявилъ, что глава Французскаго народа, присоединяя республику къ своимъ владѣніямъ, не прежде признаетъ неутралитетъ ея, какъ когда Россійскія войска оставятъ Катаро и Корфу, да къ томужъ само Французское правительство не задолго предъ тѣмъ повелѣло щитать доброю призою суда Іоническія, именно за то, что оная республика занята Россійскими войсками. Въ слѣдствіе многихъ сему подобныхъ переговоровъ, Адмиралъ положилъ срокъ сдачи 15-го Августа, уповая до того времени получить подтвердительныя наставленія отъ Графа Разумовскаго изъ Вѣны, и по наружности сдѣлалъ пріуготовленіе и видъ согласія на опорожненіе области. Потомъ объявилъ Австрійскимъ полномочнымъ, что Катаро, во исполненіе статьи мира, сдана будетъ прямо Французамъ, а не имъ. Встревоженные таковымъ объявленіемъ они 31 Іюля прислали ноту, въ коей сильными и справедливыми доводами протестовали противу непосредственной сдачи Бока ди Катаро Французамъ. Въ

слѣдъ за нотою сами пріѣхали на Адмиральской корабль, прежнія угрозы перемѣнивъ на ласковыя убѣжденія, признались откровенно, что причина, для коей они столь сильно настаивали на сдачу, была та, что Мармонтъ и Лористонъ увѣряли ихъ и честію своею ручались, будтобы Адмиралъ пригласилъ Англичанъ для занятія Катаро.

Адмиралъ, получивъ столь нужный ему протестъ, объявилъ Лористону, также и Г. Санковскій, что до полученія Высочайшихъ повелѣній никогда и не думано приступить къ опорожненію провинцій, тѣмъ болѣе, что еще нѣтъ примѣровъ въ исторіи, чтобы выполненіе мирныхъ статей когда либо могло имѣть мѣсто прежде размѣны ратификацій. Лористонъ, удивленный такою перемѣною, прекратилъ переговоры, и свидѣтельствуя личное свое уваженіе Адмиралу, сожалѣлъ о потерянномъ времени, и прощаясь, по обычаю Французскихъ дипломатиковъ, сказалъ: „что онъ отъ сей остановки опасается весьма бѣдственныхъ для Европы слѣдствій и что Адмиралъ симъ отлагательствомъ навлечетъ Государю своему и отечеству большія непріятности."

Австрійскіе дипломаты благодарили Адмирала за участіе, принимаемое имъ въ трудномъ ихъ положеніи. Однакожъ, хотя и прибылъ 13-го Августа отъ Посла Графа Разумовскаго курьеръ съ депешею Министра Морскихъ силъ, въ коей содержалось подтвер-

жденіе воли Государя относительно сдачи Боко ди Катаро Австрійцамъ; но какъ депеша сія была отправлена до полученія донесенія о заключеніи Убріемъ мира; то Адмиралъ отвѣчалъ имъ, что рѣшился ожидать новыхъ повелѣній Императора, и прежде полученія оныхъ, Катаро не будетъ сдана ни Французамъ, ни Австрійцамъ.

Митрополитъ, извѣстный своею тонкостію въ политическихъ дѣлахъ, представлялъ въ сіе время, хотя и стороною, немаловажную особу; и не допустилъ обмануть себя, ни ласкательствомъ, ни щедрыми обѣщаніями. Французы, кромѣ гласныхъ переговоровъ, употребляли всѣ тайные способы. Митрополитъ нуженъ имъ былъ какъ для удержанія въ повиновеніи Бокезцовъ, такъ и для будущихъ ихъ видовъ на Герцоговину и Албанію, гдѣ онъ по духовному своему сану имѣлъ великую власть. Митрополитъ хитро узнавъ о намѣреніи Французскаго правительства, открылъ глаза сосѣдственнымъ Пашамъ, такъ что значительные подарки, данные отъ Французовъ Скутарскому и Требинскому Пашамъ, не послужили ни къ чему. Лишь только Адмиралъ возгласилъ къ жителямъ Герцоговины, Депутаты, ихъ явились съ предложеніемъ услугъ, а Паши, подобно Али Пашѣ Албанскому, остались добрыми намъ пріятелями и ничего, по внушенію Французовъ, ко вреду нашему не предпринимали.

По отъѣздѣ Лористона, Австрійскіе полномочные снова подали нѣсколько нотъ, про-

сили, убѣждали, настоятельно требовали, снова потеряли границу умѣренности и позволили себѣ неприличныя выраженія; Адмиралъ нашелъ благоразумнымъ не входить съ ними ни въ какія дальнія поясненія. Наконецъ 26 Августа Фельдъегерь привезъ Высочайшее повелѣніе отъ 31-го Іюля о всемѣрномъ продолженіи военныхъ дѣйствій, и естьли Катаро сдана, взять и занять всѣ прежнія позиціи, какія до мира, подписаннаго Убріемъ, но не утвержденнаго Императоромъ (*), флотъ и армія наша имѣли. Должно себѣ представить, сколько обрадованъ былъ Адмиралъ такимъ повелѣніемъ, которое оправдывало его осторожность и всѣ распоряженія, предпринятыя имъ по собственному усмотрѣнію. Дабы имѣть время собрать нерегулярныя войска, Адмиралъ, пригласивъ Митрополита и всѣхъ частныхъ начальниковъ, объявилъ имъ волю Государя и на другой же день часть флота и всѣ корсеры отправились въ море, имѣя повелѣнія въ отдаленныхъ мѣстахъ отъ Рагузы брать непріятельскія суда.

Такимъ образомъ усильное троекратное приглашеніе Убри, лестныя убѣжденія Евге-

(*) ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, не утвердивъ сего мира, повелѣлъ предложить Французскому правительству возобновить негоціацію, на новыхъ условіяхъ, въ числѣ коихъ состояли, чтобы Далмація и Боко ди Катаро не были во владѣніи Франціи.

нія Вице Короля Италіянскаго, настоянія Лористона, Беллегарда и Л'Енина не поколебали твердости Сенявина и доказывали притомъ, коликую важность Бонапарте приписывалъ удаленію насъ отъ Далмаціи и занятію войсками его Катаро. Цѣль его при заключеніи мира конечно была только та, чтобы обмануть бдительность Сенявина, занять Катаро и усилить прочіе пункты, приближающіе его къ Герцоговинѣ и Албаніи, а потомъ наводнивъ Далмацію войсками открыть явно свои виды на владѣнія Порты, завладѣть оными, либо заставить державу сію содѣйствовать ему въ злобѣ его противу Россіи; но осторожное и благоразумное поведеніе Адмирала, поставило непреодолимую препону всѣмъ его замысламъ. Стараніе Французовъ разгласить скорѣе о мирѣ, заключенномъ между Россіею и Франціею, въ другой сторонѣ доставило имъ великую пользу. Неаполитанской Дворъ почиталъ себя совершенно оставленнымъ Россіею и Англичане думая тоже, оставили Калабрію мщенію Французовъ, и миръ сей для нещастныхъ Калабрійцовъ имѣлъ дѣйствія весьма противныя тѣмъ, которыя Сенявинъ умѣлъ отклонить отъ Бокезцовъ. Наполеонъ, узнавъ о нападеніи на его войска, какъ сіе видно будетъ, негодовалъ, гнѣвался и ложь Монитера, изобличая его неудачу, каковую онъ не привыкъ переносить, служила Сенявину наилучшею похвалою и наградою. Напрасно наемныя журналисты старались всѣхъ увѣрить, что

Катаро взята, о чемъ въ Венеціи въ театрѣ при барабанномъ боѣ объявили, напротивъ того скоро вездѣ узнали, что Сенявинъ, не давъ обмануть себя переговорами, разбилъ славныхъ его Генераловъ и остался спокойнымъ обладателемъ провинціи Катарской.

Журналъ военныхъ дѣйствій отъ 2-го по 23-е Сентября.

По заключеніи мира, еще съ половины Августа мѣсяца Французы начали строить батареи при самомъ входѣ въ заливъ Катарской на мысѣ Остро. По полученіи же повелѣнія о продолженіи военныхъ дѣйствій, Адмиралъ, желая собрать болѣе нерегулярныхъ войскъ и сдѣлать нужныя пріуготовленія въ тайнѣ, дожидалъ когда батареи будутъ кончены, дабы, взявъ готовыя, не имѣть труда строить ихъ своими людьми. Французскіе Генералы, не смотря на миръ, безъ помѣшательства продолжая укрѣплять входъ въ Катаро, осмѣлились весьма близко приблизить передовые посты свои къ нашей границѣ; посему Адмиралъ просилъ Генерала Мармонта, чтобы онъ ввелъ войска свои въ ту позицію, въ коей они находились при первомъ полученіи извѣстія о мирѣ, именно 2-го Августа, какъ въ началѣ условленось было; въ случаѣ же отказа, такъ сказано въ письмѣ Сенявина, я принужденъ буду употребить другія мѣры. Мармонтъ, чего точно и желалъ Сенявинъ, отвѣчалъ

колко, и въ отвѣтѣ своемъ между прочимъ сказалъ, что онъ такого характера, что никто не можетъ устрашить его и потому войска его не отступятъ ни на шагъ. На другой день Тезоименитства Государя Императора, которой провели въ радости и веселіи, весь флотъ, кромѣ Адмиральскаго корабля, вышелъ изъ залива и о начатіи военныхъ дѣйствій было объявлено. Контръ-Адмиралу Сорокину съ 4 кораблями и фрегатомъ поручено блокировать порты Рагузы. Венусу достался постъ отъ Будуа до Молонты.

Въ тоже время 2-го Сентября отряды нерегулярныхъ войскъ подъ начальствомъ Графа Воиновича и Вуко Юро, напали на Французскую колонну и прогнали ее съ большимъ урономъ отъ границы. Мармонтъ, удивленный такимъ нападеніемъ, перемѣнилъ прежній свой тонъ, и въ другомъ письмѣ своемъ къ Сенявину объявилъ, что онъ рѣшился оставить укрѣпленія и желаетъ отступить въ позицію 2-го Августа; но уже было поздно, непріятельскія дѣйствія были начаты. 7-го Сентября корабль Петръ и фрегатъ Венусъ сбили на низменности мыса Остро 10 пушечную батарею и съ сего дня по 15 число корабль стоя на якорѣ у оконечности мыса, фрегатъ подъ парусами, а канонерскія лодки отъ стороны залива, базпрестанно безпокоили непріятеля ядрами и картечами, мѣшали ему въ продолженіи работъ и убили у него много людей.

9-го Сентября Капитанъ Белли, стоявшій въ Рагузскомъ заливѣ, на двухъ требакахъ взялъ въ плѣнъ 17 Штабъ и Оберъ Офицеровъ, 46 рядовыхъ и довольное число военной амуниціи и шанцевыхъ инструментовъ. 12-го Сентября Венусъ не допустилъ другія два непріятельскія судна, шедшія съ провизіею къ мысу Остро, и прогналъ ихъ въ портъ Молонты, куда съ 3 гребными вооруженными судами посланъ былъ Офицеръ взять оныя. Но какъ стояли онѣ на мѣли, то послѣ сильной перестрѣлки съ Французскими стрѣлками, разбивъ оныя ядрами, Офицеръ, безъ потери, отступилъ.

13-го Сентября, когда собралось довольное число Приморцевъ и Черногорцевъ подъ предводительствомъ Митрополита, регулярныя наши войска выступили изъ Кастель-Ново, и какъ въ тоже время батареи на Остро рѣшительно были атакованы кораблями; то лишь войска показались на видъ, Французы поспѣшно оставили всѣ укрѣпленія и сомкнулись отъ *Дебелаго брега* (урочище въ 12 верстахъ отъ Кастель-Ново) до порта Молонта, а къ вечеру тогоже дня по краткомъ сопротивленіи, оставили ретраншаментъ, въ семъ портѣ вновь сдѣланный. Въ обѣихъ укрѣпленіяхъ взято 38 орудій, въ томъ числѣ 5 мортиръ и по числу оныхъ достаточное число снарядовъ; въ портѣ же Молонта взято 10 судовъ съ провизіею.

*

14-го Сентября неприятель продолжалъ отступать по высотамъ *Виталино* вдоль по каналу къ Старой-Рагузѣ. Митрополитъ преслѣдовалъ его неослабно, и занялъ весь *Дебелый-брегъ.* 15 числа сраженіе какъ и въ прежніе два дни не умолкало ни на минуту. Французы отступали шагъ за шагомъ. Въ сей день непріятельская флотилія, состоящая изъ 10 лодокъ и брига, стоявшая въ портѣ Старой Рагузы, выславъ напередъ подъ переговорнымъ флагомъ большую требаку съ 180 тяжело ранеными, вознамѣрилась прорваться въ Новую Рагузу; но когда фрегатъ Венусъ, по сигналу Капитана Белли, вступилъ подъ паруса, флотилія возвратилась, а требака взята въ плѣнъ.

16-го числа въ присутствіи Главнокомандующаго Приморцы и Черногорцы, имѣя при каждомъ отрядѣ плутонгъ егерей, оказали рѣдкую неустрашимость и соревнуя другъ другу принудили Французовъ оставить укрѣпленной ихъ лагерь въ *Виталино.* Въ сей день Графъ Савва Ивеличь особенно отличился, онъ съ своими Ризанотами напалъ и отнялъ урочище *Волчее жерло.* Послѣ сего непріятель отступилъ въ главный свой лагерь при Старой Рагузѣ. Къ сожалѣнію всѣхъ храбрый Черногорскій Воевода Ускоковичь убитъ; потеря наша впрочемъ малозначуща, а непріятель однихъ убитыхъ потерялъ 340 человѣкъ. Флотилія вновь хотѣла пройти въ Новую-Рагузу; но фрегатъ Венусъ подошедъ ко входу въ

Старую-Рагузу воспрепятсвовалъ сему. По причинѣ тишины не можно было предпринять атаки и фрегатъ безъ дальняго вреда перестрѣливался съ лодками и батареями, а къ ночи отошелъ на пушечный выстрѣлъ.

Какъ къ 20-му Сентября ожидали прибытія войскъ изъ Корфы и къ томуже времени долженствовало собраться большее число Черногорскихъ ратниковъ; то въ сей день Адмиралъ положилъ рѣшительно напасть на непріятеля съ моря и сухаго пути; но 17-го числа Генералъ Маіоръ Попандопуло посредствомъ легкихъ перестрѣлокъ открылъ, что непріятель очень усилился; плѣнные показали, что вчерашняго числа прибыли изъ Далмаціи 2 полка и всѣ войска собралися въ одно мѣсто. Мармонтъ, считая малочисленной отрядъ нашъ вѣрною жертвою, предпринялъ отрѣзать его отъ крѣпостей и истребить въ полѣ. 18-го Сентября на разсвѣтѣ предупредилъ онъ наше нападеніе своимъ наступленіемъ, сбилъ передовые посты и атаковалъ главную квартиру Митрополита, стоявшую при рѣкѣ *Лютой* и овладѣлъ оною. Митрополитъ былъ въ великой опасности; однакожъ сражаясь съ превосходною силою, хотя съ потерею, но со славою отступилъ къ урочищамъ *Модези каменной* и *Мокрино*. Еще до сраженія одинъ Французской Генералъ съ 2 Адьютантами, наткнулся на партію Рязановъ подъ командою Графа Саввы Ивелича и были убиты. Генералъ Попандопуло, по отступленіи Митр-

рополита, увидѣвъ 7 непріятельскихъ колоннъ, каждая сильнѣе его въ два раза, устремленныхъ на войска наши съ трехъ сторонъ и стоя на невыгодномъ положеніи, въ ночь отступилъ къ *Модези* и занялъ выгоднѣйшую позицію на границѣ Бокезкой, а Митрополитъ съ большею частію своихъ войскъ сталъ въ другихъ проходахъ, ведущихъ въ Катаро. Въ сіе время доставленныя изъ Корфы 2 баталіона Колыванскаго и Козловскаго полку и 4 роты Витебскаго, смѣненныхъ въ крѣпостяхъ морскими солдатами и матрозами, присоединились къ отряду Генерала Попандопуло. Адмиралъ прибывъ въ лагерь предъ свѣтомъ, расположилъ войска къ наилучшей оборонѣ и удостовѣрясь въ чрезмѣрномъ превосходствѣ силъ непріятельскихъ, предположилъ заманить его подъ крѣпости и тамъ собравъ весь народъ дать ему рѣшительную битву; почему и приказалъ Генералу Попандопуло держаться на семъ мѣстѣ столько сколько силы позволятъ, а потомъ отступить. Адмиралъ возвратившись въ Кастель-Ново собралъ въ оную всѣ войска, поставилъ 2 линейныхъ корабля по обѣ стороны крѣпости и размѣстилъ другіе вдоль берега, потомъ чрезъ телеграфы извѣстилъ жителей о приближеніи непріятеля. Всю ночь и день матрозы, свезенные съ кораблей, приготовляли крѣпость къ оборонѣ и въ скрытыхъ мѣстахъ ставили батареи. Народъ, ободренный таковою дѣятельностію, не унывалъ и готовился къ отчаянной защитѣ.

Къ достохвальнымъ примѣрамъ геройскихъ подвиговъ, отечественная исторія пріобщитъ сраженіе 19-го Сентября, бывшее въ окрестностяхъ Кастель-Ново, гдѣ 3.500 нашихъ войскъ съ 2.000 жителей устояли противу 20.000 Французовъ, предводимыхъ однимъ изъ лучшихъ ихъ Генераловъ. Блистательное мужество малаго сего отряда пріобрѣло новый лавръ непобѣдимой нашей пѣхотѣ.

Съ разсвѣтомъ непріятель атаковалъ наши передовые посты на всѣхъ пунктахъ, и скоро сраженіе сдѣлалось общимъ. Генералъ Лористонъ сдѣлалъ первое нападеніе, но не могъ устоять противу нашего огня и былъ обращенъ назадъ; другая сильная колонна имѣла туже участь. Мармонтъ, устроивая сзади своихъ линій разстроенныя колонны, безпрестанно вводилъ свѣжіе отряды въ огонь; наши же войска, отражая ихъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, картечами горныхъ орудій, возимыхъ на лошакахъ, и обращая въ бѣгство штыками, возвращались на свои мѣста; и такимъ образомъ семь часовъ сряду выдерживали всѣ усилія храбрости Французской. Когда день клонился уже къ вечеру, мужественный Генералъ Попандопуло, выславъ 13 егерскій полкъ для прикрытія, отступилъ въ порядкѣ на другую позицію, имъ избранную. Здѣсь непріятель напалъ на лѣвой нашъ флангъ, который однакожъ съ чрезвычайною твердостію удержалъ стремленіе его; но какъ

мѣсто позволяло ему окружить отрядъ нашъ и оный почти уже былъ обойденъ, то Генералъ Попандопуло отступая мало по малу поддерживалъ себя, то чрезъ маневры, то чрезъ небольшія атаки. Въ семъ случаѣ Мармонтъ въ донесеніи своемъ похваляетъ мужество и стойкость нашей пѣхоты; тутъ наша рота сражалась съ баталіономъ и одинъ нашъ Егерскій баталіонъ обратилъ въ бѣгство цѣлый Француской полкъ. За всѣмъ тѣмъ непріятель преслѣдовалъ войска наши весьма близко, и надѣялся ворваться въ крѣпость на плечахъ; но какъ скоро приблизился къ морскому берегу, у рѣчки Сатурнино картечный залпъ съ канонирскихъ лодокъ и барказовъ остановилъ его. Подъ таковымъ прикрытіемъ наши спокойно вступили въ крѣпость, а Французы остановились тамъ, гдѣ была наша послѣдняя позиція.

20 Сентября Главнокомандующій обще съ Митрополитомъ положилъ допустить непріятеля, даже поощрить его къ штурму крѣпостей; между тѣмъ, для истребленія его конвоевъ, послать сильные отряды Черногорцевъ на дорогу въ Старую Рагузу и выслать къ Кастель-Ново всѣхъ воиновъ, могущихъ несть оружіе, что поручено Г. Санковскому и исполнено имъ со всею дѣятельностію. Народъ ни мало не унывалъ, даже женщины не стенали и не плакали, и всѣ отъ стараго до малаго вооружились.

20 Сентября Мармонтъ, не видя съ на-

шей стороны ни какаго препятствія, перемѣнилъ позицію, сталъ отъ крѣпости въ 3 верстахъ и тотчасъ выслалъ двѣ сильныя колонны. Одна шла по берегу, другая обходя крѣпости подвигалась къ Каменной и Мокрино; первая сдѣлала видъ приступа, послѣдняя показывала, будто хочетъ прорваться внутрь провинціи къ Ризано; но оба сіи виды были обманные; ибо Французы знали, что тому гарнизону, который могъ стоять противу ихъ въ полѣ, не имѣя артиллеріи, не льзя ничего сдѣлать въ крѣпостяхъ, знали также и то, что въ Ризано съ такимъ числомъ имъ пройти не возможно. Цѣль ихъ состояла въ томъ, что бы осмотрѣть силу крѣпостей, выманить регулярныя войска и если удастся, то отрѣзать и потомъ истребить ихъ. Первый непріятельскій отрядъ зажегъ загородные дома Бокезцевъ и одно Турецкое пограничное селеніе за то, что жители сего послѣдняго не подняли противу насъ оружія. Сія жестокость была наказана и стоила имъ великой потери. Когда первая колонна приближилась къ крѣпостямъ, корабль Ярославъ вмѣстѣ съ оною, картечнымъ перекрестнымъ огнемъ, разсѣялъ ее, и едва малые остатки успѣли соединиться со второю. Пушечные громы были сигналомъ общаго нападенія. Не можно было Черногорцевъ и Приморцевъ, при видѣ пылающихъ домовъ ихъ, удержать на своихъ мѣстахъ, какъ то было предполагаемо. Они съ ужаснымъ крикомъ высыпались

изъ скрытыхъ мѣстъ, бѣгомъ спустились съ горъ, и напали на колонну со всѣхъ сторонъ такъ удачно, что тотчасъ ее разстроили и гнали до самаго лагеря. Мармонтъ выслалъ другую для подкрѣпленія, маневрировалъ, употреблялъ всѣ хитрости искуства; но ни что ему не помогло. Приморцы и Черногорцы, ободренные присутствіемъ Адмирала и Митрополита, пользуясь удобнымъ для нихъ мѣстоположеніемъ, удачно поражали непріятеля сильнымъ и вѣрнымъ своимъ ружейнымъ огнемъ. Битва сдѣлалась общею, со всѣхъ сторонъ стекался храбрый народъ, и умножая число сражающихся оказалъ необыкновенные порывы храбрости. Наши войска поддерживали ихъ только въ нужныхъ случаяхъ. Отъ полудня до 5 часовъ сраженіе продолжалось съ чрезвычайною жестокостію съ обѣихъ сторонъ. Послѣ сего Мармонтъ отступилъ къ лагерю; но и тутъ не остался въ покоѣ, перестрѣлка горѣла во всю ночь. Партіи Приморцевъ и Черногорцевъ, вновь приходящихъ и вступающихъ въ огонь, возбуждали ревность утомленныхъ сраженіемъ прошедшаго дня; почему непріятель принужденъ былъ всю ночь стоять подъ ружьемъ.

21 Сентября, Мармонтъ, обманувшись въ надеждѣ, что между Бокезцами найдетъ сильную себѣ партію; узнавъ на опытѣ, что и въ лагерѣ своемъ безъ сильной артиллеріи, которой при себѣ не имѣлъ, не можетъ быть безопасенъ отъ дерзости нерегулярныхъ ратниковъ;

и получивъ извѣстіе, что Герцоговинцы въ отмщеніе за сожженное свое селеніе, соединившись съ отрядомъ *Мило*, Сердаря Черногорскаго, взяли *Виталино*, отбили нашихъ плѣнныхъ и истребили два обоза; опасаясь притомъ, что Адмиралъ по собраніи большаго числа вооруженныхъ жителей, можетъ не только разбить, но и истребить его армію на мѣстѣ; и по тому рѣшившись ничего не предпринимая отступить, столь поспѣшно оставилъ лагерь съ 7 пушками, найденными имъ въ разоренныхъ домахъ, и бросилъ всѣ тяжести, своихъ и 25 нашихъ раненыхъ, что только Митрополитъ съ легкими своими войсками преслѣдовалъ его до Старой Рагузы, гдѣ непріятель остановился въ укрѣпленномъ лагерѣ.

22 и 23 Сентября, большія партіи Черногорцевъ прошедъ мимо крѣпостей, вокругъ старой и далѣе Новой Рагузы предали все огню и мечу, и съ добычею безъ малѣйшаго помѣшательства отъ Французовъ возвратились въ домы.

24 Наши войска стали по квартирамъ. Храбрые солдаты, утомленные въ продолженіи 10 дней безпрестанными сраженіями и маршами, награждены были рѣдкимъ вниманіемъ Главнокомандующаго. Для всего наличнаго числа приготовленъ былъ сытный обѣдъ, и на двухъ выдано по осьмухѣ виноградного вина.

Потеря наша только 19 Сентября была чувствительна, убитыхъ и безъ вѣсти про-

павшихъ было 175 человѣкъ, раненыхъ Штабъ и Оберъ-Офицеровъ 12 и 276 рядовыхъ Черногорцевъ и Приморцевъ во все продолженіе военныхъ дѣйствій убитыхъ и раненыхъ до 800 человѣкъ. Непріятель потерпѣлъ значительнѣйшій уронъ; у него убито Генералъ 1, Штабъ и Оберъ-Офицеровъ 18; ранено: Генералъ Молиторъ и 37 Офицеровъ; въ плѣнъ взято 47 Штабъ и Оберъ-Офицеровъ и 1300 рядовыхъ; сіи послѣдніе перехвачены крейсерами и Бокезскими нашими корсерами. Офицеры были Инженерные и Артиллерійскіе, посланные въ Боснію и Албанію для укрѣпленія нѣкоторыхъ тамъ мѣстъ. По отобраннымъ у нихъ планамъ и бумагамъ, открылись и во время мира предпріемлемые злые замыслы Наполеона противу Россіи. Вся потеря непріятельская состояла въ 50 пушкахъ и въ 3000 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Сверхъ того, въ сіе краткое время флотъ пріобрѣлъ болѣе нежели на милліонъ рублей призовъ и знатное количество военныхъ и съѣстныхъ припасовъ.

Здѣшніе народы со всею ихъ способностію къ горной войнѣ, не въ состояніи отправлять ни дальнихъ экспедицій, ни продолжительныхъ дѣйствій; и по тому храбрость и ревность ихъ въ содѣйствіи съ нашими не доставляли всего желаемаго успѣха. Случалось, что они подвергали регулярныя войска опасности по тому, что будучи обязаны хозяйственными упражненіями они возвращалися

въ свои домы и побѣда по сей причинѣ не приносила большей пользы. 3000 регулярныхъ войскъ весьма недостаточны были для защиты провинціи; малѣйшій уронъ въ оныхъ, по отдаленности отъ Отечества, не могъ быть вознагражденъ; посему Адмиралъ предложилъ образовать нѣкоторое число Черногорцевъ для постояннаго отправленія службы, на такомъ точно содержаніи, каковое получаетъ Албанскій легіонъ стрѣлковъ въ Корфѣ. Сколь ни труденъ былъ сей оборотъ для Черногорскаго народа, по обычаямъ своимъ не терпящаго и малѣйшаго вида подчиненности, но неограниченная довѣренность и высокое уваженіе къ Адмиралу, при помощи Митрополита побудила ихъ принять Императорскую службу, и въ скоромъ времени 2000 Черногорцевъ и 1000 Бокезцовъ начали подобно регулярнымъ отправлять дѣйствительную службу и пріучились къ нѣкоторымъ егерскимъ маневрамъ (*). При такой силѣ, и особенной способности народа къ войнѣ партизанской, Адмиралъ сберегал регулярныя войска, выслалъ сильные отряды на всѣ сообщенія Французовъ. Истребляя обозы, нападая на конвой и передовые посты, сіи храбрые воины безпрестанно приносили въ лагерь свой у монастыря Савина богатую добычу, (гдѣ къ удивленію нашему они не строили шалашей, а жили подъ от-

(*) Вскорѣ послѣ оное число увеличено до 5000 человѣкъ.

крытымъ небомъ) и каждый почти день приводили плѣнныхъ. Французы запершись въ стѣнахъ Рагузы, лишены были всякаго сообщенія съ моря силою флота. Никакое вспоможеніе не доходило къ нимъ изъ Отечества. А какъ у нихъ нѣтъ обычая довольствоваться своимъ; то уже совершенно истощивъ жителей поборами, приступили они къ послѣднему средству; ограбили церкви, обобрали все серебро и золото отъ гражданъ, что у кого оставалось, и обративъ оное въ монету думали отворить деньгами двери къ Турецкимъ областямъ, и даже въ Катаро, но Сенявинъ обратилъ вниманіе Пашей на сожженные домы Турецкихъ подданыхъ, открылъ имъ глаза къ чему клонятся замыслы Наполеона, и тѣмъ, не смотря на всѣ тайные, коварные происки Французскихъ агентовъ, преклонилъ корыстолюбивыхъ Пашей на свою сторону. Прокламація Сенявина къ Герцоговинскимъ Славянамъ при помощи Епископа ихъ Арсенія, принята съ восторгомъ, и народъ сей прислалъ депутатовъ изъявить добрую волю соединить оружіе свое съ нашимъ; но Адмиралъ при семъ счастливомъ для него обстоятельствѣ не перемѣнилъ своего положенія по тому, что лишивъ Французовъ подвозу съѣстныхъ припасовъ изъ Герцоговины, нашелъ гораздо выгоднѣйшимъ утомлять ихъ голодомъ, и партизанскими партіями, и притомъ желалъ, чтобы они еще разъ рѣшились выступить; тогда напавъ на нихъ въ

полѣ съ помощію Герцоговинцевъ, могъ онъ отрѣзать ихъ отъ Рагузы, которой завоеваніе въ такомъ случаѣ было удобнѣе и легче. Такимъ образомъ Сенявинъ, при весьма ограниченныхъ способахъ сдѣлался мощнымъ защитникомъ края сего, и дѣйствуя мечемъ и перомъ съ равнымъ успѣхомъ побѣдилъ Французскихъ Генераловъ и дипломатовъ.

Прокламація къ Бокезцамъ и Черногорцамъ, свидѣтельствующая ихъ заслуги по отношенію своему къ тогдашнимъ обстоятельствамъ, заслуживаетъ быть здѣсь помѣщенною.

Благороднымъ и почтеннымъ господамъ князьямъ, судіямъ и всему народу.

Въ продолженіи военныхъ дѣйствій, я имѣлъ удовольствіе видѣть опыты усердія народа, оказанные въ содѣйствіи съ войскомъ мнѣ порученнымъ, изъ единой ревности къ славѣ, и безпредѣльной приверженности къ Его Величеству Государю Императору Александру Павловичу, Самодержцу Всероссійскому, истинному благодѣтелю, защитнику всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Святыя Церкви.

Воины! Вы оказали отличное, мужество, храбрость и исполнительность при совершенно добропорядочномъ поведеніи. Дерзость врага, осмѣлившагося ступить на землю вашу, наказана. Непріятель удивленъ вашею твер-

достію и столько потерялъ людей, что не скоро можетъ собрать новую силу и опять выступить. Поздравляя васъ съ побѣдою, благодарю за хорошее обхожденіе съ плѣнными и всячески желаю, чтобы человѣчество и впредь не было оскорбляемо.

Таковые добрые поступки, о коихъ представлено мною Государю Императору, пріобрѣтаютъ вамъ, почтенные господа и народъ! признательнѣйшую благодарность мою, которую симъ изъявляя, надѣюсь и впредь на ваше истинное усердіе и храбрость во вѣки неугасаемые. При похвальной ревности къ добродѣтельнымъ подвигамъ Богу угоднымъ, пребываю къ вамъ съ моимъ почтеніемъ и доброжелательствомъ навсегда. Корабль Селафаилъ въ Боко ди Катаро 24 Сентября 1809 года.

Дмитрій Сенявинъ.

Плаваніе вдоль береговъ Епира до Корфы.

25 Сентября, фрегатъ, оставя постъ свой у Старой Рагузы, прибылъ въ Кастель-Ново. Я спѣшилъ осмотрѣть поле сраженія. Зрѣлище ужасное! тѣла убіенныхъ разбросаны были въ различныхъ положеніяхъ, иной лежалъ ницъ, другой блѣднымъ лицемъ обращенъ былъ къ солнцу. Тутъ врагъ лежалъ на врагѣ, Черногорецъ и Французъ лежали тихо какъ друзья. Жены, отъискивая тѣла супруговъ съ воплями, съ распущенными волосами, бродили

вокругъ бывшаго непріятельскаго лагеря и на пожарищахъ. Военные громы умолкли, гласы молитвы и смиренія замѣнили ихъ, унылый звукъ колокола принудилъ меня обратиться къ церкви и я увидѣлъ погребеніе: несли 5 гробовъ; тихое шествіе, унылое пѣніе со святыми упокой, соучастіе, изображенное на лицахъ солдатъ, коихъ оружіе преклонено долу и растерзанная горестію мать, невѣрными, колеблющимися стопами идущая за гробомъ единственнаго сына, тронули бы и того ожесточеннаго тирана, который для личной выгоды, для собственнаго возвышенія, не престаетъ лить кровь себѣ подобныхъ.

30 Сентября, Капитанъ получилъ повелѣніе отправиться въ Сицилію, Мальту и Сардинію для доставленія пороха въ Катаро. Вѣтръ былъ очень свѣжъ, фрегатъ распустя паруса, подобно лебедю взмахнулъ крыльями и полетѣлъ изгибаясь между множества тѣсно стоящихъ на рейдѣ судовъ. Наклонившись на бокъ, прошедъ весьма близко подъ кормою Селафаила, отдали честь Адмиралу и едва эхо послѣднихъ выстрѣловъ утихло въ горахъ, фрегатъ былъ уже въ морѣ, все многолюдство рейды замѣнилось свистомъ вѣтра и шумомъ волнъ, разбивающихся о дикія скалы, которыя закрыли отъ насъ городъ, корабли и заливъ. Миновавъ крѣпость Будуа, съ вѣющимъ на ней Россійскимъ флагомъ, мы держались близъ берега, и множество городовъ, рѣкъ, се

леній, заливовъ, крѣпостей съ кораблями, спокойно стоящими у пристаней, грозныя дикія скалы и прелестныя покрытыя зеленью долины, показывались, скрывались, и перемѣнялись одно за однимъ какъ бы въ искуственной Фантасмогоріи. Берега Епира на каждомъ шагу представляютъ любопытныя историческія воспоминанія. *Дурацо*, древняя Диррахія, построенная Коринѳянами, стоитъ на низкомъ мысѣ; здѣсь Цицеронъ провелъ время своей ссылки. *Кроя*, къ сѣверу у рѣки Дрино лежащая, славное Отечество Скандерберга, бича Отомановъ, возстановителя Епирскаго царства, нынѣ представляетъ однѣ развалины. *Валона*, пристанище морскихъ разбойниковъ, извѣстна тѣмъ, что Цесарь и Помпей вышли тутъ на сухой путь, первый для угнетенія, а послѣдній для защищенія своего Отечества. За Валоною стоятъ *Акроцеравнскія* горы, нынѣ Химера называемыя; ужасный видъ и высота ихъ конечно дали имъ сіе имя. Здѣсь находился *Додонъ*, славный своимъ прорицалищемъ, и отсюда вытекали баснословныя рѣки Ада: *Ахеронтъ* и *Коцитъ*. Неприступность горъ сихъ сохранили остатки независимости храбрыхъ Албанцовъ и поколѣніе Суліотовъ, наводящихъ, подобно Черногорцамъ, ужасъ жестокимъ властителямъ своего Отечества. Сраженія и битвы, какія мужественные сіи воины выдержали противу Али Паши, не устыдили бы и самый Лакедемонъ. Женщины не уступаютъ въ храбро-

сти мущинамъ. Въ одной жаркой битвѣ палъ молодой предводитель Суліотовъ, смерть его поколебала воиновъ, они забыли о сраженіи и съ воплемъ собрались вокругъ тѣла. Тутъ прибѣжала мать убитаго, покрыла передникомъ лице сына, взяла его оружіе, и заступивъ мѣсто его при малой толпѣ воиновъ, прогнала побѣдоноснаго непріятеля, потомъ возвратилась, открыла лице сына, поцѣловала и съ сильною горестію вскричала „я отмстила за смерть твою.“ Сантикваранта, Орхино и Бутринто, принадлежали Венеціанамъ, въ послѣднемъ былъ дворецъ Пирра, сына и наслѣдника храбрѣйшаго изъ Грековъ Ахиллеса. Крѣпость *Парга*, одна изъ Венеціанскихъ владѣній на берегахъ Албаніи, принадлежитъ нынѣ Іонической республикѣ. Женщины сего города славятся красотою. Албанцы или, какъ Турки ихъ называютъ, Арнауты, извѣстны отличною храбростію, они составляютъ лучшую пѣхоту Отомановъ, и у всякаго Паши, служатъ тѣлохранителями. Къ несчастію жестокое ихъ мужество угнетаетъ собственное Отечество.

Нѣчто о Али Пашѣ.

Али Паша помощію Албанцевъ сдѣлался независимымъ; онъ повинуется Султану только тогда, когда хочетъ, и задавилъ уже нѣсколько добрыхъ Чаушей, которые приносили къ нему золотой снурокъ Повелителя правовѣрныхъ.

Прадѣдъ его Али былъ Грекъ, отпадшій отъ вѣры. Дѣдъ и отецъ его, начальствуя многочисленною шайкою разбойниковъ, опустошали Епиръ. Ихлаусъ, начальникъ Греческій, умертвилъ отца его. Али оказалъ многіе опыты мужества, пріобрѣлъ благосклонность Епирскихъ Проестосовъ или старѣйшинъ страны, и чрезъ ихъ предстательство у Порты, сдѣлался начальникомъ всѣхъ входовъ въ Грецію, умертвилъ убійцу отца своего, чрезъ происки доставилъ себѣ Пашаликъ (*) Делвино, потомъ Трикальскій и Янинскій, и съ 1787 года началъ управлять Греціею самопроизвольно. Съ того времени Али старался угождать Грекамъ, позволяя имъ строить новыя церкви, убивалъ богатыхъ Турковъ, и въ одно время избавясь опаснѣйшихъ своихъ соперниковъ, привязалъ къ себѣ народъ, который, не имѣя лучшей надежды, предпочелъ Господина снисходительнаго тиранамъ утѣснителямъ. Али украсилъ Янину четырью пышными дворцами на Европейской образецъ, укрѣпилъ ее цитаделью и на три года приготовилъ военныхъ и съѣстныхъ припасовъ. На случай нещастія, онъ имѣетъ надежное, непреодолимое убѣжище. На островѣ среди озера, построили ему Француские Инженеры замокъ, которой по положенію своему будучи не приступенъ, защищается еще гребною флотиліею. Въ семъ замкѣ хранятся всѣ его сокро-

---

(*) Область, Губернія.

вица, которыя, говорятъ, весьма значительны. Онъ получаетъ ежегодно до 4,000,000 піастровъ, да два сына его по 2 милліона. Число войскъ его, во всякое время готовыхъ, простирается до 16,000 человѣкъ; въ военное время онъ можетъ умножить оное до 30,000.

Крѣпкій попутный вѣтръ измѣнилъ намъ у Страды Біанки, мы вошли какъ бы въ очарованную округу, гдѣ вѣтры тихіе и сильные дули съ разныхъ сторонъ, четыре судна шли по противнымъ направленіямъ, идучи каждое на фордевиндъ. Прошедъ сію полосу, мы достигли сѣвернаго пролива, гдѣ за штилемъ провели ночь; а на утро, по отправленіи изъ Катаро чрезъ 30 часовъ 2 Октября бросили якорь въ Корфѣ.

Корфа.

Въ прежнее кратковременное мое пребываніе въ Корфѣ я ничего не могъ замѣтить, но теперь дамъ отчетъ въ моихъ замѣчаніяхъ, собранныхъ въ разное время. Городъ не великъ; улицы узки и кривы. *Кале д'Аква*, лучшая изъ нихъ, во время жаровъ закрывается парусиною, натянутою съ кровли на кровлю, а галлереи, въ нижнихъ этажахъ находящіяся, поддерживаемыя некрасивыми колонами, придаютъ ей особенной видъ и уподобляютъ Венеціянской площади Св. Марка. Въ казино (кофейной домъ) подъ павильономъ всегда собираются офицеры и лучшее общество. Ввечеру *спьянадо* (площадь) наполняется прогуливающимися; оттуда идутъ

въ театръ. Одна часть города очень нечиста, и въ минуту догадаться можно, что тутъ живутъ Жиды, которые, какъ и вездѣ, составляютъ классъ богатѣйшихъ купцовъ.

Церковь Святаго Спиридонія, въ коей лежатъ мощи сего Святаго, заслуживаетъ особенное вниманіе. Иконостасъ украшенъ старинными, весьма плохой работы образами. Плафонъ также уставленъ оными въ богатыхъ золотыхъ рамахъ; рѣзьба на нихъ дурнаго вкуса. Посреди церкви виситъ золотое, а по сторонамъ огромныя серебреныя паникадила, послѣднія два принесены въ даръ отъ Венеціанской республики и войска подъ предводительствомъ Графа Шулембурга, отразившаго сильное нападеніе Турокъ на Корфу въ 1716 году. По обѣ стороны церкви сдѣланы родъ высокихъ креселъ, въ которыхъ не сидѣть, а весьма покойно прислониться можно. Въ Греціи и у всѣхъ Славянскихъ поколѣній они предпочтительно уступаются старцамъ. Церковь Св. Спиридонія почитается богатѣйшею на Востокѣ, ибо не только Греки, но и Католики присылаютъ въ нее вклады; ни одинъ мореходецъ, ни одинъ земледѣлецъ, не пускается въ море, не предпринимаетъ никакого дѣла, не помолившись мощамъ и не принесши чего либо въ даръ. 12 Декабря въ честь Св. Спиридонія, какъ покровителя Корфы, бываетъ великое торжество. Открытыя мощи, поставленныя на ногахъ въ золотомъ кивотѣ, при громѣ артиллеріи съ кораблей и крѣ-

постей носятся вокругъ города. Нѣкто монахъ *Калокерети*, въ 1489 году перевезъ мощи сіи изъ Кипра въ Корфу, и въ 1512 году отдалъ оныя въ приданное (*) племянницѣ своей *Ассиминѣ*; а сія по духовной какъ церковь такъ и мощи завѣщала потомкамъ мужа своего *Стамателло Булгари*, по мужескому и женскому колѣну въ вѣчное и потомственное владѣніе. Посему праву, въ протопопы сей церкви всегда посвящаются изъ фамиліи Графовъ Булгари, также и нѣсколько Священниковъ, санъ которыхъ почитается почетнѣйшимъ и весьма прибыльный. Церковные доходы состоятъ подъ распоряженіемъ особаго Комитета, въ коемъ одинъ изъ Графовъ присутствуетъ; часть оныхъ употребляется на украшеніе и содержаніе храма, на остальное же за тѣмъ покупаются земли для церкви; слѣдственно въ частную собственность, Графамъ принадлежащую. По желанію сей фамиліи, храмъ и

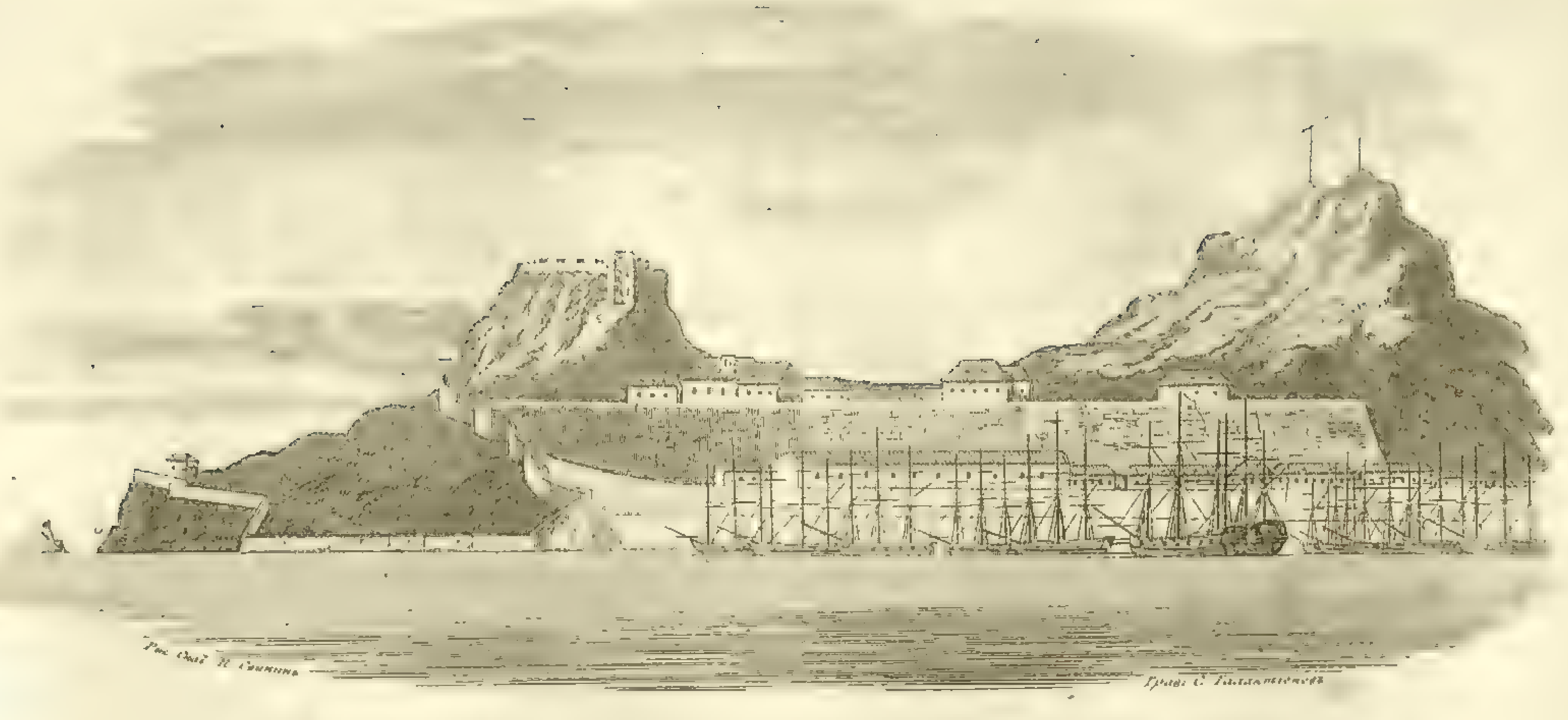
(*) Въ свадебномъ контрактѣ Ассимины съ Булгари между прочимъ сказано: »Parimente gli da in dote, & in nome di dote (ardisco dir con divota circospezione) l'onorabile e santa Reliquia del Miracoloso S.Spiridion tutto come si trova. Также даю ей въ приданое и въ званіи приданаго (съ должнымъ благоговѣніемъ дерзаю сказать) честныя, святыя и чудотворныя мощи Св. Спиридонія, точно въ томъ видѣ, въ какомъ они есть. Обычай сей, освященный временемъ и привычкою, и до нынѣ въ употребленіи. Сіи подробности сообщены отъ Графа Як. И. Булгари

мощи Св. Спиридонія въ 1801 году принять подъ особое покровительство Россіи, въ знакъ коего надъ западными вратами поставленъ Императорскій гербъ, таковойже находится надъ мѣстомъ, гдѣ, какъ побѣдитель сѣлъ Адмиралъ Ушаковъ; предъ ними безпрестанно теплются лампады. Къ сему подвигу, Графы какъ изъ усердія и преданности къ Россіи такъ и для пользъ своего отечества, побуждены были тою причиною, чтобъ навсегда и при всякомъ политическомъ оборотѣ дѣлъ, сохранить вліяніе Россіи, не только на Іоническіе острова, но и на всю Грецію. Въ чемъ конечно и не ошиблись, ибо вѣра всегда была и будетъ прочнѣйшею связію народовъ и никакая сила случаевъ и обстоятельствъ не можетъ ее ослабить. Въ другой церкви хранятся мощи Св. Өеодоры: у ней нѣтъ головы.

Укрѣпленія.

Корфа почитается въ числѣ первостатейныхъ укрѣпленій и состоитъ изъ пяти крѣпостей, изъ коихъ три стоятъ къ морю, а двѣ къ сухому пути. Онѣ поставлены такъ, что если непріятель завладѣетъ передовою, то всѣ другія обращаютъ на нее свои пушки Главная крѣпость, въ коей расположенъ городъ, имѣетъ отъ берега два вала и сухой ровъ. Старая крѣпость (*) отдѣляется отъ города *спьянадомъ* (площадью) и весьма глу-

(*) Смотри картинку.

Видъ Цитадели въ Корфу.

бокимъ и широкимъ рвомъ, посреди коего каналъ воды дѣлаетъ мысъ, на коемъ стоитъ крѣпость, островомъ. Мысъ сей весьма высокъ и крутъ; вершина его раздѣляется на двѣ круглыя сопки, изъ коихъ на одной батарея, на другой телеграфъ. Чрезъ подъемный мостъ входятъ въ крѣпость. Прямо противу воротъ на площади представляется домъ Коменданта, самой великолѣпной наружности. Возлѣ онаго стоитъ мраморный монументъ Графа Шуленбурга, освободителя Корфы отъ Турокъ. Статуя представлетъ Римскаго воина. Чрезъ прекрасныя сквозныя сѣни, вошелъ я въ тѣсный и темный коридоръ, который вывелъ меня на небольшую площадь, а тамъ чрезъ подъемный мостикъ къ воротамъ, надъ коими написано: *Цитадель Санъ-Анжело.* Оная занимаетъ вершину горы и служитъ послѣднимъ и надежнымъ убѣжищемъ гарнизону. Въ ней видно нѣсколько развалившихся домовъ, разрушенныхъ, при взятіи Корфы, Рускими бомбами. Я всходилъ на холмъ, гдѣ поставленъ телеграфъ, и оттуда видѣлъ все расположеніе крѣпости въ планѣ; стѣны ея обдѣланы плитою, весьма прочно складенною. Чрезъ портъ *Роселе* (Porte Rocele) такимъ же тѣснымъ и темнымъ коридоромъ сошелъ я внизъ, въ ту часть крѣпости, гдѣ построены казармы и другія зданія. Пороховые погреба и магазейны высѣчены во внутренности горы. Большой коридоръ, просѣченный отъ казармъ насквозь къ подошвѣ горы, удивителенъ; оный

служитъ для сходу въ гавань и Адмиралтейство, называемое *Мандраки.* Старая крѣпость была первое укрѣпленіе Корфы, построенное Генуезцами, и теперь еще видѣнъ гербъ сей республики, вставленный въ стѣнахъ, заросшій мохомъ и изглаженный временемъ.

Новая крѣпость построена по другую сторону города; чтобы имѣть о ней понятіе, должно себѣ представить глубокія подземелья, высокія стѣны и наконецъ вообразить крутую гору, обложенную толстыми стѣнами, отъ чего и составляются огромные своды, внутри крѣпости находящіеся. Изъ города входятъ въ нее подземельемъ, гдѣ на небольшомъ пространствѣ находятся нѣсколько домовъ частныхъ людей. Потомъ лѣстница приведетъ васъ къ женскому монастырю. Отъ монастыря, по другой лѣстницѣ, опираясь о стѣну, которой верха, не снявъ шляпы, не увидишь, выйдете на площадь, на коей раскиданы пушки; только брустверъ къ городу недавно исправленъ. Тутъ сдѣлано нѣсколько цистернъ. Отсюда опять подземельемъ придешь какъ будто на балконъ, ведущій подлѣ стѣны крѣпости и снова по крутой лѣстницѣ выйдешь на *новую площадь*, обставленную пушками и застроенную казармами и магазейнами. На площади пробиты отверстія для освѣщенія подземныхъ сводовъ. Городъ показывается отсюда расположеннымъ на отлогости, улицъ въ немъ не видно, а домы кажутся очень ма-

лыми. Я всходилъ на самую вершину стѣны, и загородныя крѣпости казались насыпями. Видъ окрестностей Корфы не представлялъ ничего пріятнаго: повсюду развалины и запустѣніе. Рейдъ со множествомъ кораблей казался очень тѣснымъ, а снѣгомъ покрытыя Албанскія горы очень близкими. Съ новой площади есть подземные ходы въ поле и въ загородныя крѣпости. Чудный, впрочемъ безполезный вымыслъ построенія крѣпости долженъ удивить каждаго. Я не могъ понять, какою силою Венеціяне втащили на такую высоту огромнѣйшія пушки, и не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ, чтобы искуство было жупъ помощію Природѣ. Основаніе крѣпости положено въ исходѣ 15 столѣтія.

Островъ *Видо*, лежащій отъ города ближе пушечнаго выстрѣла, при первомъ на него взглядѣ обѣщаетъ удобность, взявъ его, стѣснить Корфу; но батареи его будучи ниже бруствера трехъ крѣпостей, не представляютъ непріятелю, завладѣвшему онымъ, большихъ выгодъ. Адмиралъ *Ушаковъ*, окруживъ островъ кораблями, сбилъ всѣ батареи, коими онъ былъ усѣянъ, не болѣе какъ въ полчаса, и такою отважностію взявъ его, устрашилъ гарнизонъ, который вскорѣ положилъ ружье предъ горстію солдатъ и матрозовъ. Корфа, имѣя отъ 10 до 15,000 гарнизона, иначе не можетъ быть взята какъ голодомъ и жаждою, ибо главное неудобство состоитъ въ томъ, что продовольствіе большею ча-

стію получается съ Албанскаго берега, а дождевой и привозной воды, наливаемой для запасу въ чистерны, не всегда бываетъ достаточно.

Гуви.

Гуви, гдѣ было Адмиралтейство, въ которомъ Венеціяне содержали свой линейный флотъ, Французы разорили до основанія; остались только три сарая, гдѣ хранились лѣса. Прочія строенія представляютъ однѣ стѣны, въ коихъ я находилъ много надписей; одна свидѣтельствуетъ, что Адмиралтейство основано въ 1734 году. Прекрасная покойная губа, окруженная развалинами, за ними готической архитектуры монастыри и маленькія мызы въ новомъ вкусѣ, наконецъ широкая дорога, вымощенная плитою и обсаженная деревьями, ведущая въ Корфу, представляетъ видъ уединенный и прелестный. Нельзя не удивляться искуству Французовъ все разрушать, и невозможно не пожелать, чтобы строенія сіи, стоившія милліоновъ, были возобновлены.

Развалины древней Корциры.

У воротъ крѣпости, гдѣ мысъ, на которомъ стоитъ Корфа, съуживается, начинаются наружныя укрѣпленія, большею частію построенныя нашими Инженерами. Отсюда по

долинѣ, ведущей чрезъ деревни, на разстоянiи трехъ верстъ, попадаются *развалины* домовъ, память *милосердыхъ Французовъ*. Въ одномъ запустѣломъ монастырѣ, монахъ съ тарелкою въ одной рукѣ, а другую приложа къ сердцу, съ низкимъ поклономъ встрѣтилъ насъ, и когда дали ему двѣ, три монеты, онъ не преминулъ сказать нѣсколько ругательныхъ словъ Гг. Французамъ. Монахъ вызвался показать намъ развалины древней Корфы; однакожъ, кромѣ высокой травы и большихъ кучъ каменьевъ, я ничего не видалъ. Но когда я осмотрѣлся, мѣсто сiе мнѣ полюбилось. Съ одной стороны представляется огромная церковь съ пятью куполами, окруженная мраморными колоннами. Дубрава вѣковыхъ дубовъ осѣняетъ оную; съ другой въ тѣни апельсинныхъ, лимонныхъ и масличныхъ деревъ, раскинутъ былъ лагерь Куринскаго полка. Сей видъ невольнымъ образомъ напомнилъ мнѣ, гдѣ я стою, что вижу подъ ногами моими, и воспоминая славу Грековъ, убѣдилъ себя, сколь превратна, и непостоянна судьба царствъ и народовъ! Монахъ увѣрялъ насъ, что видимую нами церковь построилъ самъ Петръ Апостолъ и въ ней проповѣдывалъ Вѣру въ Христа. Бродя по развалинамъ, видѣлъ я двѣ рѣдкости: пальмовое и столѣтнее дерево; листья послѣдняго бываютъ въ длину около трехъ футовъ, а въ полщину дюйма въ два. Жители варятъ ихъ для пищи; вкусомъ онѣ походятъ на тыкву. На семъ то мѣстѣ острова,

Улиссъ, спасшись отъ кораблекрушенія, встрѣченъ былъ прекрасною Навзикаею и дружески принятъ Царемъ Алкиноемъ. Гомеръ, воспѣвая сады Алкиноевы, присоединилъ къ нимъ много чудеснаго и стихотворнаго; теперь, хотя нельзя надѣяться отыскать чертоги Царя Схерійскаго, мѣдную стѣну, ихъ окружавшую, золотыя двери и собакъ, сдѣланныхъ руками бога Лемноскаго; но ученый Италіянецъ Ботта, съ Одиссеею въ рукахъ, повѣрилъ предметы и нашелъ совершенное сходство мѣстоположеній. Онъ говоритъ: время, истребляя дѣла рукъ человѣческихъ, щадитъ твореніе Природы, и описавъ слѣды древняго зданія и найденныя тутъ монеты, заключаетъ изъ того, и довольно правдоподобно, что рѣчка *Мессонжи* есть тотъ источникъ, гдѣ Царевна Навзикая мыла платье, гдѣ она встрѣтила нагаго Улисса, а дубовая роща, и нынѣ существующая, есть та самая, куда Улиссъ скрылся, въ ожиданія возвращенія Царевны.

Беличе.

Кто былъ въ Корфѣ, и не посѣтилъ Беличе (Belice), тотъ долженъ сожалѣть, что не имѣлъ свободнаго времени или имъ не воспользовался. Слыша многія похвалы, я искалъ случая видѣть оное мѣстечко, и случай сей скоро представился. Знакомцы наши, армейскіе офицеры, которые служили у насъ на фрегатѣ, и съ которыми мы вскорѣ свык-

лись, предложили ѣхать въ Беличе, и мы, въ числѣ 8 человѣкъ, сѣвъ на катеръ, отвалили отъ фрегата. Обойдя утесистый мысъ, на коемъ стоитъ старая крѣпость, пустились вдоль берега. Съ сей стороны островъ Корфа представлялъ природу и самыя строенія, во всемъ ихъ блескѣ и лучшемъ видѣ. Зелень была гораздо свѣжѣе и нѣжнѣе; домы простой, пріятной архитектуры. *Кардаки*, гдѣ флотъ наливается водою, замѣтенъ по утесистому холму, на вершинѣ котораго стояла полковая палатка, а у подошвы его покачнувшаяся въ море башня; далѣе свѣтлая небольшая рѣчка, на одной сторонѣ коей раскинутъ былъ лагерь; все сіе вмѣстѣ обратило на себя наше вниманіе и мы, чтобы насмотрѣться на сіе прелестное мѣсто, приказали матрозамъ перестать гресть. Наконецъ, проѣхавъ около 17 верстъ, пристали къ Беличе, и прямо пошли въ домъ богатѣйшаго въ Корфѣ дворянина *Андрея Калоера*. Какъ дорога ни была трудна и жаръ солнца несносенъ (въ Октябрѣ), но мы безъ усталости прошли верстъ пять между садами къ дому Калоера, котораго садъ почитается лучшимъ въ Корфѣ; дорога идетъ между двумя высокими стѣнами, покрытыми виноградною зеленью. На дворѣ замка представляется множество строеній. Поднявшись по каменной, совершенно отъ дому отдѣленной лѣстницѣ, мы очутились на небольшой террасѣ или лучше столбѣ; предъ нами опустился подъемный мостикъ, и мы

вошли въ верхній этажъ дома, гдѣ хозяинъ, благовидный старикъ лѣтъ шестидесяти, принялъ насъ очень ласково. Верхнее жилье представляло одну залу, разгороженную на три комнаты, которыхъ стѣны увѣшаны ружьями, кинжалами и саблями дорогой цѣны: въ простѣнкахъ между оконъ сдѣланы прорѣзы для ружейной обороны. Такой странный входъ въ домъ, такое множество оружія и любезность веселаго старика, дали намъ поводъ спросить, что за причина такой строгой его осторожности. Прежде, отвѣчалъ хозяинъ, боялся я *Алжирцевъ*, потомъ *Французовъ*, а теперь боюсь только *гадовъ*, и потому отъ прежней привычки отстать не могу. Старикъ показалъ намъ свой садъ, въ которомъ самое лучшее есть выдумка басейновъ для купанья, въ коихъ можно прибавлять воды, сколько кому угодно; потолокъ оныхъ составленъ изъ сплетшихся вѣтвей плодовитыхъ деревъ, такъ, что купаясь можно рвать свѣжіе плоды. Гостепріимство сего мечтателя Грека намъ очень понравилось; онъ зная нашъ обычай, позабывалъ свой, и безпрестанно предлагалъ намъ то или другое; мы однакожъ не остались у него обѣдать, поблагодарили, разстались съ нимъ и возвратились въ Беличе. Тамъ, на берегу моря въ густой тѣни деревъ, весело и на волѣ обѣдали и пережидая жаръ, отдыхали на муравѣ; уже ночью пристали мы на фрегатъ. Воздухъ, вода, земля и плоды въ Беличѣ почитаются лучшими;

красивое же мѣстоположеніе привлекаетъ сюда богатыхъ господъ, и мызы ихъ представляютъ взору пріятное разнообразіе.

Разныя замѣчанія.

Кроткій климатъ, сады лимонные и померанцовые, испещренные цвѣтами луга, оливныя рощи и виноградники, гдѣ царствуетъ вѣчная, весна, дѣлаютъ Корфу однимъ изъ наилучшихъ мѣстъ въ Средиземномъ морѣ. Плодоносныя деревья всякаго рода растутъ на открытомъ воздухѣ; цвѣты и плоды спѣютъ попеременно, такъ, что во всякое время года можно имѣть и зрѣлые овощи и молодую зелень. Винныя ягоды, называемыя *Фракацони*, почитаются лучшими въ Левантѣ; хлѣбъ здѣсь мало сѣется, ибо масло, которое предпочитается Прованскому, особенно отправляемое съ острова Паксо, вино, соль и плоды доставляютъ болѣе выгоды. Свободная торговля и около 12,000,000 рублей, издерживаемыхъ въ Корфѣ ежегодно для содержанію войскъ и флота, обогатили жителей; но они, по привычкѣ ли къ умѣренности или по склонности къ притворству, кажутся по наружности бѣдными. Руская щедрость ни мало не измѣнила ихъ, и сколько Правительство ни старалось объ уменьшеніи числа бѣдныхъ, ихъ было очень довольно.

Говорить о жарахъ, здѣсь бывающихъ, было бы повторить уже многими сказанное,

къ сему я только прибавлю, что жары сіи всегда прохлаждаются морскими вѣтрами. Въ Сентябрѣ и Октябрѣ ядъ скорпіоновъ и сороконожекъ смертоносенъ. Уязвленный человѣкъ умираетъ въ сутки; но опасность отъ нихъ не такъ велика, какъ обыкновенно думаютъ: если помазать съ скорости масломъ, въ которомъ заморенъ былъ скорпіонъ, какъ извѣстно, содержащій въ самомъ себѣ и противоядіе, то уязвленія дѣлаются безвредными. Зимніе мѣсяцы приносятъ скучную погоду; мѣлкій дождикъ почти безпрестанно накрапываетъ, а нерѣдко нѣсколько дней сряду льетъ какъ изъ ведра. Сѣверо-западные вѣтры носятъ тучи и производятъ ужасныя грозы, иногда сопровождаемыя землетрясеніемъ. Къ громовымъ ударамъ и блеску молній, никакъ привыкнуть не можно; они и твердую душу приводятъ въ содроганіе. Послѣ сихъ грозныхъ явленій и въ глубокую зиму бываетъ погода пріятная, даже жаркая; воздухъ освѣжается и земля, опаленная знойнымъ солнцемъ лѣта, вновь покрывается зеленью. Посему климатъ здѣшній очень здоровъ и солдаты наши не были подвержены особеннымъ болѣзнямъ.

Вотъ одинъ примѣръ здѣшняго правосудія, который случиться можетъ вездѣ, гдѣ законъ лежитъ только на столѣ, а не на совѣсти судей, и гдѣ преступленія ихъ оставляются безъ вниманія. Одинъ богатый дворянинъ, Секретарь Сената, вздумалъ, у сосѣ-

да своего мужика, имѣвшаго порядочное состояніе, извѣстнаго своею честностію и усердіемъ къ республикѣ, отнять садъ, главное его имущество. Вздумалъ, и вотъ какимъ средствомъ исполнилъ желаніе свое. Онъ нанялъ одного стихотворца отъ имени мужика написать пасквиль на Сенатъ, и самъ подалъ на него доносъ. Мужика арестовали и осудили разстрѣлять. Наканунѣ исполненія приговора объявили о томъ въ городѣ; нѣкто изъ сострадація вступился за него, и ясно доказалъ, что мужикъ не умѣетъ писать; по счастію отыскали того, кто сочинилъ пасквиль; онъ повинился и показалъ на Секретаря. Чѣмъ же, вы думаете, дѣло кончилось? Поэта разстрѣляли, мужика освободили, а имѣніе его, отданное Секретарю, предоставили искать судомъ!

Республика управляется Аристократическимъ Совѣтомъ или Сенатомъ. Предсѣдатель онаго называется Principe (Князь). Законы заимствованы изъ Венеціянскихъ уложеній. Сенатъ состоитъ изъ 140 Членовъ и Депутатовъ, избираемыхъ изъ дворянъ, купцевъ, ремесленниковъ и народа. Семь островонъ, составляющихъ республику, Корфа, Кефалонія, Санта-Мавро, Итака, Занте, Паксо и Цериго, каждые три года смѣняютъ своихъ Депутатовъ. Власть Сената такой слабой республики не очень значительна; что же касается до граждан, они имѣютъ свои личныя выгоды; и польза бѣдной ихъ республики до

ихъ не касается. Они не думаютъ о будущемъ, хладнокровны къ настоящему и довольны только прошедшимъ.

Дворянство отдаетъ земли свои на откупъ и безпрестанно ропщетъ на лѣность и нерадѣніе мужиковъ, будучи не въ силахъ принудить ихъ къ трудолюбію, ибо мужики до срока условій остаются полными хозяевами, и не платятъ своихъ повинностей; посему помѣщики издавна почитаются у нихъ врагами. Французы, обнадеживъ дворянство привесть въ послушаніе народъ, были приняты въ Корфѣ съ радостію, но они ничего не сдѣлали, кромѣ того, что нѣкоторымъ, кои болѣе имъ помогали, дали лучшія земли, отнимая оныя *по праву завоеванія* у тѣхъ, которые имъ не казались; посему нѣсколько дворянъ выѣхали въ Россію и просили защиты. Когда Корфа была нами покорена, тогда вмѣстѣ съ Французами и преданные имъ оставили свое отечество. Такимъ образомъ между дворянствомъ осталось сѣмя вражды, которое нескоро можетъ быть истреблено, потому-то каждый желающій найдетъ въ Корфѣ свою партію; но по справедливости сказать должно мы имѣемъ большую, лучшую и благороднѣйшую. Не смотря, что Арендаторы приведены были въ повиновеніе, и тѣмъ одно зло было нами излечено, народъ преданъ однимъ только Рускимъ, ибо вліяніе наше не зависитъ отъ частныхъ случаевъ и обстоятельствъ времени.

На всѣхъ островахъ республики число жителей простирается до 300,000 Греческаго исповѣданія; часть дворянства послѣдуетъ Католическому; всѣ вѣры терпимы. Языки Греческій и Италіянскій въ равномъ употребленіи. Здѣсь ходятъ Турецкое серебро и Венеціянскіе червонцы; прочія деньги принимаются на вѣсъ.

История.

Корфа въ древности называлась Корцира, Ѳеакія, Схерія и Кассіопея. Мятежи Корцирскіе, по описанію Ѳукидида, извѣстны были въ самой отдаленной древности. Въ Корцирѣ Аристотель ссылкою заплатилъ за заблужденіе, которое и Философія не всегда превозмогаетъ. Симонидъ и Поликлетъ, граждане сего острова, получили безсмертіе: первый стихотвореніями, второй статуями. Корцира, населенная Ѳеакіянами, во время Греческаго величія, воевала съ Коринѳомъ, Сициліею, Аѳинами и Сиракузами, и наконецъ была позорищемъ славы и нещастія Римлянъ. Корцирянe отличались въ легіонахъ Римскихъ, и брали сторону то одного, то другаго Тріумвира, и здѣсь то, послѣ Фарсальской баталіи, Катонъ встрѣтился съ Цицерономъ. Первый, не могши перенесть неблагопріятнаго удара судьбы, умерщвляетъ себя въ Утикѣ; другой, принявъ начальство надъ послѣдними легіонами республики, ослабѣваетъ духомъ,

предается во власть Кесарю и потомъ теряетъ жизнь. Смертію сихъ великихъ людей, Римляне утратили навсегда свободу. Скоро послѣ того Антоній съ Октавіею праздновали въ Корцирѣ пагубный бракъ свой, стоившій толикихъ слезъ цѣлому свѣту; и едва полвѣка протекло, какъ Агриппина прибыла туда явить похороны Германика.

Въ среднія времена, Корциряне, принадлежа Восточной Имперіи, служили въ войскахъ Константина Великаго, Констанція и другихъ Греческихъ Императоровъ. Подъ начальствомъ Велисарія, защитили они Римъ отъ Готѳовъ и Константинополь отъ Турокъ. Крестовые Рыцари собирались въ Корфѣ, для отплытія на завоеваніе Гроба Господня. Замѣчательно, что одна Корфская церковь, избѣгала гоненій Діоклитіана. Епископы Корцирскіе, Аполидоръ и Св. Арсеній, извѣстны своими Христіанскими поученіями и участіемъ на Вселенскихъ Соборахъ. Когда Рожеръ основалъ Неаполитанское Королевство, Корцира и Эпиръ соединены въ Герцогство и отданы *Алексѣю*, побочному сыну Емануила. Въ сіе время Генуезцы по договору для торговли имѣли въ Корфѣ пристанище, и построили старую крѣпость. Послѣ того Герцогство было завоевано Неаполитанскимъ Королемъ *Карломъ;* но иго сіе скоро было свергнуто. Корфіоты, ослабленные симъ усиліемъ, угрожаемые покушеніями Генуезцовъ, и не имѣя силъ защитить себя, рѣшились из-

брать себѣ покровителя довольно страннымъ образомъ. Они положили провозгласить повелителемъ своимъ того, кто съ Депутатомъ ихъ на Адріатическомъ морѣ встрѣтится первый. Встрѣтилась Венеціянская военная галера, Капитанъ оной объявленъ былъ владѣтелемъ, но онъ отказался и сложилъ сіе на республику, которая, заплативъ малую сумму Неаполитанскому Двору, въ семъ новомъ пріобрѣтеніи осталась спокойною. Венеціяне построили новую крѣпость и всѣ другія укрѣпленія кромѣ Генуезской цитадели. Турки, осаждавшіе Корфу нѣсколько разъ, никода не могли ее взять, и стѣны ея были предѣломъ побѣдъ ихъ. Послѣдняя осада, въ 1716 году подъ предводительствомъ Солимана, была славнѣйшая. Турки уже взяли городъ; войско и народъ держались еще въ старой крѣпости, какъ Графъ Щуленбургъ прибылъ съ помощнымъ войскомъ, и непріятель отступилъ. Столь незапнымъ избавленіемъ Корфіоты почитаютъ себя обязанными Св. Спиридонію, и увѣряютъ, что и Турки съ сего времени вѣруютъ въ него, присылаютъ мощамъ его дары.

Въ 1797 году, по Кампоформійскому трактату, коимъ уничтожена Венеціянская республика и раздѣлена между Австріею и Франціею, Корфа съ семью островами досталась во владѣніе послѣдней. Важное для Франціи сіе пріобрѣтеніе вскорѣ потеряно было нападеніемъ на Египетъ и разбитіемъ ихъ флота

при Абукирѣ. Въ 1799 году, когда Суворовъ освободилъ Италію, Адмиралъ Ушаковъ, начальствуя надъ соединеннымъ Россійскимъ и Турецкимъ Флотомъ, покорилъ Корфу, дотолѣ никѣмъ не побѣжденную. Вице-Адмиралъ Сенявинъ, служившій тогда Капитаномъ, особенно отличился взятіемъ крѣпости Санта-Мавры. 1801 года Марта 21, на Аміенскомъ Конгрессѣ, признана независимость Іонической республики подъ покровительствомъ Россіи и Турціи. Послѣдней каждые три года платитъ она по 750,000 піастровъ, и за симъ можетъ почесться непринадлежащею Турціи, и пользующеюся всѣми правами ея подданныхъ. Въ послѣднее время, когда шесть острововъ, кромѣ Корфы, были завоеваны Англичанами, на Вѣнскомъ Конгрессѣ, Іоническая республика признана состоящею подъ покровительствомъ Великобританіи.

Плаваніе отъ Корфы до Сиракузъ.

Получивъ провіантъ и налившись водою 4 Октября оставили мы Корфу. Вѣтръ крѣпкій и противный дулъ во все сіе плаваніе. Небо было пасмурно, и къ ночи, когда вѣтръ нѣсколько стихалъ, начиналась гроза, дождь лилъ какъ изъ ведра, волненіе было сильно, и безпрестанно рвало то паруса, то снасти. Къ непріятному сему плаванію прибавилось новое безпокойство. Теченіе вмѣстѣ съ вѣтромъ удалило насъ отъ береговъ Италіи. Не-

извѣстная скорость онаго, дѣлала счисленіе пути сомнительнымъ, повѣрить его помощію Астрономическихъ наблюденій не представлялось случая, постоянная мрачность скрывала отъ насъ солнце и звѣзды. И такъ уже нѣсколько дней блуждали мы подобно страннику, потерявшему дорогу въ темныхъ безконечныхъ лѣсахъ. Отъ качки усилилась течь. Капитанъ столько былъ симъ озабоченъ, что Офицеры безпрестанно должны были находиться на палубѣ. Никто не имѣлъ времени перемѣнить мокрое платье, палубы разсохлись отъ жаровъ и повсюду текло. Внизу на кубрикѣ (*) пронзительный скрипъ переборокъ, дѣйствія помпъ и удары работающаго конопатчика, отзывались какъ въ пустой бочкѣ и ни на минуту не давали покою. Пассажирамъ нашимъ, не привыкшимъ къ сему смятенію, казалось, что фрегатъ близокъ къ потопленію. Когда кто смѣнившись съ вахты (**) сходилъ въ свою каюту, то докучали они смѣшными вопросами, и ничего не понимая, что вокругъ ихъ дѣлается, хотѣли знать всему причину.

Наконецъ небо прочистилось, вѣтръ нѣсколько утихъ и мы увидѣли *Катансаро*, на которомъ развѣвалъ флагъ Короля Фердинан-

(*) Отдѣленіе подъ нижнею палубою, гдѣ хранится провіантъ и находятся каюты для Офицеровъ.

(**) Съ караула.

да. Калабрійцы, какъ новые *Вандейцы*, мужественно стоятъ за права его. Гаэта, подъ щитомъ героя Герцога Гессенъ-Филипстальскаго защищается упорно. *Массена*, сей сынъ счастія, достойный поборникъ Наполеона, потерявъ у Гаэты 20,000 солдатъ, не успѣлъ покорить и Калабріи. Глава патріотовъ *Фра-діаволо* (братъ чорта), заслужившій сіе прозваніе смѣлостію, сражаясь разсѣянными толпами, мало по малу истребилъ почти всю его армію. Англинской Генералъ *Стюартъ*, высадивъ 5000 корпусъ въ заливѣ *Санто-Ефеміи*, разбилъ Генерала *Ренье*, находившагося тамъ съ 7000 человѣкъ; заключенный Убріемъ миръ побудилъ Англичанъ возвратиться въ Мессину, и новыя усилія опустошителей Европы, ярость и огорченіе жителей дошли до высочайшей степени. Французы жгли города и селенія и разстрѣливали попавшихся въ плѣнъ, называя вѣрныхъ сыновъ отечества бунтовщиками. *Фра-діаволо* жегъ и вѣшалъ Французовъ и называлъ ихъ разбойниками. Съ обоихъ сторонъ не было пощады. Плодоносная Калабрія покрылась пепломъ и развалинами.

Лавируя близъ берега, чѣмъ ближе подходили мы къ Мессинѣ, тѣмъ вѣтръ болѣе усиливался. Въ самомъ проливѣ волненіе уменьшилось и въ первыя сутки фрегатъ довольно подвинулся впередъ; но на другой день сдѣлался штормъ, Капитанъ принужденъ былъ спуститься по вѣтру и итти въ море. Безъ

парусовъ, въ одни снасти, по теченію и вѣтру, фрегатъ полетѣлъ какъ изъ лука стрѣла. Удалившись отъ береговъ волненіе увеличилось, стремленіе *боковой качки* было столь сильно, что не державшись за веревки, нарочно для сего протянутыя, не можно были стоять на ногахъ. Ванты и штаги (*) ослабли, и мы опасались потерять мачты. Волны со всѣхъ сторонъ вливались, фрегатъ, какъ малый челнокъ, нырялъ, шелъ весьма быстро, зарывался въ волнахъ, и весь составъ его отъ сильнаго хода и тренія близъ руля дрожалъ. Небо, покрытое разсѣянными тучами, скоро совсѣмъ потемнѣло, солнце скрылось, и вѣтръ обратился въ бурю, какой мнѣ еще не случалось видѣть. Течь увеличилась, почему въ морѣ оставаться было опасно. Капитанъ, пригласивъ Офицеровъ на совѣтъ, положилъ идти въ Сиракузы, ибо при сѣверномъ вѣтрѣ, въ Мальту, по причинѣ великаго въ портѣ волненія, входить не возможно. Проходя Катаньо, мы были свидѣтелями несчастнаго случая. Купеческій бригъ, шедшій изъ Мессины, можетъ быть по тѣмъ же причинамъ какъ и мы, желалъ войти въ портъ; но лишь привелъ въ полвѣтра, поставилъ стаксели (**),

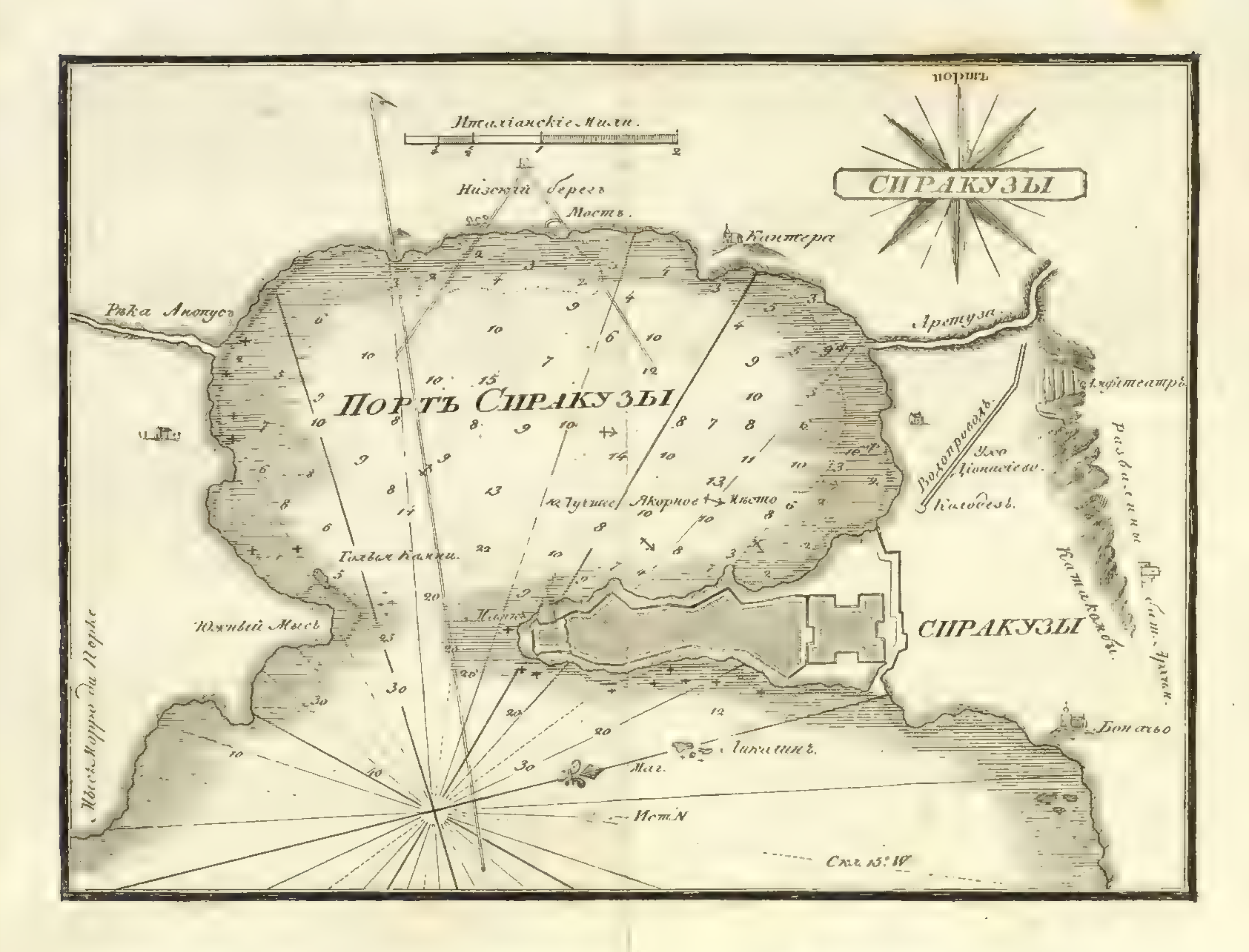
(*) Ванты и штаги толстыя веревки, держащія мачты съ боковъ и спереди.

(**) Нижніе косые паруса.

какъ обѣ мачты упали, судно легло на бокъ, въ минуту было залито, поглощено волнами, и ниже обломка не осталось на поверхности. Пассажиры, устрашенные такимъ зрѣлищемъ закрыли руками глаза, одинъ изъ нихъ болѣе набожный, желалъ исповѣдаться и причаститься. Добродушный Монахъ нашъ пришелъ спросить меня: можетъ ли онъ оказать сію услугу Католику?

14 Октября, подходя къ Сиракузамъ, приготовили поставить фокъ и два марселя рифленые; Офицеры съ рупорами въ рукахъ, поставили людей по мѣстамъ, и растолковали каждому свое дѣло. Капитанъ, опытнымъ глазомѣромъ разчисливший разстояніе, на которомъ должно было приводить въ полвѣтра, приказалъ ставить паруса. Когда Лейтенантъ спросилъ готово ли? Когда закричалъ *отдавай! тяни шкоты! лѣво руля!* то признаюсь въ сіе время и у самыхъ опытныхъ мореходцевъ дрогнуло бы сердце. Фрегатъ легъ на бокъ, черпнулъ воду подвѣтреннымъ бортомъ, фокъ изорвало, мачты нагнулись, затрещали, фрегатъ быстро двинулся ко входу; и тутъ наступила рѣшительная, опаснѣйшая минута. Входъ въ Сиракузы не ширѣ $2\frac{1}{2}$ верстъ, стѣсненный съ обѣихъ сторонъ грядами каменьевъ, представлялъ столь узкую, такъ сказать, тропинку, что малѣйшее уклоненіе отъ пути, медленность, нерасторопность, ошибка управляющаго парусами могла бы бросить насъ на тотъ или другой мысъ. Всякой можетъ

себѣ представить, съ какимъ ожиданіемъ и какими глазами смотрѣли мы на приближавшійся городъ. Ужасный бурунъ съ права и лѣва крушился на отмѣляхъ, пѣнящіяся волны, вздымаясь на стѣну, заливали высокую башню крѣпости, отъ которой мы шли не болѣе 60 сажень. Зритель, будучи внѣ опасности, конечно не могъ бы сохранить равнодушія, взирая на фрегатъ, идущій между каменьевъ, совсѣмъ на боку, особенно когда онъ съ высоты волненія спускаясь въ глубину, казался падающимъ прямо на башню. Напротивъ того не льзя представить и описать ту радость, когда фрегатъ, миновавъ рифы, входилъ въ портъ, гдѣ корабли стояли спокойно и безопасно какъ на рѣкѣ. Море, минуту прежде изрытое въ хляби и пропасти, вдругъ какъ бы сверхъ естественою силою, стало въ заливѣ совершенно ровно и тихо. Убрали паруса, бросили якорь, думали, что бѣда прошла и чуть чуть не погибли. Хотя волненіе у города было не чувствительно; но вѣтръ подобно громовымъ отголоскамъ, гремѣлъ въ верху между мачтъ и снастей. Два якоря не могли держать, фрегатъ тащило съ нихъ къ южной сторонѣ залива, усѣяннаго каменьями и пока успѣли спустить стеньги и реи на низъ, бросить третій якорь и приготовить послѣдній четвертой, фрегатъ былъ уже отъ берега не болѣе 100 сажень. Что бы облегчить верхъ его, должно было срубить мачты; но въ сію бѣдственную ми-

портъ
СИРАКУЗЫ
Италіанскіе Мили.
Низкій берегъ
Мостъ.
Кантера
Рѣка Анопусъ
Аретуза
ПОРТЪ СИРАКУЗЫ
Амфитеатръ
Водопроводъ
Ухо Діонисіево.
Колодезь.
Лучшее Якорное мѣсто
Голыя Камни.
Южный Мысъ
СИРАКУЗЫ
Бонаньо
Маг.
Ист.N
Скл. 15°W

нупу, якори скользя по дну въ гору, задержались, фрегатъ остановился и волненіе, отражаясь отъ берега, отталкивало его впередъ на канаты, такъ что посреди ужаснаго буруна, возлѣ камней въ крайней опасности нашли свое спасеніе. Всю ночь буря свирѣпствовала съ равною силою, и естьлибъ не успѣли засвѣтло войти въ Сиракузы, то по всѣмъ вѣроятностямъ, сею ночью потонули бы въ морѣ; ибо фрегатъ, пробитый ядрами въ подводной части, потекъ и имѣлъ многія другія поврежденія въ корпусѣ и мачтахъ.

Сиракузы.

Сиракузскій портъ, какъ бы нарочно руками человѣческими сдѣланный, представляетъ почти круглый бассейнъ, имѣетъ надежное иловатое дно, и на всемъ своемъ пространствѣ якорныя мѣста на глубинѣ отъ 5 до 11 саженъ. Входъ его между двумя мысами, открываетъ только часть бухты восточнымъ вѣтрамъ и по тому Сиракузскій портъ покоенъ и безопасенъ. По берегу, окружающему заливъ, не видно никакихъ остатковъ древней Сиракузы, а далѣе въ прекрасной перспективѣ горы начинаютъ постепенно возвышаться. Между ими Етна, какъ исполинъ, возноситъ вершину свою къ облакамъ и въ темныя ночи освѣщаетъ тихія воды Сиракузской гавани неподражаемымъ свѣтомъ. Малый портъ, гдѣ пристаютъ шлюпки у небольшой Мулы, и до-

селѣ называется *Мармора*, ибо въ древности весь устланъ былъ мраморомъ, котораго плиты и теперь еще кой гдѣ видны.

Къ полдню, 15 Октября, буря умолкла, фрегатъ завозами перешелъ къ городу, и потомъ приступили мы къ исправленію поврежденій онаго. Карантинный чиновникъ, сдѣлавъ нѣсколько вопросовъ, откуда пришли? нѣтъ ли опасныхъ больныхъ? объявилъ свободу и поздравилъ отъ имени Губернатора съ прибытіемъ. Капитаны военныхъ Англинскихъ судовъ и Полковникъ горнаго Шотландскаго полку сдѣлали намъ посѣщеніе и послѣдній на другой день пригласилъ на обѣдъ. Губернаторъ Сиракузскій оставилъ насъ у себя обѣдать. Сѣдые волосы совсѣмъ противорѣчили проворнымъ его тѣлодвиженіямъ, быстрый взглядъ показывалъ всю пылкость молодости, а наружность обѣщала мужество и твердость духа. Къ столу собралось многочисленное общество. Губернаторъ представлялъ насъ знатнѣйшимъ особамъ въ парчевыхъ и шелковыхъ, шитыхъ цвѣтами кафтанахъ съ большими стразовыми пуговицами. Всѣ они имѣли пышные титулы Герцоговъ, Принцевъ и Маркизовъ со многими Испанскими прилагательными именами, даже названіями святыхъ на примѣръ: Don Francesco, Conte de Sto Giovani. Столъ былъ самый роскошный на Италіанскій вкусъ; вездѣ ароматы и пряные коренья, мяса было мало, большая часть блюдъ состояла въ зелени, рыбѣ, плодахъ, пирожномъ и мороженомъ, Каждое блюдо провозглашаемо

было хозяиномъ, многосложнымъ титуломъ, означающимъ качество и достоинство его, *Bef alla Mode! Bombe de Sardanapalo, La piatanza di Frederico Grande!* Одно совѣтовалъ онъ кушать старымъ мужьямъ, другое молодымъ дамамъ и дѣвицамъ. Малвазія ди липари, *лакриме кристи*, славное Сиракузское и Марсала, стояли не пропущая: вина употребляли очень мало и то пополамъ съ водою; но веселость и удовольствіе видны были на всѣхъ лицахъ. Гибкость и пріятность сладкозвучнаго языка, при рѣдкомъ дарованіи говорить замысловато и остро, дѣлаютъ вообще Италіанскія бесѣды, (гдѣ никогда не употребляется иностранный языкъ), веселыми и забавными. Хотя шутки большею частію бываютъ двусмысленныя, а иногда и соблазнительныя; но дамы и кавалеры равно умѣютъ отражать и нападать съ такимъже оружіемъ. Разговоръ быстро переходилъ отъ одного предмета къ другому.—Анекдоты, любовныя приключенія, ученые споры, експромты въ стихахъ, политика Европы и новости всего свѣта одно другое заступали. Каждое слово влекло за собой шутку и каждая рѣчь обращалась въ смѣхъ; въ колкихъ эпиграмахъ, тутъ же сочиняемыхъ, смѣялись надъ мишурнымъ своимъ Королемъ *Іосифомъ* Бонапарте, и по видимому не огорчались утратою своего отечечества. Послѣ обѣда, Губернаторъ показывалъ намъ свой Гранодерскій полкъ, стоящій здѣсь гарнизономъ. Генералъ-Маіоръ Бах-

метеевъ, научивъ Неаполитанскую армію, Руской екзерциціи, оставилъ свою память и соединилъ такъ сказать Рускаго съ Италіанцемъ. Въ маневрахъ, каждый солдатъ ясно обнаруживалъ, что онъ разумѣетъ равно какъ и его Полковникъ, для чего каждое движеніе полезно, и въ какомъ случаѣ одно должно предпочесть другому; словомъ Италіанскій солдатъ не имѣя столь воинственнаго вида, кажется понимаетъ свое ремесло лучше нежели думаетъ о наружности.

Городъ Сиракузы не великъ, стоитъ на полуостровѣ, котораго, перешеекъ перерытъ каналомъ, и обнесенъ кругомъ каменнымъ брустверомъ; сіе наружное правильное укрѣпленіе составляетъ наилучшую его защиту съ сухаго пути; съ моря же обнесенъ стѣною и у маяка поставлены тяжелыя орудія. Башня на мысу служитъ для маяка. Высокіе старинной архитектуры домы, площадь украшенная водоемомъ, улицы не слишкомъ узкія, вымощенныя плитникомъ, мраморные и лавные тротуары дѣлаютъ Сиракузы довольно красивымъ городомъ. Театръ не великъ, актеры же еще менѣе заслуживаютъ вниманіе. Лучшія зданія суть монастыри и церкви, монаховъ и нищихъ столько въ городѣ, что изъ 15.000 жителей, по наружности (разумѣю по одеждѣ) едва видишь порядочныхъ гражданъ, впрочемъ весьма достаточныхъ. Соборная церковь (il Domo) украшается крыльцомъ, котораго прекрасныя колонны обращаютъ на себя взоръ. Я входилъ

въ храмъ во время обѣдни, служеніе Епископа, оперная музыка и пѣвицы, не столько привлекали мое вниманіе какъ изящное зодчество Архитрава и хоровъ. 34 колонны Дорическаго ордена, вмазанныя въ стѣны, почитаются остатками древняго храма Минервы. Въ сокровищахъ сей церкви хранится антикъ, на коемъ весьма искусно вырѣзаны три бюста Римскихъ воиновъ, одинъ изъ нихъ бѣлой, другой багрянаго, а третій тѣлеснаго цвѣту. Въ другомъ домѣ показываютъ четыре колонны, которыя, какъ говорятъ, принадлежали Діанину храму.

На другой день пребыванія въ Сиракузахъ, смотрѣли мы ученье Шотландскаго полку; одежда воиновъ, подобная Римской, сохранилась отъ древняго времени и странный видъ пестрыхъ юбокъ привлекаетъ взоръ особенно зрительницъ. Солдаты всѣ очень молоды, бѣлокуры, свѣжи лицемъ, можно сказать молодцы. Лордъ Дугласъ наслѣдникъ великаго богатства, Капитанъ, юноша въ 18 лѣтъ, совершенный красавецъ, составляетъ предметъ разговоровъ здѣшнихъ дамъ. Золотой шишакъ его, бриліантовая пряжка, держащая мантію, бѣлая какъ снѣгъ шея и *юбка*, когда онъ бѣжалъ предъ фрунтомъ, открывающая всю стройность ногъ, уподобляли его вмѣстѣ Марсу и Адонису. Ученье меня удивило. Артикулъ весьма простъ и коротокъ, кидаютъ его безъ флигельмана, солдаты забавляются ружьемъ какъ дѣти, но стрѣляютъ проворно и въ цѣль весь-

ма вѣрно. Полковникъ хотѣлъ знать мнѣніе нашего армейскаго Офицера; и сей сказалъ ему: „стрѣльба, очень хороша, но фронтъ худо ровняется, криво заходитъ, и держатъ ружья слишкомъ заваливши назадъ." Послѣднее отъ того, отвѣчалъ Полковникъ, что приклады кривы, а въ первомъ вы правы. Послѣ маневровъ началось особаго рода ученье: ружья поставили въ козлы, однимъ роздали камышевыя тросточки, на которыхъ солдаты бились какъ на сабляхъ и шпагахъ; другіе, разсыпавшись по площади, ловили другъ друга, прыгали черезъ головы, гонялись, увертывались и дѣлали разныя гибкія тѣлодвиженія; послѣ стали во фрунтъ, и дѣлая обороты на право и на лѣво, сопровождали каждое движеніе голосомъ и хлопали въ ладоши въ тактъ съ ногою.

Въ шесть часовъ сѣли за столъ. Ѣли хорошо, пили еще лучше; блюда подавали не по порядку, а каждый бралъ, что ему угодно; тѣ, кои были застѣнчивѣе другихъ, и не знали сего обыкновенія, принуждены были начинать пирожнымъ, а потомъ кушать бифстексъ, конфекты, редисъ, пудингъ и черепашій супъ. При начатіи тостовъ являлись музыканты; Тамбуръ-мажоръ, бронзоваго цвѣта Американецъ, въ богатомъ одѣяніи, съ перяною короною на головѣ, ходилъ вокругъ стола впереди волынщика, который надувалъ свою волынку изо всей силы, что повторялось при каждомъ тостѣ. Музыканты играли между тѣмъ народныя Шотландскія пѣсни, имѣ-

*

ющія въ себѣ нѣчто меланхолическое, сродное обитателямъ сѣвера; простые тоны ихъ трогаютъ душу. Англинскій обычай сидѣть долго за столомъ употребляется и Шотландцами. Послѣ обѣда слуга поставивъ на столъ сыръ, пикольсы, *дьявольскими* называемые, ибо они приготовляются изъ самаго ѣдкаго Гвинейскаго перцу, орѣхи и каштаны, какъ вещи наиболѣе возбуждающія жажду, и наконецъ каждому по двѣ бутылки на столъ и по одной въ запасъ подъ столъ,... поклонился, вышелъ, двери заперли, и тутъ-то безъ свидѣтелей начали пить. Sir! your health! (Ваше здоровье)! повторяется со всѣхъ сторинъ, рюмки опоражниваются, разговоръ оживляется; Бонапарте является на сцену и тотъ, кто прежде наблюдалъ глубокое молчаніе, подъимаетъ голову и вмѣстѣ съ прочими кричитъ God demn! Наконецъ чрезъ цѣлые два часа встали, и къ удивленію пошли твердымъ шагомъ. Я долженъ былъ согласиться съ моимъ сосѣдомъ Пикнеемъ, что можно сдѣлать привычку пить много и никогда не быть пьянымъ.

Лордъ Дугласъ пригласилъ насъ на чай. Пикней, полковой Квартемистръ, человѣкъ характерный, лѣтъ подъ 50 и все еще Поручикъ, пошелъ со мною. Идучи по улицѣ, я спросилъ его: отъ чего Полковникъ и Капитаны такъ молоды, а Субалтерны Офицеры такъ стары? „Отъ того, отвѣчалъ онъ, что у насъ чины покупаются; отъ того, что у

Лорда 10 Аранскихъ лошадей на конюшнѣ, а у меня одинъ лошакъ." Какое злоупотребленіе, какая несправедливость, сказалъ я; не такъ много, какъ вы думаете, продолжалъ Пикней. Государству легче, когда дѣти вельможъ на свой щетъ формируютъ полки. Вы согласитесь, что богатой человѣкъ болѣе имѣетъ средствъ быть Полковникомъ, нежели бѣдной, не имѣющій предварительнаго воспитанія. Къ томужъ наша фрунтовая служба проста, никогда не измѣняется, ее можно знать въ нѣсколько недѣль. „Чѣмъ же отличается у васъ храбрость? Ни чѣмъ! Каждый сынъ отечества долженъ служить ему безъ видовъ какой-либо награды. У насъ орденовъ за то не дается и чинъ, по окончаніи войны, когда войска распустятся по домамъ, не доставляетъ особеннаго преимущества. Тотъ, кто раненъ и бѣденъ, получаетъ пансіонъ, не по чину, а по увѣчью." Я не противорѣчилъ, но не могъ согласиться, чтобы продажа чиновъ безъ заслуги, могла имѣть свою пользу, и разговоръ обратился къ содержанію Офицеровъ. Пикней увѣрялъ меня, что армейскіе Офицеры, подобно морскимъ, имѣютъ, когда только позволяетъ возможность, общій столъ. Превосходное заведеніе! ибо тутъ молодой человѣкъ всегда находится подъ надзоромъ Начальника, не заботится, что ему завтра ѣсть, и не имѣетъ излишняго скарбу, коимъ наши пѣхотные Офицеры по необходимости обременены бываютъ.

Прекрасный Капитанъ угощалъ насъ какъ богачъ Ученый Докторъ, наставникъ Лорда, обходился съ нимъ какъ съ другомъ. Къ чаю вышла прекрасная Англичанка, въ пунцовомъ спенсерѣ. Она поклонилась намъ низко, по модѣ прищурила голубые свои глазки, потомъ вдругъ покраснѣла, и въ скромномъ замѣшательствѣ сѣла на свое мѣсто. Кто это такая? „спросилъ я Пикнея" жена или сестра его? „ни то, ни другое," отвѣчалъ шутливой старикъ въ полголоса .... Возвращаясь на фрегатъ, тихій прохладный вечеръ, побудилъ насъ сдѣлать нѣсколько шаговъ по улицѣ. Разноцвѣтные фонарики освѣщали преддверія домовъ, у коихъ слышимы были звуки гитары, и пѣніе. Сіи серенады, при чуть блистающихъ звѣздахъ и сумракѣ вечера, дѣлали пѣніе Сиренъ слишкомъ опасными для мореходцевъ. Большіе шаги ихъ уменьшались, они шли тише и тише, потомъ одинъ уходилъ на право, другой потихоньку косвенными шагами склонялся на лѣво, и когда я пришелъ къ пристани, то остался съ однимъ только товарищемъ.

Въ свою очередь и мы пригласили гостей на завтракъ; день былъ прекрасный. Подъ павильономъ, составленнымъ изъ Англинскихъ, Неаполитанскихъ и Россійскихъ флаговъ, накрытъ былъ столъ на шканцахъ. Три повара готовили кушанья на вкусъ каждаго изъ гостей; но всѣ требовали Рускихъ блюдъ. Шотландцы находили ихъ вкусными; а Италіянцы утверждали, что отъ нашихъ щей и

грешневой каши можно умереть отъ несваренія въ желудкѣ. Въ винѣ не было недостатка и скоро искреннее обращеніе безъ всякой затѣйливости сблизило гостей столь различныхъ націй и характеровъ. Головы разгорячились у военныхъ, начались и разговоры военные, полетѣли ядра, бомбы, пули и картечи; у морскихъ началась буря и паруса летѣли на воздухъ. Театръ войны въ Египтѣ, обѣихъ Индіяхъ, Америкѣ и Европѣ, перешелъ на малое пространство, заключенное между двумя мачтами. Шумъ и крикъ постепенно увеличивались, не знающіе иностранныхъ языковъ говорили неумолкно; Италіянцы знаками объяснялись лучше прочихъ; Англичане и Рускіе, не останавливаясь на маловажныхъ вещахъ, говорили всѣ вдругъ. Послѣ обѣда, просили заставить пѣть матрозовъ. 20 отборнѣйшихъ пѣвцовъ, съ помощію кларнета, рожка, бубна и барабана, начали веселыя пѣсни, зазвенѣло въ ушахъ. Шотландцы были довольны, Италіянцы молчали; я спросилъ у одного сидѣвшаго возлѣ меня дворянина, нравятся ли ему наши пѣсни? *Сильной народъ!* отвѣчалъ онъ, всплеснувъ руками. Но когда начали пѣть тихія, протяжныя пѣсни, когда явились поддѣльные крестьянинъ и крестьянка, когда начали они плясать, то всѣ гости пришли въ удивленіе, стѣснились вкругъ, и сіе такъ понравилось всѣмъ вообще, особенно Италіянцамъ, что плясуцы принуждены были плясать до упаду.

Развалины Сиракузъ.

Древнія Сиракузы состояли изъ четырехъ частей: Аркадина, Тихи, Неаполисъ и Ортигія, которыя раздѣлялись тройными стѣнами и защищались тремя крѣпостями. Городъ имѣлъ въ окружности 20 миль и граждане его были такъ богаты, что вошло въ пословицу: „богатъ какъ Сиракузянинъ." Построеніе его приписываютъ Коринѳянину Архіасу въ 448 году послѣ Троянской войны. При владычествѣ Діонисія, Карѳагенцы осаждали городъ безъ успѣха и Амилкаръ полководецъ ихъ былъ убитъ. Въ послѣдствіи времяни Аѳинскій флотъ также былъ истребленъ, и все войско бывшее подъ начальствомъ Никія, взято въ плѣнъ. Наконецъ въ 542 году отъ построенія Рима, Сиракузы, защищаемыя машинами, изобрѣтенными Архимедомъ, были взяты Римлянами подъ предводительствомъ Марцелла. Нынѣшній городъ стоитъ на мѣстѣ Ортигія, прочія же части города представляютъ едва примѣтныя развалины.

Прошедъ подъемный мостъ, на каналѣ перешейка находящійся, въ нѣсколькихъ шаговъ отъ гласиса показываютъ *колодезь* (Pescina), имѣющій видъ погреба, въ которой сходятъ по лѣсницѣ. Внутри онаго сохранились шесть мраморныхъ столбовъ. Отсюда начинается тотъ славный водопроводъ, который Сарацинами, обладавшими Сициліею, проведенъ отъ древняго, начинающагося отъ рѣч-

ки *Анапо*, гдѣ она впадаетъ въ море между двухъ болотъ *Сикаро* и *Лизимеле*, изъ коихъ первое вѣроятно дало названіе городу. Взоръ поражается длинною аркадою, которой начало теряется изъ виду. Аркада сія или лучше сказать мостъ длиною въ 14 миль, поддерживаемый толстыми столпами и сводами, постепенно понижаясь съ горъ въ свинцовомъ ящикѣ проводитъ цѣлую рѣку къ колодцу, отъ котораго городъ, помощію подземныхъ трубъ, получаетъ воду.

Проходя садами близъ водопровода, въ двухъ верстахъ отъ города, стоитъ обрывистый утесъ, подошва коего имѣетъ множество пещеръ и гротовъ. Одинъ изъ сихъ гротовъ называютъ *Діонисіево ухо*. Онъ высѣченъ весьма гладко въ горѣ, состоящій изъ крѣпкаго камня. Отверстіе грота или входъ, вышиною около 80 футовъ, имѣетъ фигуру двухъ буквъ S, верхними концами соединяющихся, а къ низу постепенно расширяющихся до разстоянія 30 футовъ; черта, образующая полъ, также имѣетъ подобіе буквы S, сходящейся въ одну точку въ углубленіи горы. Сія послѣдняя точка, съ тою, которая составляется соединеніемъ буквъ S, на внѣшней стѣнѣ горы находящейся, соединяется параболическою кривизною, откуда идетъ слуховая трубка въ кабинетъ. Ухо или лучше сказать коридоръ, простирается во внутрь горы на 250 шаговъ. Въ стѣнахъ видны остатки колецъ и цѣпей, коими приковывались узники. Слуховая труба нынѣ

частію сломана, самый кабинетъ также разрушенъ, стѣна, которая закрывала отверстіе, не существуетъ болѣе; однако нѣкоторыя свойства механизма еще сохранились. Если разорвать лоскутокъ бумажки, то въ ухѣ повторяется сіе очень громко. Двое ставъ въ 50 шагахъ одинъ отъ другадо, говоря тихимъ шопотомъ, слышали слова весьма внятно. Обыкновенный разговоръ отзывается громко, отголоски повторяютъ рѣчь до нѣсколькихъ разъ. Пистолетный выстрѣлъ произвелъ громъ, отъ котораго вся внутренность горы казалось колебалась, и эхо, постепенно умолкая непрекатомъ, продолжалось минуть пять. Прибавивъ зарядъ и стоя внѣ *уха*, выстрѣлъ подобенъ былъ залпамъ стопушечнаго корабля, кончившимся ружейною перестрѣлкою. Любопытно былобы послушать здѣсь музыки. Разсматривая устроеніе *уха*, полагать должно, что повтореніе въ ономъ звуковъ происходитъ отъ соразмѣрной вышины и ширины, а болѣе отъ сходства съ ухомъ: малѣйшее движеніе въ такомъ родѣ строенія сотрясаетъ воздухъ. Дворецъ Діонисія находился на горѣ надъ самою тюрмою. Дабы видѣть кабинетъ, Тимпаномъ прежде называемый, куда приходилъ тиранъ подслушивать нещастныхъ, должны мы были, ухватившись за веревку, продѣтую въ блокъ, надъ самымъ окномъ утвержденный, позволить подымать себя на высоту 200 футъ. Сквозной вѣтръ, чрезъ окно и

разрубъ слуховой трубы съ конца обсыпавшейся, причиною, что слова въ кабинетѣ хуже слышны, нежели въ тюрьмѣ. Увѣряютъ, что когда сіе Діонисіево ухо было цѣло, то главное достоинство механизма состояло въ томъ, что въ тюрмѣ слова не повторялись, а только слышимы были въ слуховой комнатѣ тирана.

Рядомъ съ Діонисіевымъ ухомъ, показываютъ преогромныя пещеры, поддерживаемыя толстыми столпами. Отсюда ломали камни для строенія домовъ. Во время тирановъ оныя глубокія пещеры служили для заточенія преступниковъ, а нынѣ вываривaютъ въ нихъ селитру. Утесъ, кажется, нарочно былъ обтесанъ для пристройки къ нему домовъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны на ономъ остатки извести и камней, отъ стѣнъ оставшихся.

По лѣвую сторону пещеръ находится *Амфитеатръ*. При первомъ на него воззрѣніи не льзя не удивиться смѣлости и прочности строеній древнихъ Архитекторовъ. Представьте себѣ цѣлую гору въ видѣ полукруга раздѣленную на три террасы или перехода или галлереи, назовите какъ угодно, соединенныя нѣсколькими стами ступеней, гдѣ помѣщались зрители. По обѣ стороны амфитеатра видны остатки восьми лѣстницъ для входа, балюстрады коихъ были мраморные. Намъ показывали остатки надписей, коихъ буквы такъ изгладились, что ничего разобрать

не льзя; но ученый Графъ Гаетано, уроженецъ Сиракузскій, по долгомъ изысканіи и трудѣ открылъ, что письмена на одной сторонѣ, *Василиссасб филистидосб*, означаютъ имя Царицы, во владѣніе которой построенъ театръ, а другая надпись, *Аглсосб*, полагаетъ онъ именемъ Архитектора. На верхней и средней терасѣ, видны двѣ мельницы, стоящія одна надъ другою; оныя дѣйствуютъ посредствомъ древняго водопровода, который въ семъ мѣстѣ шумя падаетъ съ ступени на ступень. Видъ отъ мельницъ безподобенъ: Сиракузкій портъ представлялся обширнымъ и спокойнымъ озеромъ; городъ стоящій на узкомъ полуостровѣ, въ то время покрытый легкимъ туманомъ, казался плавающимъ. *Аретуза*, славный въ древности источникъ, который протекалъ посрединѣ древняго города, извивался въ недальнемъ разстояніи отъ амфитеатра. Вспомнивъ приключеніе Актеона и Алфея, хотя мы и увѣрены были, что нынѣшнія Нимфы, приходящія къ сему ручью мыть платье, не были бы такъ къ намъ жестоки, однакожъ мы не пошли смотрѣть чистыхъ водъ его и приказали вести себя на развалины города.

Гдѣ нѣкогда возвышались Сиракузы, теперь обширное поле, на пространствѣ 3-хъ миль, представляетъ одни кучи камней. Колонны, капители, мраморныя плиты съ надписями, разбитыя и въ безпорядкѣ лежащія,

кой гдѣ валялись въ садахъ и огородахъ, все это мѣсто занимающихъ. Вотъ печальные остатки одного изъ лучшихъ городовъ въ древности. На мѣстѣ дворца, разсматривая нѣсколько обломковъ отъ крылецъ и карнизовъ, уже вросшихъ въ землю, мы негодовали видя, что позволяютъ похищать рѣдкіе мраморы и драгоцѣнные памятники. Съ сердечнымъ прискорбіемъ прошли мы сію пустыню отъ одного края до другаго, и чрезмѣрно радовались, если гдѣ подъ терновникомъ, или подъ корнемъ смоковничнаго дерева, усматривали часть стѣны, имѣющей на себѣ печать всеразрушающаго времени. Не такъ ли слава великихъ завоевателей, слава варваровъ, истребившихъ цѣлыя племена, должна пасть! Не такъ ли должны изчезнуть и истребиться, подобно великолѣпнымъ Сиракузамъ, всѣ новѣйшіе памятники, воздвигаемые тщеславіемъ.

Приближаясь къ морю, увидѣли мы остатки *бойницы*, съ которой Архимедъ бросалъ камни на флотъ Римскій. Тяжелые каменья, сложенные весьма плотно безъ связи, цемента или извести, составляютъ фундаментъ бойницы, которая отъ всѣхъ развалинъ Сиракузъ, одна хорошо сохранилася, ибо хищники не знали какимъ средствомъ поднять огромные камни, кои Архимедъ снесъ и положилъ въ основаніе зданія.

Оставя развалины и сойдя съ возвышенія на равнину, проводники привели насъ въ

монастырь. Капуцины показали намъ свою церковь, въ которой ничего нѣтъ замѣчательнаго. Вышедъ изъ церкви зажгли намъ нѣсколько факеловъ, отперли огромную дверь, по узкой лѣстницѣ мы ступили нѣсколько шаговъ внизъ и очутились въ *подземельи*, которому нѣтъ конца, какъ увѣрялъ одинъ изъ нашихъ вожатыхъ. Не льзя не удивиться, видя въ утробѣ земли, улицы, жилища, церкви, цѣлой городъ, и не возможно исчислить, сколько времени употреблено и сколько тысячь рукъ работало, дабы камень обратить въ длинное, безмѣрное подземное зданіе. По обѣ стороны галлереи или улицы, довольно широкой, находятся комнаты, одна возлѣ другой. Промежуточныя стѣны служатъ подпорами сводовъ. Въ каждой комнатѣ или нишѣ, посрединѣ стоитъ столъ, въ углу каминъ, а вокругъ трехъ стѣнъ широкія лавки съ небольшими углубленіями, служившими вмѣсто постелей для всякаго возраста. Все сіе, даже столъ, высѣчено изъ камня меловатаго и мягкаго, изъ котораго состоитъ почва земли. Прошедъ нѣкоторое разстояніе, представляются нѣсколько столповъ, поддерживающихъ кругловатое зданіе церкви, имѣющей три входа. Остатки престола, креста и образовъ, высѣченныхъ выпукло на камнѣ, во многихъ мѣстахъ очень замѣтны. На среднемъ сводѣ каждой церкви, для сообщенія воздуха и свѣта, пробито на поверхность земли большое

отверстіе, такія же сдѣланы въ равныхъ разстояніяхъ, и въ галлерейныхъ сводахъ. Въ сихъ-то храмахъ чистѣйшія моленія первыхъ Христіянъ, восходили до престола Небеснаго Царя, и Богъ, во время жестокаго гоненія, даровалъ имъ терпѣніе и мужество переносить мученія. Здѣсь-то благословляя, молясь о мучителяхъ своихъ, умирая подъ сѣкирою убійцъ, Христіане, по благочестію своему, разставались съ жизнію равнодушно. Даже матери, не стенали, не жаловались, а изливали скорбь свою въ усердныхъ моленіяхъ и постѣ. Монахъ раскасывалъ намъ, что одинъ изъ Властителей Сиракузкихъ, злобный гонитель Христіанъ, приказалъ воинамъ своимъ зажечь подземное сіе зданіе, и нѣсколько тысячъ, въ ономъ скрывавшихся, были задушены дымомъ. *Катакомбы* сіи, какъ увѣрялъ насъ Капуцинъ, простираются до самой Катаньи, что составитъ 60 миль, однакожъ до сего времени ни одинъ путешественникъ не изслѣдовалъ, гдѣ оныя въ самомъ дѣлѣ оканчиваются. Третій выходъ церквей противу алтаря находящійся, коридоромъ ведетъ къ катакомбамъ. Зрѣлище гробницъ и костей, въ сихъ темныхъ переходахъ лежащихъ, возноситъ мысль къ Богу, въ лоно коего всѣ мы рано или поздно должны возвратиться. Набожные люди, почитая кости сіи тѣлами мучениковъ, собирая прахъ пострадавшихъ за вѣру, уже послѣ гоненій, нѣкоторую часть предали погребенію.

Пришедъ къ первому отвалу, гдѣ можно выходить на поверхность земли, подземелье всюду было одинаково, кромѣ того, что главная улица, идучи прямо, поворачивалась отъ церквей въ право или въ лѣво. Достигнувъ втораго отвала, находящагося не ближе 3 верстъ отъ перваго, проводникъ предупредилъ насъ, что тутъ своды не крѣпки и часто падаютъ; нѣсколько монетъ убѣдили его идти далѣе; но догоравшіе факелы принудили насъ вскорѣ возвратиться назадъ и чрезъ второй отвалъ по дурной лѣстницѣ выдти на поверхность земли. Мы опять были посреди развалинъ; и уставъ, расположились немного отдохнуть. Одинъ сѣлъ на расколотое подножіе, другіе помѣстились на ступеняхъ развалившагося крыльца. Свѣтлая ночь, блистаніе звѣздъ, тишина и прохлада, лазуревыя волны моря, чуть плескающіяся у берега, подземелье, церкви, Катакомбы и столько костей, устрашая воображеніе и увлекая душу отъ мірскихъ попеченій, обращаютъ ее къ размышленію о будущей жизни.

Прогулка въ окрестностяхъ.

Пикней по службѣ долженъ былъ ѣхать въ Катанью; онъ предложилъ мнѣ осмотрѣть Етну; Докторъ и Капитанъ вызвались намъ сотовариществовать; но какъ фрегатъ былъ уже готовъ, то я удовольствовался проводить

ихъ только за нѣсколько миль. Мы сѣли въ коляску, двое слугъ помѣстились въ кабріолетъ. Проѣхавъ равнину, поворотили на небольшіе пригорки и пробираясь съ холма на холмъ вездѣ видѣли обработанныя поля и сады, вездѣ малые ручьи, по отводнымъ каналамъ текущіе во всѣ стороны и множество водометовъ. Бѣдныя каменныя хижины поселянъ, подъ тѣнію каштановъ и шелковицъ, окруженныя овощниками, не соотвѣтствуютъ изобилію земли. Помѣщичій домъ на горѣ, въ прекрасномъ положеніи, возбудилъ наше любопытство, оставя экипажъ на дорогѣ, мы пошли къ нему пѣшкомъ. Дорожка, обсаженная Индѣйскими фигами, кустарниками розъ и миртъ, вела насъ съ уступа на уступъ, и наконецъ чрезъ гротъ, увитый плющемъ, вышли мы на обширную террасу, посреди коей стоялъ лѣтній домъ, окруженный регулярнымъ садомъ. Помѣщикъ въ городѣ и домъ запертъ, сказалъ намъ садовникъ. По большимъ стекламъ, бронзовымъ рамамъ и парчевымъ занавѣсамъ можно было судить о великолѣпіи внутренности. Проспекты, вытянутые по шнуру, деревья, подстриженныя по модѣ, цвѣты, разсаженные по узору, фонтаны, бросающіе воду вензелями, при первомъ взглядѣ поражаютъ нечаяннымъ своимъ появленіемъ; но искуство въ расположеніи садовъ, безъ выбора природныхъ красотъ, при всей своей замысловатости скоро утомляетъ и наскучиваетъ.

Возвращаясь къ экипажамъ, мы переправились въ бродъ чрезъ рѣку, миновали лугъ и увидѣли множество поселянокъ, собирающихъ плоды и поющихъ веселыя пѣсни; тутъ представилась намъ крутая гора, покрытая лѣсомъ, дорога была трудна, мы всходили пѣшкомъ. Сплетшіяся верхи деревъ, мѣстами составляли крытую аллею; непроницаемая ихъ густота и вѣтерокъ укрывалъ и прохлаждалъ насъ отъ жара. По опушкѣ лѣса въ смѣшеніи представлялись, дубъ, кипарисъ, тополъ, фиговыя и миндальныя деревья; дикой виноградъ и жесминъ переплетали ихъ своими лозами; почти всѣ деревья были съ плодомъ. Спустясь у подошвы, проѣзжали мы померанцовую рощу: деревья, начинавшія цвѣсть, освѣжаемыя небольшимъ ручьемъ, катящимся съ горы, услаждая обоняніе, обольщали взоръ. Воображеніе переносилось въ золотой вѣкъ, въ щастливую Аркадію, и природа, представляя на каждомъ шагу изобиліе и роскошь, наполняла душу пріятнымъ чувствованіемъ.

Передъ вечеромъ, остановились въ небольшой деревнѣ Мелилли, не далеко отъ моря находящейся. Мнѣ не удалось осмотрѣть здѣшнюю сахарную плантацію. Пока я заботился о приготовленіи ужина, товарищи мои съ балкона любовались мѣстоположеніемъ. Посмотрите, сказалъ мнѣ Докторъ, какъ прекрасно заходитъ солнце, посмотрите какъ лучи его играютъ на снѣгахъ Етны. Давно не видавъ снѣга, съ великимъ удовольствіемъ

смотрѣлъ я на его бѣлизну. Сосны и кедры, растущіе близъ вершины, колеблемые вѣтромъ, напоминали о нашемъ сѣверномъ Отечествѣ. Погруженные въ сладкую задумчивость, въ глубокомъ молчаніи устремляли мы взоры на вершину волкана. Ночные мраки густѣли отъ дыма, который, скопляясь болѣе и болѣе, и расстилаясь вокругъ жерла, взвивался толстымъ столпомъ въ необозримую высоту. Позади Етны закатывающееся солнце, послѣдними изчезающими лучами, слабо освѣщало скатъ ея и длинный амфитеатръ горъ, лежащихъ во внутренности острова и вскорѣ съ отсутствіемъ его все видимое нами пространство покрылось сумракомъ. Между тѣмъ отъ востока, гдѣ море терялось въ безконечности, луна взошла въ тучахъ и тишина вечера скоро нарушилась вѣтромъ и дождемъ.

Нечистота гостинницы принудила Англичанъ перейти изъ ней въ конюшню, гдѣ на сѣнѣ они расположились спать, а я, поблагодаривъ ихъ за пріятное сообщество, закутавшись шинелью, сѣлъ въ кабріолетку. Дождь и холодный вѣтръ понудили меня ѣхать скорѣе. Италіянецъ гналъ лошадь въ галопъ, наскучилъ мнѣ своими разговорами, я закрылъ глаза, притворился соннымъ, онъ началъ пѣть театральныя аріи, и скоро сказалъ мнѣ: вотъ и Сиракузы. Фрегатъ снимался съ якоря, я нанимаю яликъ, и догоняю его уже выходящаго изъ залива.

Плаваніе отъ Сиракузъ до Палермы.

Въ полночь съ 19 на 20 Октября, оставя Сиракузы, съ тихимъ вѣтромъ въ ночь мало подвинулись мы впередъ; разсвѣло: Етна какъ исполинъ открылась взорамъ нашимъ и свѣжій вѣтерокъ подулъ. Мы были противъ Агосты, въ пристани ея стояло нѣсколько малыхъ судовъ. Отсюда къ сѣверу и югу, видны были разные заливы, гавани и мысы. Катаньо, лежащій при подошвѣ Етны, славится красотою женщинъ, которыя, говорятъ, столь же опасны какъ и изверженія ея. Пользуясь удобнымъ случаемъ, помощію октана измѣрили мы высоту Етны, и нашли оную 3 версты 65 саженъ. Окружность подошвы ея имѣетъ 315 верстъ: на плодоносномъ ея пеплѣ у основанія ростетъ сахарной тростникъ и всякой хлѣбъ. Средина покрыта виноградниками, масличнымъ и плодовитымъ лѣсомъ. Выше ростутъ яблони и грушевыя деревья, а на вершинѣ лежитъ вѣчной снѣгъ.

Ужасныя изверженія сдѣлали ее знаменитою. Въ 1693 году Катаньо была истреблена, 18,000 жителей погибло, и лава покрыла лучшія ея улицы. Землетрясеніе, бывшее въ 1763 году въ Сициліи и Калабріи, въ нѣсколько часовъ погубило 40,000 народа. Съ сего времени изъ Етны не было сильныхъ изверженій, однакожъ она безпрестанно горитъ и

угрожаетъ. Еслибъ Италія не имѣла Везувія, Етны и Стромболи, сихъ отдушинъ горящей подъ нею земной утробы, то или должна бы лишиться своего плодородія, или надлежало бы ей погибнуть. Бытописанія наполнены разрушеніями, причиненными землетрясеніемъ. Оно творитъ новыя, опрокидываетъ или переноситъ на другія мѣста старыя горы, поглощаетъ цѣлые города, подъемлетъ изъ нѣдръ моря новые острова, и рѣки совращаетъ съ прежняго пути. Въ 1538 году, у Неаполя поднялась изъ ровной земли, новая гора (monte nuovo) вышиною въ 67 саженъ. Въ 1707 году, островъ Санторинъ въ Архипелагѣ, вышелъ изъ волнъ морскихъ. Многіе изъ Липарскихъ острововъ, одни погрузились на дно, а другіе появились на поверхности моря. Сицилія, по свидѣтельству Плинія, Виргилія и Овидія, соединена была съ Калабріею, но неизвѣстнымъ намъ землетрясеніемъ отторгнулась отъ нея. Весьма также вѣроятно, что Гибралтарскій проливъ, и Дуврскій каналъ, занимали мѣсто неизвѣстной поглощенной области. Сіе опустошающее явленіе природы происходитъ отъ горючихъ веществъ, кои отъ смѣшенія ихъ сами собой возгораются. Сей огонь раздражается воздухомъ и еще болѣе усиливается водою. Сила огня столь велика, и изверженія столь жестоки, что дѣйствіемъ своимъ производятъ землетрясенія. Крѣпкіе металлы превраща-

ются симъ огнемъ въ жидкость, называемую лава, которая при изверженіяхъ кипитъ, вздувается, восходитъ къ жерлу горы, и оттуда огненною рѣкою течетъ и истребляетъ все встрѣчающееся на пути ея. Суевѣріе приписываетъ симъ естественнымъ дѣйствіямъ баснословное начало. Отверстіе Етны, Сицилійцы почитаютъ вратами ада, подземный шумъ и клокотаніе приписываютъ они стонамъ грѣшниковъ.

Не доходя Мессины, мѣстоположеніе небольшаго городка Скалеты поражаетъ взоръ. Камень, имѣющій видъ сахарной головы, отъ низа до верху обстроенный домами, раздѣленный тремя стѣнами, представляется конусомъ, какъ бы нарочно поставленнымъ у берега моря. Здѣсь дѣлается славное масло изъ жиру маленькихъ птичекъ Бекафиговъ и другихъ. 21 Октября прошли Фаро и съ умѣренными перемѣнными вѣтрами, держа между Сициліею и Липарскими островами, при захожденіи солнца, 23 Октября, вошедъ въ Палермскую гавань положили якорь возлѣ Англинскаго корабля Помпея, на которомъ былъ флагъ славнаго Контръ - Адмирала Сиднея Смита.

Палерма.

Не смотря на небольшой дождикъ, тотъ же часъ какъ бросили якорь, Офицеры, сво-

бодные отъ должности, поѣхали въ городъ. Фонари, освѣщавшіе большую улицу, открытыя лавки и кофейные домы, иллюминованные лампами; стукъ каретъ и фаетоновъ, скачущихъ сквозь толпу пѣшеходовъ съ разноцвѣтными фонариками и факелами въ рукахъ (*) обращали ночь въ день и представляли прекрасное зрѣлище. По музыкѣ и пѣнію тотчасъ догадаться можно, что находишся въ одной изъ столицъ Италіи. Едва ступили мы нѣсколько шаговъ по набережной, какъ толпа полунагихъ мальчиковъ насъ окружила. Они предлагали намъ совсѣмъ неожиданныя по ихъ лѣтамъ услуги. Ни днемъ, ни вечеромъ не даютъ они иностранцамъ покою и дѣлаютъ имъ самыя наглыя предложенія съ такимъ же покойнымъ духомъ и совѣстію, какъ у насъ въ гостиномъ дворѣ купцы спрашиваютъ проходящихъ: сахару, кофію не угодно ли?

Положеніе Палермы представляетъ самый живописный видъ. Она лежитъ на низкой, ровной долинѣ, обложенной въ дали холмами и горами, покрытыми вѣчною зеленью. На вершинѣ одной горы видѣнъ древній городъ *Монтъ-Реале*, на другихъ показываются въ облакахъ загородные домы съ бесѣдками и бель-

(*) Въ 9 часовъ вечера, по распоряженію Палермской полиціи, жители не иначе могутъ выходить изъ дома, какъ съ фонаремъ или съ факеломъ.

ведерами, откуда богачи вельможи наслаждаются видами долины, города, гавани, кораблей и моря.

Толедо и *Кассаро*, двѣ главныя улицы, на крестъ пересѣкающіяся, раздѣляютъ Палерму на четыре квартала. Первая начинается у морской набережной, и простираясь отъ востока къ западу около четырехъ верстъ, оканчивается у Королевскаго дворца готическими воротами съ высокою надъ ними башнею, которая отъ набережной, въ узкомъ концѣ преспективы, кажется игрушкою, изображающею Китайскій домъ. Если кто хочетъ имѣть понятіе о прекраснѣйшей въ свѣтѣ улицѣ, то долженъ посмотрѣть въ Палермѣ Толедо. На двухъ широкихъ линіяхъ, пересѣченныхъ площадью съ Арабскимъ водоемомъ, на мраморной и частію лавной мостовой, всѣ дома равной вышины съ террасами, украшены статуями и вазами цвѣтовъ. Сіи, такъ сказать, воздушные на крышкахъ сады, вмѣстѣ съ портиками и съ порфирными колоннадами, составляютъ такую совокупность, что одинъ взглядъ на фасады приводитъ уже въ изумленіе. Къ сожалѣнію крыльца, подъѣзды и сѣни наполнены толпами безобразнѣйшихъ нищихъ. Съ жалобными стонами преслѣдуютъ они всякаго, и неопрятность ихъ, рубища, покрывающія только нѣкоторыя части тѣла, дѣлаютъ отвратительную съ первымъ пріятнымъ впечатлѣніемъ противуположность.

Хотите ли имѣть понятіе о внутреннемъ убранствѣ ихъ палатъ? Войдите со мною въ домъ Княгини де Бутиро, богатѣйшей особы въ Палермѣ. Сводъ воротъ унизанъ жемчужными раковинами и зеркалами; ночью, когда зажигается большая люстра, огонь, отражаясь отъ зеркаловъ, освѣщаетъ подъѣздъ самымъ яркимъ свѣтомъ. Фонтанъ съ фигурами Наядъ, Сиренъ и Тритоновъ, стоящій посреди двора, вымощеннаго бѣлымъ мраморомъ, открываетъ за собою перспективу парадной лѣстницы. Съ одной стороны небольшія статуи, поставленныя на столбикахъ бронзоваго балюстрада; съ другой мраморныя вазы, въ кои падаетъ вода въ видѣ кристальныхъ колпаковъ, привели меня къ портику, состоящему изъ четырехъ колоннъ чернаго мармора съ золотыми искрами. Чрезъ огромную дверь вхожу въ средній этажъ. Крупный Тосканскій мозаикъ украшаетъ стѣны, полъ и потолокъ обширной залы. Вторая комната убрана желтымъ атласомъ. Голубой бархатъ съ серебреною бахрамою и кистями составляетъ убранство пріемной. За нею ротонда. Посреди порфирнаго помоста, бассейнъ съ нѣсколькими ступенями внизъ, окруженъ серебреною рѣшеткою. Венера съ амурами и нимфами, составляетъ прекрасную группу фонтана, разливающаго прохладу въ сей комнатѣ, убранной малиновымъ бархатомъ. Потолокъ въ столовой, изображающій собраніе

боговъ на Олимпѣ, стóитъ одинъ, какъ говорятъ, около 40,000 рублей. Лѣпная работа и живопись, богатая мебель, множество бронзы, фарфора и серебра останавливаютъ на каждомъ шагу (*). Наконецъ поворотивъ въ другой фасадъ дома, должно идти по длинной зеркальной галлереѣ къ небольшой круглой комнатѣ, занимающей мѣсто между первымъ и вторымъ дворомъ дома. Съ конца галлереи комната сія представляется въ видѣ храма, котораго зеркальный потолокъ, большія кругомъ окна и большое зеркало, утвержденное между двухъ лазуревыхъ колоннъ, шелковые ковры и нѣсколько ступенекъ для всхода, пріятнымъ образомъ поражаютъ зрѣніе. Въ семъ послѣднемъ убѣжищѣ вкуса и роскоши приняла меня хозяйка, женщина лѣтъ около тридцати. Она еще и теперь хороша, а была, говорятъ красавица. Мнѣ подали парчевый табуретъ; я сѣлъ между ею и туалетнымъ столикомъ, на которомъ вмѣстѣ съ молитвенникомъ, лежали Метастазіевы оперы, Боккачіо, Орлеанская дѣвственница и еще многія подобныя симъ книги. Мощи и мозаическое рас-

---

(*) Достойно замѣчанія, что въ Италіи полы дѣлаются изъ композиціи, которой по желанію даютъ всѣ роды цвѣтовъ, и которая, будучи покрыта лакомъ, дѣлается твердою какъ кремень. Въ строеніе домовъ почти не входитъ лѣсъ: полы, лѣстницы всѣ мраморные; рамы же большею частію бронзовыя.

nimie makже смиренно покоились между помадою, духами и другими подобными тому вещами. Въ Гетрурскихъ вазахъ курились Аравійскія благовонія. Высокой Арабъ и три прекрасныя служанки составляли ея прислугу. Тутъ еще былъ миловидный Баронъ, котораго рекомендовали мнѣ за домашняго друга. Онъ, не обращая вниманія на разговоръ нашъ, насвистывалъ извѣстную Арію: se tu m'abandoni, mio dolce Amore! я выпивъ чашку шоколада, поданнаго на золотомъ подносѣ и въ Японскомъ фарфорѣ, раскланялся, вышелъ; но воображеніе мое осталось въ сихъ чертогахъ солнца, которыхъ великолѣпіе не уступило бы и самымъ богатымъ, восточнымъ дворцамъ.

Фонтаны.

Въ центрѣ города находится прекрасный фонтанъ, сохранившійся отъ владычества Сарацыновъ, восемьдесятъ фигуръ безпрестанно бьютъ каскадами воду. Не льзя не сожалѣть, что площадь, въ срединѣ города находящаяся, очень не велика, а фонтанъ поставленъ въ углу оной. Фонтанъ на Королевской площади также имѣетъ прекраснѣйшую марморную группу новѣйшаго рѣзца. Каждая площадь снабжена водоемомъ, въ каждомъ домѣ, въ каждомъ этажѣ неумолкно слышно журчаніе и паденіе воды. Палерма не имѣетъ рѣ-

ки; (*) откуда же, спросите, берутъ воду? Въ 23 верстахъ отъ города, Сарацины ископали на горахъ обширное водохранилище; нѣсколько ключей и дождей, бывающихъ здѣсь зимою, содержатъ его всегда полнымъ. Отсюда, помощію водопровода, протекая подъ землею, вода очищается, дѣлается холодною и сообщается покрытымъ каналомъ въ городъ. Отъ фонтановъ, по законамъ Гидравлики, (что уголъ паденія равенъ углу отраженія) подымается вода и на самые террасы. Вѣчное движеніе воды, стремящейся изъ пастей животныхъ, рыбъ и чудовищъ, въ серебристыхъ переливахъ, въ видѣ споповъ и пирамидъ, дѣлая удовольствіе взору, въ жаркомъ климатѣ, въ полдневный зной доставляетъ истинную отраду. Въ ясный день солнечные лучи, касаясь падающихъ кристалловъ, производятъ прекрасныя радуги. Когда же ночью ставятъ позади воды плошки, то онѣ горятъ разноцвѣтными огнями.

Церкви.

На всякой улицѣ монастырь или церковь, но ни одной нѣтъ посреди площади, гдѣ бы можно было видѣть всю красоту ихъ. Наружность большею частію готической архи-

---

(*) Ручей Орето, текущій по южную сторону города, большую часть года не имѣетъ воды.

тектуры; внутри же самый изящный вкусъ соединенъ съ удивительнымъ великолѣпіемъ. Портикъ Соборной церкви украшается колонадою и статуями четырехъ Евангелистовъ. Въ притворѣ, изъ двухъ прекрасныхъ водоемовъ, неумолкаемо журчатъ кристальныя воды. Вошедъ въ храмъ, при первомъ взглядѣ, удивляешься богатству. Открытые алтари съ серебреными и бронзовыми колоннами; обширные своды и хоры церкви, поддерживаемые гранитными столпами; порфировые гробницы Королей и Вицероевъ; прекраснѣйшая живопись образовъ; множество эмали, золота и марморовъ составляютъ вмѣстѣ чудное великолѣпіе. Тутъ взоръ блуждаетъ, душа чувствуетъ священный восторгъ. *Гажини*, почитаемый Мишелъ-Анжеломъ Сициліи, украсилъ хоры соборной церкви прекраснѣйшими статуями, недостатокъ оныхъ состоитъ только въ томъ, что, они поставлены высоко, и отъ того кажутся малыми. Мощи. Св. Розаліи въ золотомъ ковчегѣ, также кости Св. Петра и рука Іоанна Крестителя хранятся здѣсь на главномъ алтарѣ, который украшенъ двумя колоннами въ 15 футъ вышиною изъ чистаго ляписъ-лазури. Въ сокровищахъ храма сего показываютъ крестъ, принесенный въ даръ Св. Розаліи однимъ Испанскимъ Королемъ, оный осыпанъ бриліантами, изъ коихъ пять величины необыкновенной.

Послѣ соборной, по богатству своему и украшеніямъ, можетъ почесться второю цер-

ковъ *Св. Филиппа.* Музыкальная зала обращаетъ на себя вниманіе. Она имѣетъ особый входъ и занимаетъ съ правой стороны всю длину церкви. Галлерея вокругъ залы поддерживается колоннами розоваго цвѣта. Хоръ, подобный круглому храму, стоитъ особо въ концѣ залы; полукуполъ его, лежащій на широкомъ карнизѣ, утвержденъ на двухъ рядахъ колоннъ. Сводъ хора изображаетъ лазуревое небо. Богоматерь въ облакахъ представлена въ такомъ положеніи, что простирая руку внизъ, кажется нисходитъ съ неба. *Всевидящее око,* окруженное золотыми лучами, помѣщено въ противномъ отъ зрителей краю хора. Большое увеличительное стекло, обращенное къ востоку и находящееся сзади всевидящаго ока, принимаетъ лучи солнца, которыя отражаясь отъ зеркалъ, вдѣланныхъ въ сводѣ, разливаютъ ослѣпительный блескъ по всей залѣ. Оптическое дѣйствіе стекла, лазури и золота столь необыкновенно, что Божія Матерь съ парящими вокругъ ея Ангелами окружена истинно небеснымъ сіяніемъ. Ночью со внѣшней стороны увеличительнаго стекла ставятся лампы, и зала еще лучше, нежели днемъ, освѣщается. Художникъ, при сей замысловатой выдумкѣ, скрывъ музыкантовъ за карнизъ хора, соединилъ съ онымъ сводъ залы такимъ образомъ, что эхо, постепенно раздаваясь, доходитъ до слушателей, помѣщенныхъ внизу, въ такомъ удивительномъ

согласіи, что музыка и пѣніе кажутся сходящими съ небесъ.

„Какъ бы мнѣ хотѣлось послушать музыки въ этой прекрасной залѣ“ сказалъ я выходя оттуда. Учтивый, тучный, распрысканный духами Прелапъ подалъ мнѣ билетъ на ораторію, назначенную въ день Рождества. Она началась громкою симфоніею, постепенно ослабѣвающею, и когда почти утихла, тогда отдаленное пѣніе, сопровождаемое гобоями и флейтами, достигаетъ до моего слуха; я ищу глазами откуда оно исходитъ, и между тѣмъ какъ оно приближается явственно слышу: *слава въ вышнихъ Богу*. Это поэтъ хоръ Ангеловъ, обращаю къ небу глаза, вижу Ангеловъ, изображенныхъ на куполѣ, не удивляюсь болѣе согласному пѣнію и радуюсь, что силы небесныя столь ко мнѣ близки. Прекрасное хорное пѣніе волхвовъ: *пріидите поклонимся*, послѣ восхитительнаго пѣнія Ангеловъ, не произвело почти ни какого надо мною впечатлѣнія. Волхвы умолкли—и одинъ нѣжный, сладостный голосъ восхитилъ вновь мои чувства; не смѣю пошевелиться, не смѣю перевести дыханія—душа и взоръ обращается къ небу—вслушиваюсь и не постигаю, какъ смертный можетъ соединить столь согласные звуки съ такою неизъяснимою выразительностію и нѣжностію. Не могу прибрать выраженія, что бы сказать что нибудь о семъ неподражаемомъ голосѣ молодой монахини, которая, не взирая на недавное и глубокое впечатлѣніе, произведенное

Ангельскимъ пѣніемъ, восхитила всѣхъ слушателей новыми умилительнѣйшими звуками. Всѣ головы невольнымъ движеніемъ обратились къ хору; но она кончила: кончилось все, и я, выходя изъ залы, исполненный благоговѣйными чувствованіями, сказалъ самъ себѣ: *Хвалите Господа во тимпанѣ, гуслехъ и органехъ*, ибо ничто такъ сильно не возвышаетъ душу, какъ музыка и подобное пѣніе.!

Не только лучшія церкви, но и малыя часовни украшены трудами искуснѣйщихъ художниковъ. Рафаель, Мишель-Анжело, Корреджіо, даже и въ копіяхъ показываются необыкновенными твореніями искуства живописнаго. Разсмотрѣвъ со вниманіемъ копію *Рождества*, гдѣ Корреджіо окружилъ младенца Іисуса неподражаемымъ свѣтомъ, я остановился въ изумленіи при образѣ: *снятія со креста*. Одинъ неизвѣстный копистъ столь удачно списалъ сей образъ съ подлинника, что и самые знатоки не могутъ отличить копіи отъ оригинала. Тѣло Іисуса, какъ человѣка, являетъ истинную смерть. Богоматерь, на колѣняхъ коей положенъ Спаситель, наклонила къ нему свою главу и распростерла въ отраяніи руки; одно сіе положеніе потрясаетъ уже душу. Сильная горесть, изображенная на утомленномъ лицѣ Божіей Матери, изсушила ея слезы, и онѣ отъ чрезмѣрной скорби не текутъ уже болѣе изъ полузакрытыхъ очей ея. „Какъ исполину, говоритъ дю Пати, не возможно дѣлать малые шаги, такъ и Мишель-Анжелу не

возможно было избрать что нибудь посредственное." Воображеніе его представило ему Богоматерь въ тотъ самый моментъ, когда при видѣ язвъ и смерти, покрывающихъ тѣло ея сына, съ стѣсненнымъ сердцемъ вопіетъ она:" увы мнѣ! свѣтъ мой и радость моя во гробъ зайде. Чадо мое и Богъ мой! прорцы слово да спогребуся тебѣ (*). „И здѣсь, на семъ образѣ, лице Божіей Матери изображаетъ еще болѣе, нежели она сказала. Два Ангела, сидящіе у ногъ, рыдаютъ; слезы ихъ катятся крупными жемчужинами, и рыданія сіи, глубокая печаль Богоматери, смерть Спасителя, привлекая взоръ, поражая чувства, извлекаютъ невольно слезы изъ глазъ зрителей. Если бы Мишель-Анжело написалъ одинъ только этотъ образъ: то и тогда имя его дошло бы до позднѣйшаго потомства.

Въ Кармелитскомъ монастырѣ образъ, закрытый занавѣсомъ, возбудилъ мое любопытство. Отдернувъ покровъ, смотрю, удивляюсь и спрашиваю, что это такое? Монахъ, улыбнувшись, отвѣчалъ: святая Женевьева. Хорошо дѣлаете, что закрываете ее, сказалъ я, опуская занавѣсъ. Вольность Италіянскихъ Артистовъ, кажется, уже переходитъ черту пристойности и должнаго уваженія къ изображеніямъ святыхъ. Въ католическихъ церквахъ много такой живописи,

---

(*) Смотри плачъ Богородицы.

отъ которой набожные отвратятъ взоръ; а прочіе съ удовольствіемъ долго и пристально смотрѣть на нее будутъ. Марія Египетская, Богоматерь питающая младенца Іисуса, Св. Тереза и Ангелы, суть копіи Греческихъ Венеръ и Амуровъ. Однако я видѣлъ въ образѣ *Благовѣщенія* красоту и непорочность дѣвы, истинно божественную; въ образѣ же *Успенія*, изображенномъ альфреско въ куполѣ церкви монастыря Св. Цециліи, истинныхъ Ангеловъ. Всѣ они вообще прелестны и между ими есть такіе маленькіе, что большіе подаютъ имъ руку, дабы они могли за ними слѣдовать. Это производитъ пріятное впечатлѣніе. Сожалѣешь, что нѣкоторые, возносясь выше и выше, скрываются уже въ облакахъ.

Въ церкви Св. Франциска образъ *Ангела Хранителя*, безсмертной кисти Рафаеля, показываютъ за рѣдкость. Одежда Ангела, бѣлѣйшая снѣга и свѣтъ, окружающій его, неподражаемъ; взоръ его кажется дышетъ жизнію и во всѣхъ чертахъ его видно божество.

Монахи.

Въ Италіи иностранцы удивляются великому числу монаховъ. Особенно въ Мессинѣ такъ ихъ много, что на улицахъ, въ садахъ и на гуляньяхъ надобно искать между ими свѣтскихъ людей. Причиною такого ихъ множества суть государственныя постановленія.

Поелику воспитаніе дѣтей обоего пола предоставлено духовенству, и такъ какъ воспитанники и воспитанницы носятъ обыкновенно черныя рясы, то число монаховъ и монахинь по наружности отъ того увеличивается. Преимущества духовенства чрезмѣрны. Въ Сициліи судъ и расправа большею частію въ рукахъ Аббатовъ. Богатыя монастырскія помѣстья не платятъ никакихъ повинностей. Монахи не только лично, но даже родственники ихъ, т. е. цѣлыя семейства, избавлены отъ всякихъ податей. Дворянскія фамиліи, не имѣющія въ родѣ своемъ ни одного члена, посвятившаго себя служенію церкви, покупаютъ привиллегію отъ безроднаго монаха. Нѣкоторые приходы и даже частные домы имѣютъ право *салвогардіи*, право, по коему убійца съ дымящеюся еще на рукахъ своихъ кровію, скрывшись въ церковь, или одинъ изъ такихъ домомъ, избѣгаетъ наказанія гражданской власти. Сіи монахи, обладая великимъ богатствомъ, имѣя всѣ средства весьти спокойную и роскошную жизнь, отрекшись отъ свѣта въ юношескихъ лѣтахъ, будучи безбрачны и по обыкновенію приняты во всѣхъ домахъ благосклонно, часто дѣлаютъ величайшія разстройства въ семействахъ, гдѣ они весьма скоро умѣютъ сдѣлать себя необходимыми. Каждый порядочный домъ имѣетъ своего духовника и *Аббата-наставника*, которые входятъ во всѣ домашнія распоряженія: воля главы семейства находится большею

*

частію въ ихъ рукахъ. Щедрыя ихъ подаянія нищимъ, вмѣсто добра, производятъ величайшее зло, умножая до чрезмѣрности классъ сихъ несчастныхъ тунеядцевъ.

Нищіе.

Безобразные получеловѣки--нищіе--бродятъ и ползаютъ здѣсь такими толпами, что сей часъ родится вопросъ: отъ чего такъ ихъ много? Набожность здѣшнихъ Католиковъ, почитающихъ первѣйшею добродѣтелію не отказывать просящему милостыни, сдѣлали нищенство прибыточнымъ ремесломъ. Вообще большая часть народа, по извѣстному въ Италіи выраженію, il Dolce, fare nienté! работаетъ ни больше, ни меньше, сколько надобно, чтобы не умереть съ голода, на что при изобиліи и дешевизнѣ съѣстныхъ припасовъ потребно очень мало; но чтобы не работать и ничего не дѣлать, въ чемъ Италіянская чернь полагаетъ все свое счастіе, нищіе съ намѣреніемъ растравляютъ у себя на тѣлѣ раны, радуются, если сдѣлались онѣ неизлѣчимыми, и въ семъ случаѣ состояніе нищаго несравненно лучше обезпечено, нежели трудолюбиваго поденьщика. Всего непріятнѣе видѣть ихъ на морской набережной, куда лучшее общество передъ вечеромъ выходитъ для прогулки: тутъ открываютъ они застарѣлыя раны, исковерканные члены, снѣдаемые насѣкомыми, покры-

тые грязью и отвратительною нечистотою; жалобными, страдальческими воплями вымучивают они подаяніе. Нижнія жилья больших домов, из человѣколюбія, оставляются для убѣжища сих *лазаронов*; но они ночью, и даже в дурную погоду валяются по улицам и скрываются в портиках и подъѣздах. Один раз, идучи в театр, подал я нищему полталера; бывшій со мною Англинскій Офицер сказал; конечно вы не знаете, что сіи несчастныя существа не имѣют нужды в подаяніи; я могу вас увѣрить, потому что знаю это по опыту. Один нищій казался мнѣ совсѣм умирающим; вынув Испанскій дуплон (52 талера) спросил я у него: если у тебя сдача, так вот тебѣ талер. Казалось прежде едва мог говорить он, а тут твердым голосом просил меня дойти до его жилища, и когда я согласился, то побѣжал впереди меня, хотя за минуту пред тѣм ноги у него были ужасно скорчены. Еще болѣе удивился я, когда этот нищій вынес из своего подземелья четыре довольно больших мѣшечка полных червонцами. Здѣсь есть такіе, которые собирают по десяти тысяч червонных и болѣе: недавно один из них перед смертію отказал своей дочери 10,000 талеров, а 5.000 положил на украшеніе церкви своего прихода."

Плуты.

Здѣсь почти каждый день находят, то

убитыхъ, то убійцъ. Воровство предоставлено черни, а убійства производятся порядочными людьми. Плуты изъ сословія лазароновъ, составляютъ другой классъ нищихъ. Ихъ раздѣлить можно на плутовъ, убійцъ и такъ называемыхъ благоразумныхъ разбойниковъ. Первые, подъ именемъ Бароновъ безъ баронствъ, всегда хорошо одѣты. Въ кофейныхъ и карпежныхъ домахъ, въ театрахъ и вездѣ смѣючись обманываютъ они другъ друга, и если удастся имъ вытащить часы у иностранца, то похваляются этимъ точно такъ какъ бы сдѣлали доброе дѣло. Дерзость ихъ не вѣроятна. Одинъ разъ когда шелъ я къ Министру обѣдать, встрѣтился со мною такой Баронъ верхомъ на прекрасной лошади, сказавъ, что онъ три дни не ѣлъ, просилъ у меня на шоколадъ; я предложилъ ему идти на мою квартиру, гдѣ не только могу накормить его, но надѣюсь сдѣлать ему нѣкоторую помощь; плутъ примѣтивъ, что одна рука была у меня ранена и на перевязкѣ, какъ бы въ знакъ благодарности, сжавъ крѣпко другую, началъ обыскивать мои карманы, вытащилъ талеръ, далъ шпоры и ускакалъ.

Нищій, ожесточенный сердцемъ, еще имѣющій тѣлесную силу, среди дня не успѣвъ украсть потихоньку, часто убиваетъ человѣка, не находя у него въ карманахъ ни копѣйки. Кинжалы сихъ убійцъ служатъ тайному мщенію за весьма умѣренную плату. Отъ нихъ должно очень остерегаться, и потому

даже съ позволенія правительства, многіе носятъ пистолеты и палки съ кинжалами. Здѣшняя чернь почитаетъ воровство проворствомъ; посторонніе, если и видятъ, никогда не мѣшаютъ: это проворство стоило жизни лучшаго изъ матрозовъ нашихъ. Воръ, выдернувъ изъ кармана платокъ, побѣжалъ по улицѣ; другой, стоявшій за угломъ дома, поразилъ матроза кинжаломъ въ сердце. Убійца скрылся въ монастырь, имѣющій право салвогардіи. Полицеймейстеръ ничего не могъ сдѣлать, но по ходатайству Министра нашего, Король приказалъ выдать убійцу; а монахи выпустили его и дали способъ уйти, за что лишены сего права. Эта необыкновенная строгость удивила духовенство, и Гвардія послѣ сраженія съ разбойниками привела всю шайку ихъ и съ Атаманомъ.

Послѣдній классъ, благоразумные разбойники, составляютъ многочисленное сословіе. Разсѣянные по всему острову, они повинуются Атаману; нынѣшній, подъ именемъ Графа, скорымъ и неукоснительнымъ мщеніемъ приводилъ всѣхъ въ трепетъ. Онъ до того распространилъ власть свою, что покупали у него предохранительные билеты, съ которыми въ городѣ, въ дорогѣ и въ замкахъ были уже безопасны. Притѣсненные въ судахъ, доказавъ ему справедливость своего дѣла, также получали удовлетвореніе. Судью убивали на улицѣ или отравляли ядомъ; въ первомъ случаѣ обыкновенно прикалывали къ кафтану его за-

писку, за что онъ убитъ, и большею частію Лаконическимъ словомъ: *за взятки!* словомъ, излишняя власть дворянства, ненаказанность ихъ преступленій, медленность и трудность правосудія, воздерживалась карательнымъ кинжаломъ его Атамана. Правительство, слишкомъ слабое и кроткое, кажется, не имѣетъ уже ни силы, ни воли истребить столь глубоко вкоренившееся зло. Хотя во всѣхъ округахъ содержится достаточное число *Сбировъ*, такъ называемыхъ полицейскихъ сыщиковъ; но объ нихъ только три слова: они богаты, толсты и лѣнивы.

Сады.

Фло́ра, публичный садъ, составляетъ наилучшее украшеніе Палермы; двумя проспектами раздѣляется онъ на четыре куртины. Одна представляетъ нѣсколько островов съ бесѣдками, и разныхъ видовъ Китайскими мостиками. Другая, Англинской садъ, гдѣ дубы, кипарисы, платаны сочетаны съ плодовитыми деревьями и благоухающими кустами розъ, лаванды, лилей и ясминовъ. Третія, насаждена рѣдкими деревьями другихъ частей свѣта. Послѣдняя куртина еще не кончена, она назначена для развалинъ. Восемь проспектовъ выходятъ изъ центра и въ концѣ ихъ видны́ бѣседки или какое либо иное зданіе; по сторонамъ оныхъ крытыя померанцовыя аллеи, множество цитронныхъ и апельсинныхъ деревъ, вмѣстѣ съ душистыми цвѣтами, наполняютъ воздухъ благовоніемъ. Въ центрѣ

сада, на осьмиугольной площади, обставленной клетками пѣвчихъ птицъ, и прекраснѣйшими статуями, стоитъ прекрасный фонтанъ, въ мраморномъ бассейнѣ коего плаваютъ золотыя рыбки. Другой фонтанъ, въ концѣ аллеи представляетъ *Панорму* (древнее названіе Палермы) въ видѣ коронованной женщины, у которой внизу орелъ (гербъ Сициліи) и эмблема вѣрности въ подножіи; древняя превосходной работы группа.

Въ день рожденія Королевы, садъ и городъ былъ иллюминованъ. Померанцовые проспекты являли взору темнозеленаго цвѣта стѣну, усыпанную блестящими звѣздочками, между коими чрезъ нѣкоторыя разстоянія поставлены были пирамиды, горящія бѣлымъ огнемъ. Крытыя аллеи, увѣшанныя разноцвѣтными фонарями, изображали какъ на декораціи перспективу аркадъ. Фонтаны въ чистыхъ хрусталяхъ дробили розовые, синіе и фіолетовые огни. Вдали духовая музыка, вблизи грустная гармоника, и дамы въ бѣлыхъ одеждахъ, какъ тѣни гуляющія въ Елисейскихъ поляхъ, представляли прелестное разнообразіе, и Флора была въ такомъ видѣ и убранствѣ, въ какомъ Стихотворцы описали намъ волшебные сады. На набережной многолюдство кипѣло подобно волнамъ моря. Кареты, фаэтоны кружились, и едва могли двигаться смѣшавшись съ народною толпою, домы на набережной горѣли соединеннымъ огнемъ. Прекрасная Толедо украшена была прозрачными картинами. Палерма, объ-

ятая пламенемъ, казалось погибала. На каждомъ шагу, взоръ останавливался; но зритель отъ тѣсноты волею и неволею долженъ былъ идти впередъ. Галантерейныя лавки, модные магазейны и кофейные домы, находящіеся въ нижнихъ этажахъ, столь разнообразно освѣщены были, что Толедо являлась въ блистательнѣйшемъ своемъ видѣ. Лампы, граненныхъ хрусталей люстры, зеркальные подсвѣчники, шары съ водою, бросали свѣтъ свой на бронзы, серебро, искусно развѣшенныя ткани, и вмѣстѣ съ разноцвѣтными фонарями, помѣщенными на сводахъ воротъ и на колоннахъ крылецъ и подъѣздовъ, дробя, преломляя, отбрасывая множество лучей, распространяли блескъ, и представляли милліоны свѣтилъ, какъ бы силою чародѣйства сведенныхъ сюда съ небеснаго свода.

Королевскій Ботаническій садъ, находящійся сзади Флоры, не обширенъ; но всѣ лѣкарственныя произведенія четырехъ частей свѣта въ немъ помѣщаются.

Палерма славится садами, она окружена ими, ни одна столица не можетъ похвалиться лучшими; принадлежащіе вельможамъ не уступаютъ въ великолѣпіи царскимъ. Они всѣ регулярны, подстрижены, наполнены статуями, водометами, и вообще представляютъ болѣе блистательности, нежели пріятности. Домъ Дюка де Бельмонте, занимающій дикіе утесы при подошвѣ горы Пеллегрино у моря, скоро садомъ своимъ, разводимымъ въ Ан-

глинскомъ вкусѣ, лишитъ славы прочіе чрезмѣру правильные сады.

Бегарія.

Бегарія, славная своими садами, отстоитъ отъ Палермы въ 12 верстахъ и занимаетъ всю длину мыса Собрано, образующаго къ востоку Палермскій заливъ. Сіе-то мѣсто богатѣйшіе дворяне, какъ бы по общему плану, украсили чуднымъ смѣшеніемъ палатъ, древнихъ за́мковъ, тріумфальныхъ воротъ, мавзолеевъ, бесѣдокъ и домиковъ всѣхъ родовъ архитектуры. Въ счастливомъ климатѣ, подъ яснымъ небомъ, сады Бегаріи всегда покрыты зеленью, цвѣтами и плодами. Прекрасная природа, раскрытая рукою вкуса и искуства, представляется здѣсь въ полномъ великолѣпіи.

Монастырь молчанія, которой прежде всего показываютъ, заслуживаетъ особенное вниманіе. Онъ обнесенъ стѣною съ четырьмя по угламъ башнями. Стукнули кольцомъ, является привратникъ съ тяжелою связкою ключей и молча отпираетъ. Ворота скрыпнули, и мы пройдя дворъ, взошли на крыльцо къ кельямъ. Въ корридорѣ, босый монахъ, въ ветхой рясѣ, подпоясанный волосянымъ поясомъ, взявшись за веревку колокола въ намѣреніи звонить, при появленіи нашемъ остановился и обратя къ намъ голову, смотритъ съ любопытствомъ. На поворотѣ, въ другомъ концѣ

коррідора, служка въ свѣтской одеждѣ подметаетъ полъ; но когда насъ увидѣлъ, поднимаетъ голову, опирается на щетку, и, кажется, удивляется нашему одѣянію. Отворяютъ первую келью. Молодой монахъ, сидя за столомъ съ рюмкою вина и съ веселою улыбкою, кажется, подчиваетъ и подноситъ. Хочу взять рюмку, но рука его не разжимается: она холодна какъ ледъ—очарованіе исчезаетъ, и я вижу предъ собою восковой истуканъ. Разрѣзанный апельсинъ, гранаты и финики возбуждаютъ аппетитъ: беру, и чувствую въ рукѣ одинъ только воскъ. Во второй кельѣ старый монахъ лежа читаетъ. При входѣ нашемъ онъ тихо отводитъ книгу отъ глазъ и усиливается подняться; но какъ при семъ его движеніи не возможно, что бы не сказать ему: *не безпокойтесь*, то онъ и остается въ томъ же положеніи. Въ третей, *Елоиза*, въ глубокомъ и сладкомъ размышленіи, съ перомъ въ рукѣ, сидитъ за письменнымъ столикомъ. Сіе положеніе и прелестныя умильныя черты лица, изображаютъ нещастную ея страсть. Въ четвертой кельѣ *умирающій Абелардъ*. Блѣдность лица и томный взоръ показываютъ человѣка, уже ступившаго одною ногою во гробъ. Бѣдственная любовь его, кажется, еще не угасла. Правая рука его приложена къ сердцу. Монахъ, стоящій на колѣнахъ съ распятіемъ предъ постелью Абеларда, читаетъ ему съ набожнымъ видомъ отходную. Сіи восковыя ста-

туи столь превосходно отработаны, что не льзя не ошибиться и не принять ихъ за живыхъ. Механизмъ, который приводилъ ихъ въ движеніе и тѣмъ дѣлалъ обманъ совершеннѣе, къ сожалѣнію, большею частію испортился.

Домъ *Княгиня Паторне*, величественной наружности. Въ немъ есть хорошія и даже рѣдкія картины. Въ первой залѣ собраны портреты Государей, покровительствовавшихъ наукамъ и художествамъ. Пробѣгая ихъ глазами, взоръ мой остановился на лицѣ величайшаго изъ Царей. Вотъ нашъ ПЕТРЪ! невольно воскликнулъ я, и всѣ Руские, сколько насъ тутъ было, подошли къ портрету, устремили на него благодарные взоры, и ничего, кромѣ лица Его, не видали въ этой залѣ. Въ другой, три картины во всю длину и высоту стѣнъ, представляютъ сраженія при *Граникѣ, Иссѣ* и *Арбеллахѣ*. Нѣсколько фигуръ въ настоящій ростъ изумляютъ своею живостію. Александра Великаго можно узнать по легкому шишаку; лошадь его имѣетъ жизнь; она скачетъ, хвостъ и грива летятъ въ воздухѣ. Не льзя смотрѣть безъ содроганія какъ Скиѳская конница врубается въ Греческіе ряды, и какъ Македонская фаланга опрокидываетъ Персидскую пѣхоту. Ужасное кровопролитіе изображено съ удивительною точностію. Потребно нѣсколько дней, чтобы разсмотрѣть всѣ картины со вниманіемъ. Я упомяну только о самыхъ лучшихъ. 1. *Венера* и

Марсъ представлены въ то время, когда *Вулканъ* намѣревается покрыть ихъ сѣткою. Не возможно постигнуть какими красками живописецъ изобразилъ прелести богини любви. Алыя уста ея, кажется, дышутъ розами. Смѣсь стыдливости и страсти видны во всѣхъ чертахъ лица ея; она слабо отталкиваетъ отъ себя рукою Марса. Марсъ, прекраснѣйшій мужчина, стоитъ передъ Венерою на одномъ колѣнѣ, и наклонившись. Шлемъ, сброшенный въ торопяхъ, еще катится по травѣ. Не льзя не позавидовать этому счастливому богу. Амуръ, прислонившись къ дереву и слегка опершись правою рукою на колѣно, съ хитрою улыбкою указываетъ пальчикомъ лѣвой руки на уголъ картины, и въ тѣни показывается голова ревниваго *Вулкана*. Стоишь и ожидаешь, чѣмъ кончится такая неприятная встрѣча. 2. *Армида* подъ тѣнію деревъ покоится съ *Ринальдомъ*. Картина небольшая, но прекрасная. Въ жаркой день пожелаешь быть въ этой прекрасной рощѣ и на берегу этаго ручья. 3. *Спящая красавица*, неосторожно раскрывшаяся, всегда будетъ привлекать взоры, а можетъ быть и руки зрителей. 4. Въ *Вернетовой* картинѣ море волнуется, тучи бѣгутъ; но безобразные его корабли почти неподвижны. 5. *Виргилій* напрягаетъ послѣднія силы души и пишетъ себѣ эпитафію. 6. *Взятіе Мессины*, большая картина. Буря, утопающіе и горящіе корабли представлены столь естественно, что кажется

самъ находиться въ опасности. 7. *Мазаньелло*, простый рыбакъ, предводитель недовольныхъ, въ красномъ колпакѣ своемъ, отличается отъ прочихъ бунтовщиковъ. Изступленіе въ его глазахъ и кинжалъ въ рукѣ показываютъ чего ожидать отъ него должно.

По близости дома Княгини Паторне увидѣли мы принадлежащее *Князю Палагонію* чудное зданіе или лучше за́мокъ, окруженный невысокими стѣнами, на коихъ поставлены уродливыя статуи; не возможно пройти мимо ихъ и не разсмѣяться. Лошадь съ бычачьею головою, оселъ съ головою Индѣйскаго пѣтуха, Арлекинъ, Квакеръ и Французъ въ модной одеждѣ; Царь Мидасъ съ ослиными ушами; и наконецъ человѣческая фигура съ волчьимъ рыломъ, въ мундирѣ и въ треугольной шляпѣ, столь похожая (*), что не льзя ошибиться чье это изображеніе. Ворота за́мка сего и площадка предъ домомъ уставлены уродливыми изображеніями всякихъ животныхъ, какихъ нѣтъ въ природѣ. Парадная лѣстница прекраснѣйшаго Сицилійскаго мрамора, ведущая въ домъ, украшена фамильными бюстами. Въ первой комнатѣ потолокъ составленъ изъ четырехъ большихъ зеркалъ, соединенныхъ

(*) На того волка, который лютостію своею и смѣлымъ хищничествомъ наводилъ тогда многимъ народамъ страхъ и ужасъ, а теперь пойманъ и лишенъ средствъ вредить.

углами, шакъ что когда войдутъ пять человѣкъ, то вверху показывается ихъ двашцать. Всѣ двери дома выложены битыми зеркалами, перемѣшенными съ хрусталемъ; всѣ стекла разноцвѣтныя: синія, зеленыя, красныя, желтыя и фіолетовыя. Другая комната украшена Китайскаго фарфора колоннами; нѣкоторыя изъ нихъ составлены изъ разбитыхъ чайниковъ, кофейниковъ, чашекъ и даже горшковъ. Мраморные столы распещрены стекломъ, черепахою, перламутомъ и даже дорогими каменьями. Весь домъ наполненъ пресмыкающимися, демонами, уродливыми куклами, изъ фарфора и разныхъ цвѣтовъ мраморовъ сдѣланными. Словомъ, волшебный сей зáмокъ представляетъ не только Овидіевы превращенія и любовныя приключенія языческихъ боговъ, но чудныя мечты разстроеннаго воображенія и наконецъ одну изъ нихъ самую нелѣпую: большая голова на тощемъ туловищѣ, верхомъ на крокодилѣ, плыветъ чрезъ проливъ къ острову, и тащитъ за собою на веревкахъ флотилію уродливыхъ лодокъ! Но что меня болѣе всего удивило, то это церковь сего чудака хозяина. Первый предметъ, который изумитъ вошедшаго въ оную, есть представленіе ада, гдѣ изуродованные болваны валяются, жарятся на огнѣ или повѣшены за ребра. Въ раю Св. Розарія представляетъ главную фигуру, по сторонамъ ея Христосъ и Богородица, а выше полуангелы и полудемоны. Посреди церкви поставлены четыре крылатыхъ животныхъ, озна-

чающихъ какъ мнѣ сказывали четырехъ Эвангелистовъ. На плафонѣ, къ деревянному Распятію, повѣшенъ на веревкѣ Св. Францискъ, а къ ногамъ Святаго поддѣлано паникадило. Не понятно, какъ такія вольности, особенно между Католиками, терпитъ правительство.

Оставя домъ странностей, садъ, въ которой мы вошли, начинается виноградною крытою аллеею, гдѣ по бюстамъ можно познакомиться съ знаменитыми Греками, Римлянами, Папами и Королями. Обширный садъ сей представляетъ чудную роскошь, великолѣпіе и порядокъ. Вездѣ аллеи идутъ прямыми линіями. Бесѣдки, сдѣланныя изъ кипарисныхъ деревъ, лѣтніе домики, искуственныя развалины, гроты и подземелья, всѣ стоятъ въ симметріи. Узорчатые цвѣтники съ фонтанами, шары, конусы, пирамиды изъ обстриженныхъ деревъ утомляютъ взоръ. Цѣлыя шпалерныя аллеи вырѣзаны гирляндою. Единообразіе и неестественный видъ предметовъ дѣлаютъ то, что въ регулярномъ саду, сколь бы онъ великъ ни былъ, стóитъ только взглянуть на одну сторону и все увидишь; стóитъ сдѣлать нѣсколько шаговъ и не зачѣмъ идти далѣе. Въ такомъ саду не льзя наслаждаться удовольствіемъ прогулки; ибо утонченное искуство, обезображивающее природу, не можетъ поражать воображенія, когда на всякомъ шагу видишь одинъ великой и безполезной трудъ.

Ворота, которыхъ сводъ началъ уже разрушаться, обращаютъ на себя вниманіе своею древностію. Два изъ чернаго мрамора льва лежатъ по обѣимъ сторонамъ воротъ, и изъ отверстыхъ ихъ пастей обширнымъ жерломъ течетъ вода. Чрезъ сіи ворота входимъ мы въ Англинскій садъ. Множество дорожекъ, усыпанныхъ пескомъ и пробитыхъ на травѣ, сцѣпляясь и пересѣкаясь во всѣхъ направленіяхъ, идутъ по долинамъ и холмамъ. Плодовитыя деревья, до которыхъ не прикасались ножницы, въ смѣшеніи съ дубами и тополями, представляли для насъ, жителей сѣвера, такое зрѣлище, что мы почитали себя перенесенными въ страну очарованія. Лимонныя и апельсинныя деревья наполняютъ воздухъ своимъ ароматомъ; фиговыя и миндальныя обременены плодомъ. Перешедъ ручеекъ, едва текущій по песку, увидѣли мы шумящій ключъ, который бьетъ съ стремленіемъ изъ подъ корня утлаго пня. Въ этомъ саду, кажется, нѣтъ ничего поддѣльнаго; природа, въ полномъ своемъ величествѣ, щедрою рукою предлагаетъ дары свои, и душа, теряясь въ наслажденіяхъ, встрѣчаетъ каждый предметъ съ новымъ удовольствіемъ. Тутъ на каждомъ шагу думаешь остановиться и все идешь далѣе.

Взошедъ на горку, покрытую дубами, кедрами и орѣшникомъ, увидѣли мы овощникъ, а за нимъ прямой померанцовой проспектъ, въ концѣ котораго, какъ въ волшебномъ фо-

нарѣ, показывается маленькой съ зеленою крышею домикъ. Мы спустились съ горы и пробѣжали проспектъ. Домикъ свѣтлой, чистой, стои́тъ на площадкѣ, испещренной цвѣтами. Предъ скромнымъ его фасадомъ фонтанъ бьетъ воду въ видѣ снопа. Нѣсколько проспектовъ отъ домика, какъ отъ центра, ведутъ въ разныя стороны. Мы избрали ясминную аллею и пришли къ марморному бассейну. Четыре обнаженныя *Нимфы*, замѣтивъ Сатира, выглядывающаго на нихъ изъ за розоваго куста, погружаются въ воду; но въ робкомъ замѣшательствѣ, становясь одна за одну и какъ бы чувствуя, что прозрачная вода не можетъ скрыть ихъ, обращаются къ Сатиру спиною и тѣмъ еще болѣе ракрываются съ переди. Это прелестное замѣшательство изображено такъ хорошо, что кажется самый марморъ краснѣетъ. Въ другомъ бассейнѣ прекрасная *Вакханка* подаетъ въ раковинѣ пить чудовищу. Весь этотъ садъ наполненъ фонтанами, въ которыхъ не игра воды, но прекраснѣйшія статуи обращаютъ на себя вниманіе. Тутъ цѣлая Миѳологія Боговъ и Богинь; отъ множества ихъ и во́ды и лѣса́ кажутся одушевленными. Тамъ Тритоны, Сирены и Наяды плещутся въ кристаллахъ; тутъ Панъ, Нимфы и Амуры покоятся въ тѣни или играютъ на муравѣ. Нѣкоторые изъ нихъ сдѣлали бы честь и Греческому рѣзцу. Я упомяну о тѣхъ только, кои болѣе мнѣ понравились. 1. *Дафна*, преслѣдуемая *Аполономъ*, бѣжитъ

между лавровыхъ и миртовыхъ кустовъ, цѣпляется и падаетъ. Аполлонъ спѣшитъ и скоро ее на стигнетъ. Бѣдная Дафна! по страху, изображенному на лицѣ твоемъ, вижу, что еслибы ты была живая, то лучше бы выбрала эту битую дорожку, а не бросилась бы въ кусты, которые изорвали твое платье и такъ немилосердо исцарапали ноги. 2. *Дѣвушка*, въ короткомъ и легкомъ платьѣ, танцуя съ бубномъ къ рукахъ, остановилась въ самомъ лучшемъ положеніи. Марморъ этотъ кажется прозрачнымъ. Складки платья и покрывала такъ хорошо опускаются, что, раскрывая всю стройность стана, показываютъ и всю гибкость тѣла. 3. *Леда* и *лебедь*. Работа, искуство чрезвычайное! взглянувъ на Леду, захочешь обратиться въ лебедя.

По шуму воды пришли мы къ прекрасному водопаду. Онъ пущенъ съ дикой скалы, на которой видны изрѣдка кривыя деревья. Низвергаясь съ ужаснымъ стремленіемъ, раздробляется онъ въ брызги, кипитъ, несется одною пѣною; но протекая далѣе, катится съ тихимъ журчаніемъ. Пробираясь по берегу сего ручья, на каждомъ шагу встрѣчали мы новые предметы. Тутъ полузасохшая маслина стояла надъ вросшими въ землю развалинами; тамъ *Нептунъ* плылъ въ своей раковинѣ, а тамъ на холмѣ густая тумба деревъ осѣняла гробницу; плачущій Геній осыпалъ ее цвѣтами.

Уже солнце зашло, и мы, не осмотрѣвъ и трети садовъ, принуждены были оставить прогулку. Возвращаясь къ коляскамъ, прошли сахарную плантацію и поле хлопчатой бумаги; перебрались чрезъ Китайской мостикъ, которой соединяетъ двѣ искуственныя горки одною аркою, и наконецъ взглянули на храмъ славы, стоящій на обрывистой скалѣ мыса Собрано, у подошвы коего шумитъ море.

Плаваніе отъ Палермы до Мальты.

6-го Ноября, не безъ сожалѣнія оставили мы столицу, гдѣ богатство, роскошь, праздностьлюбіе и нищета, представляются въ странной совокупности. Вѣтры перемѣнные и тихіе благопріятствовали нашему плаванію. 7-го къ вечеру, мы находились въ проливѣ между Егатскими островами и Сициліею. Островъ Маритимо съ зáмкомъ, куда ссылаются преступники, напоминаетъ о казняхъ ужаснѣйшихъ, о мученіяхъ лютѣйшихъ. Одни, какъ увѣрялъ нашъ лоцманъ Неаполитанецъ, осуждены сидѣть на бревнѣ и надъ водою, другіе опускаются въ подземелье; иные, опредѣленные къ голодной смерти, закладываются живые въ стѣну; отцеубійцы бросаются въ море на растерзаніе Акуламъ. Чадъ Французской революціи, заразившій Неаполитанцевъ, наполнилъ зáмокъ Маритимо цѣлыми семействами Якобинцевъ, изъ коихъ большая часть погибла,

и не многіе, по возстановленіи порядка, возвратились въ свѣтъ. Мученіе пытки, четвертованіе, колесованіе, растерзаніе на хвостѣ лошади, не уменьшали преступленій. Приговоры Уголовнаго Суда Неаполитанскаго Королевства представляютъ злодѣянія неимовѣрныя. Одна Палермитанка, извѣстная подъ именемъ *Адской вѣдьмы*, изъ бѣлилъ извлекала ядъ, не оставляющій на тѣлѣ никакихъ признаковъ. Она торговала онымъ въ продолженіи 40 лѣтъ, наконецъ открылось ея злодѣяніе. Жена, желая отравить мужа, положила ядъ въ макарони, поставила ихъ на столъ, и сказавъ, что она уже отобѣдала, пошла въ другую комнату. Оставшись наединѣ ужаснулась она преступленія и хотѣла предупредить оное; но вбѣжавъ въ залу, увидѣла, что единственный сынъ ея, 10 лѣтнее дитя, съѣлъ уже половину тарелки, она схватываетъ ребенка, падаетъ на полъ безъ чувствъ, открываетъ глаза и видитъ сына, въ мучительныхъ конвульсіяхъ, испустившаго духъ на рукахъ ея. Нещастная мать признаетъ свое злодѣяніе и требуетъ смерти. Старуха, давшая ей ядъ, въ судѣ подала списокъ 5,000 человѣкъ, такимъ образомъ отравленныхъ ею.

Городъ Трапани, гдѣ Еней лишился отца своего Анхиза, стоитъ на низкомъ мысѣ, за нимъ Марсала и Мацара, окруженные зелеными горами, и моремъ, изобилующимъ кораллами и жемчугомъ, представляютъ взору пріятные виды, гдѣ рѣдкое изобиліе земли соединено съ

чуднымъ богатствомъ моря. 9-го Ноября крѣпкой отъ юго-востока вѣтръ принудилъ насъ лавировать, и быть въ осторожности отъ весьма опасныхъ подводныхъ камней, *Скверессъ* называемыхъ, лежащихъ посреди моря между Сициліею и Африкою и невѣрно положенныхъ на карту. На камняхъ сихъ 11 футъ глубины, по чему въ тихую погоду малыя суда проходятъ чрезъ нихъ безъ вреда. 11-го Западный горизонтъ покрылся тучами, облака обратились къ намъ, два сильныхъ вѣтра сражались; во ожиданіи, чѣмъ оное кончится, мы убавили парусовъ; скоро попутный съ дождемъ и громомъ вѣтръ превозмогъ, и обратился въ бурю. Какъ мы уже были близко Мальты, то на ночь легли въ дрейфъ. На разсвѣтѣ же 12-го Ноября, когда не имѣли надежды войти въ гавань, вѣтръ утихъ и мы подъ всѣми парусами прибыли въ Мальту. Лишь бросили якорь и привязались канатомъ къ стѣнамъ Валетты, вѣтръ съ прежнею жестокостію началъ дуть. Если-бъ мы не успѣли войти въ портъ, то принуждены были бы на морѣ выдержать бурю, продолжавшуюся двое сутки.

Мальта.

Портъ и укрѣпленія.

Мальтійскій портъ состоитъ изъ двухъ заливовъ: первый, на востокъ отъ города Валетты, раздѣляется на многія малыя бухты,

гдѣ на глубинѣ отъ 6 до 12 саженъ, корабли стоятъ безопасно отъ всѣхъ вѣтровъ, кромѣ однакожъ тѣхъ, кои стоятъ у Валетты, ибо тутъ сѣверный вѣтръ разводитъ большое волненіе, а отъ запада бываютъ жестокіе порывы; другой заливъ, на западъ отъ города, называемый *Марца-музетто*, имѣетъ посреди островъ съ крѣпостію Мануель, служащею для очищенія товаровъ, пришедшихъ изъ зараженныхъ мѣстъ. Въ семъ заливѣ корабли совершенно отдѣльно отъ прочихъ выдерживаютъ карантинъ. При входѣ въ Мальту, должно придерживаться правой стороны, ибо у лѣваго мыса есть небольшой каменной рифъ. Ширина входа не болѣе 125 саженъ.

Мальта почитается одною изъ сильнѣйшихъ крѣпостей въ свѣтѣ. Она состоитъ изъ слѣдующихъ 9 крѣпостей, окружающихъ заливъ: 1. *Валетта,* названа по имени Магистра Жана ла Валеттъ, построившаго ее въ 1566 году; 2. Крѣпость *Санто-Ельмо* на оконечности полуострова, гдѣ стоитъ городъ Валетта, защищаетъ входъ въ гавань. 3. *Флоріана*, на томъ же полуостровѣ сзади города. 4. *Виттоpioза*, то есть побѣдоносная, названа такъ въ ознаменованіе упорной битвы противу Турокъ; прежде называлась Борго. 5. Цитадель *Санто Анжело*, защищаетъ входъ въ портъ трехъ ярусною батареею. 6. Крѣпость *Санъ Маргаретъ.* 7. Городъ *Сингльа.* 8. Крѣпость *Котонера* стѣнами своими ограждаетъ съ сухаго пути послѣднія пять крѣпо-

стей. 9. Крѣпость *Риказоли*, лежитъ по лѣвую сторону при входѣ въ гавань, по другуюже сторону построены сильныя батареи. Стѣны тесанаго камня, и всѣ укрѣпленія въ наилучшей исправности. При входѣ въ гавань видъ такаго множества крѣпостей удивитъ каждаго; но судя по обширности едва-ли 40,000 гарнизона будетъ достаточно для защищенія оныхъ, и потому всѣ сіи башни и бастіоны кажется почти безполезны, и весь островъ не стóитъ издержекъ, потребныхъ для содержанія гарнизона и починокъ стѣнъ и другихъ зданій. Магистръ Виньякуръ провелъ воду отъ Читта Веккіа. Славный сей водопроводъ существуетъ съ 1616 года. Мальта непреодолима; ее покорить можно только тому, кто возметъ Лондонъ. Безъ сильнаго флота и осадить ее не возможно. По выгодному своему положенію, въ рукахъ Англичанъ Мальта сдѣлалась средоточіемъ торговли Средиземнаго моря. Имѣя въ ней безопасное пристанище, Англинскій флотъ, отрядивъ эскадры въ Мессинской проливъ и къ острову Фавоньяно, пресѣкаетъ сообщеніе Французскихъ и Испанскихъ портовъ съ Левантомъ. Въ Валеттѣ, для сохраненія хлѣба въ зернѣ, сдѣланы въ горѣ, состоящей изъ мягкаго камня, обширные подземные магазейны, въ которыхъ чрезъ посредство трубъ, выведенныхъ на поверхность, нѣтъ никакой сырости. Правительство скупаетъ весь хлѣбъ, идущій изъ

Сициліи и Россія, и уже на неутральныхъ судахъ отпускаетъ въ Италію

Валетта.

Городъ Валетта, или какъ обыкновенно называютъ его Мальта, имѣетъ отличной видъ отъ всѣхъ, какіе видѣлъ я доселѣ. Въ немъ нѣтъ улицъ, кромѣ только одной съ площадью находящеюся на хребтѣ горы, прочія суть лѣстницы, по крутому скату высѣченныя изъ камня. Домы высоки безъ крышъ и вообще старой Италіанской Архитектуры; окна всѣ съ балконами, и деревянными рѣшетками, выкрашенными красною краскою. Стѣны кладутся здѣсь очень толсто; ибо камень такъ мягокъ, что его топорами вырубаютъ изъ горы и оный уже послѣ на воздухѣ твердѣетъ. Лавки наполнены колоніальными товарами и городъ такъ чистъ, что легко догадаться можно, что тутъ владычествуютъ Англичане.

Лишь положили мы якорь, Капитанъ надъ портомъ съ Адъютантомъ Генерала Балла, поздравили насъ съ прибытіемъ, послѣдній отъ имени своего Генерала и Коменданта Мальты пригласилъ Капитана съ Офицерами къ обѣду. Хотя мнѣ и очень не хотѣлось, однакожъ долженъ былъ пудриться, надѣвать башмаки и ѣхать терпѣть скучную принужденность. Сверхъ чаянія не долго сидѣли мы за столомъ, но это было только для того, чтобъ

вывесть дамъ въ другую залу, кавалеры возвратились, слуги вышли и начали пить. Естли Англичане исключаютъ изъ общества своего дамъ, когда не желаютъ быть трезвыми, то конечно избавляютъ они ихъ самаго непріятнаго препровожденія времени. Вставши изъ за стола, дамы занимали особыя комнаты, куда кавалеры входили только по позыву. Меня ввели туда, представили Миледи Еліотъ, которая хотѣла, чтобъ я съ дочерью ея поговорилъ по Руски. Я обратился къ ней, взглянулъ, смѣшался, и позабылъ по Руски. Миссъ Еліотъ покраснѣла, и подымая и опуская глаза, кажется хотѣла сказать: „пожалуйте начинайте говорить.“ Наконецъ нѣсколько словъ, довольно хорошо произнесенныхъ ею, удовлетворили мать и прочихъ. Разговоръ прервался приглашеніемъ въ театръ. Дамы встали, оставили рукодѣлія, которыми онѣ занимались, и отправились въ театръ, который малъ для здѣшней публики, но очень чистъ для Италіи, музыка превосходна, балетъ прекрасный. Буфъ, настоящій шутъ, актрисы и танцовщицы, не искуствомъ, а красотою заставляли рукоплескать партеръ.

Первое, что мы пошли на другой день осматривать, была церковь Святаго Іоанна Іерусалимскаго. Наружность ея готическая и ничего не имѣетъ привлекательнаго, внутренность же оной такова, что не льзя не отдать

справедливости искуству зодчаго и вкусу богатыхъ украшеній. Мозаическій полъ достоинъ особливаго вниманія и почитается богатѣйшимъ въ свѣтѣ. Оный представляетъ надгробные камни съ надписями и изображеніями подвиговъ кавалеровъ, умершихъ въ Мальтѣ. Драгоцѣнный порфиръ, мраморъ, ляписъ-лазури, агатъ, яшма и другіе не малой цѣны каменья, входятъ въ составъ мозаики, которой работа конечно стоила великихъ суммъ. На одномъ представлено морское сраженіе, на другомъ переломленная пирамида, на иныхъ гербы и трофеи, словомъ, всю различность мозаиковъ, коихъ число простирается до двухъ тысячь, трудно выразить. По сторонамъ церкви восемь алтарей украшены памятниками Гроссъ-Мейстеровъ, наиболѣе оказавшихъ услугъ ордену. Замѣтимъ лучшіе изъ нихъ: въ предѣлѣ Св. Георгія два Арапа поддерживаютъ бѣлаго мрамора гробницу, на которой поставленъ бюстъ, не помню какого Магистра; чистота мрамора, форма сего монумента и работа во всѣхъ отношеніяхъ превосходны. Въ придѣлѣ Св. Екатерины мозаическій портретъ другаго Гроссъ-Мейстера ни какъ не льзя отличить отъ живописнаго, цвѣты камней и тѣни подобраны весьма искусно. Изъ церкви спустились мы въ подземелье, гдѣ покоятся кости Гроссъ-Мейстеровъ, отличившихся мирными подвигами. Небольшая зала получаетъ свѣтъ съ верху, по обѣ стороны оной стоятъ гробницы. На кры-

юнѣ первой высѣчена изъ того же куска мрамора статуя въ монашеской одеждѣ. Оный памятникъ поставленъ Филиппу Лислей Адаму (Philip Lislei Adam), основателю братства кавалеровъ Іоанна Іерусалимскаго. Гробница Жана де Валетта вылита изъ мѣди. Онъ представленъ въ Рыцарской одеждѣ съ сложенными на крестъ руками, которыя трясутся, естли къ онымъ коснешься. Жанъ де Кагьера (Juan di Cachiera) въ кардинальской одеждѣ сдѣланъ изъ глины и также на крышкѣ гроба. Первый, какъ извѣстно, основалъ городъ, а послѣдній построилъ сію церковъ; другимъ Гроссъ-Мейстерамъ поставлены бюсты съ надписями. Изъ подземелья привели насъ въ настоящую церковъ Іоанна Іерусалимскаго. Оная состоитъ изъ зала съ окнами вверху. Большія картины, представляющія отличныя дѣянія кавалеровъ, украшаютъ стѣны оной; лучшій изъ образовъ мнѣ показался усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи. Звѣрство Іезавели и ужасъ служанки, держащей блюдо съ отсѣченною главою, изображены съ отмѣннымъ искуствомъ. Богатѣйшій изъ всѣхъ придѣлъ Магдалины украшенъ серебреною литою рѣшеткою выше человѣческаго роста и огромнымъ паникадиломъ; другіе же три золотые и всѣ утвари изъ сего металла и серебра, *набожными* Французами отправлены во Францію. Сей великой народъ повсюду оставляетъ по себѣ подобную память. Въ семъ же придѣлѣ показываютъ образа Греческой живописи

весьма плохой работы, все ихъ достоинство въ томъ, что они рисованы тому 500 или 500 лѣтъ.

Къ вечеру пошли мы за городъ въ садъ, вновь разводимый; онъ не великъ, состоитъ изъ двухъ аллей, трехъ бесѣдокъ и кажется назначенъ только для цвѣтовъ. Сильный вѣтръ и тучи понудили насъ поспѣшить возвращеніемъ. Едва вошли въ улицу, пошелъ проливной дождь, вода стремилась внизъ съ чрезвычайнымъ шумомъ и несла опрокинутыя на рынкѣ скамейки, лотки, зелень и плоды. Мы вошли въ Англинской трактиръ, развели въ каминѣ огонь, спросили кофе и трубки и смѣялись приключенію товарища, на скользскомъ тротуарѣ споткнувшагося и упавшаго въ воду. Отворяются двери и съ такимъ же смѣхомъ входятъ нѣсколько Англинскихъ морскихъ Офицеровъ. У одностихійныхъ знакомство дѣлается въ одну минуту. Мы предложили имъ обсушиться, подали чай, разговоръ начался, подали пуншъ и оный не прерывался. Вѣтръ шумѣлъ, дождь билъ въ окна и мы, положивъ провести время вмѣстѣ, не безъ спора согласились издержки заплатить каждому за себя. Одни пошли въ театръ, другіе остались приготовить хорошій ужинъ. Театръ кончился, трактиръ наполнился посѣтителями, товарищи наши собрались и мы пошли въ залу, гдѣ особенно для насъ накрытъ былъ столъ, и къ удивленію нашли его занятымъ. Театральной Царь, въ коронѣ и мантіи, Діана

съ Нимфами, громко повелѣвали слугѣ подавать кушанье. Хозяинъ вошелъ и объявилъ имъ, что столъ не для нихъ, актеры встали извиняясь, намъ вздумалось пригласить ихъ. Ловкость и изученныя выраженія актеровъ, скоро умѣли оживить разговоръ. Скромность актрисъ, скоро обратилась въ непринужденную веселость. Раздалась музыка, чѣмъ содержатель театра желалъ заплатить учтивость за учтивство и сдѣлать намъ пріятную нечаянность. Послѣ ужина актеры съ своей стороны предложили услуги. Танцовщицы легкія какъ зефиръ, стройные какъ граціи, танцовали Тарантелу, Еспаньолу и другія національныя пляски. Пѣвцы пѣли нѣсколько лучшихъ арій. Между тѣмъ стаканы звенѣли, вино лилось, и многіе повѣся голову разсуждали сами съ собою; наконецъ тѣмъ, у коихъ голова была не такъ тяжела, захотѣлось отдохнуть. Тутъ начался споръ: кому какую занять комнату, бросили жеребій и не были довольны. Предоставили хозяину назначить каждому спальню, и на это не согласились. И такъ кто могъ идти, занялъ лучшую. Мнѣ досталася прекрасная, полъ парке, одѣяло атласное, зеркало надъ постелью, и бѣдный амуръ, безжалостно прибитый къ потолоку, держалъ надувши щеки, шелковой занавѣсъ. Я бросился въ постель; но сонъ уже прошелъ и всталъ не уснувъ и часу.

Читта-Веккія.

По приглашенію нашего Консула Каркаса, отобѣдавъ у него на дачѣ, поѣхали въ Читта-Веккію, отстоящую отъ Мальты въ 15 верстахъ. Мы не ѣхали, а катились по прекрасной высѣченной въ камнѣ дорогѣ, стѣнки огораживаютъ ее съ обѣихъ сторонъ. По положенію острова, отъ средины къ берегу покатаго, стѣнки сіи, возвышаясь одна за одною, представляютъ Мальту съ моря, кучею бѣлыхъ камней. Въ самомъ дѣлѣ почва состоитъ изъ мѣловатаго камня, во многихъ мѣстахъ покрытаго землею не толще двухъ вершковъ. Трудолюбіе 100,000 жителей, населеніе по пространству чрезмѣрное, землю, по видимому, осужденную на вѣчное безплодіе, обратило въ сады. Обработываніе земли требуетъ необыкновенныхъ трудовъ. Камень сначала разбиваютъ на мѣлкіе куски, потомъ толкутъ и мѣшаютъ съ землею, для деревьевъ высѣкаютъ ямы. Малтійскій камень имѣетъ въ себѣ такую влажность, что не смотря на большіе жары, всѣ растенія прозябаютъ лучше нежели въ Сициліи. Для обработыванія хлопчатой бумаги, ростущей здѣсь въ изобиліи, заведены фабрики. Кромѣ апельсиновъ (*), предпочитаемыхъ Порту-

(*) Здѣсь апельсины прививаютъ къ гранатовому дереву, отъ чего они имѣютъ краснаго цвѣта внутренность.

Видъ Мальты.

гальскимъ, другіе плоды, особенно дыни, на землѣ, привозимой изъ Сициліи, растутъ самые вкусные. Жители Мальты большую часть съѣстныхъ припасовъ получаютъ изъ Сициліи. Проѣхавъ нѣсколько загородныхъ домовъ, построенныхъ въ Англинскомъ вкусѣ, которые тѣмъ болѣе нравятся, что здѣсь ихъ мало, мы увидѣли Читта-Веккію, стоящую на горѣ не высокой, но крутой. Городъ обнесенъ стѣною, уже совсѣмъ запущенною, на воротахъ показывали намъ Арабскую надпись, въ городѣ же въ одномъ домѣ, называемомъ Palazzo de Giurati, сохранилась надпись Пуническаго языка; но ни ту, ни другую никто истолковать мнѣ не могъ. При владычествѣ Арабовъ, онъ назывался *Медина*, а когда принадлежалъ кавалерамъ и былъ столицею острова, *Читта-Нотабиле*. Въ городѣ было тихо, улицы заросли травою, не встрѣчая ни одного по нимъ идущаго человѣка, домы казались пустыми. Насъ привезли къ соборной церкви Св. Павла, при которой хранятся древніе сосуды и одежды. Къ сожалѣнію смотрителя не было дома, и мы должны были удовлетворить любопытство одною церковью. Врата оной отлиты изъ мѣди, дурныя изображенія изъ исторіи Священнаго писанія показываютъ, что оныя сдѣланы въ среднихъ вѣкахъ, при упадкѣ наукъ и художествъ. Церковь, огромна, въ два яруса, стѣны обиты парчею уже очень ветхою. Алтари украшены кривыми колоннами, два образа древней Греческой ра-

боты обращаютъ на себя вниманіе. Настоятель монастыря вызвался показать намъ *пещеру Апостола Павла*. Въ верстѣ отъ города посреди кладбища стоитъ часовня, закрывающая входъ въ нее. Сошедъ нѣсколько ступеней внизъ, мы вошли въ святое жилище. Оно состоитъ изъ трехъ комнатъ, въ одной высѣчено на стѣнѣ распятіе, въ другой видно подобіе одра, третья не докончана и кажется служила кухнею; ибо одна стѣна черна отъ дыма. Апостолъ Павелъ, претерпѣвъ кораблекрушеніе у остр. Мальты, вышелъ въ пристани *Деталасусъ* и копая сію пещеру былъ уязвленъ змѣею, которую стрясши съ руки въ огонь, благословилъ землю, покрылъ ею рану, и съ тѣхъ поръ, какъ увѣрялъ насъ монахъ, нѣтъ на островѣ змѣй, а земля имѣетъ силу излѣчать отъ ядовитыхъ угрызеній. То и другое справедливо, ибо въ самомъ дѣлѣ въ Мальтѣ нѣтъ никакихъ пресмыкающихся, а Мальтійская земля, мягкая, желтая, подобная мѣлу, на пальцахъ линяющая, производитъ потъ и укрѣпляетъ желудокъ. Гротъ, который называютъ *Калипсинымъ*, находящійся на восточной сторонѣ острова, мы не успѣли осмотрѣть. И такъ пещера Апостола Павла и гротъ Калипсинъ, по мнѣнію ученыхъ, вѣроятно сличавшихъ положеніе мѣстъ съ описаніями древнихъ, находятся на островѣ Мальтѣ, а не на островахъ Меледо и Фано, какъ другіе думаютъ.

Исторія Мальты.

Въ отдаленные вѣки, Мальта управляема была Африканскимъ Княземъ *Баттію*. Гомеръ упоминаетъ о семъ островѣ подъ именемъ *Гиперіи*, и говоритъ, что на немъ обитали Феакійцы. Финикіане, поселивъ на немъ колонію, назвали его *Огигіею*. Греки завладѣли онымъ въ 736 году до Р. Х. и дали острову имя *Мелиты* или по тому, что на немъ находили тогда медъ, или же въ честь Нимфы Мелиты, дочери Дорисы и Нерея. Отъ Грековъ островъ сей достался Карѳагенянамъ, многія надписи Пуническаго языка, найдены на немъ Родоскими кавалерами. Въ продолженіе войны за Сицилію, Римляне выгнали Карѳагенянъ, и подчинили Мальту Претору Сициліи. Послѣ паденія Римской имперіи въ половинѣ пятаго вѣка по Р. Х. владѣли имъ Вандалы, потомъ Готѳы. Въ концѣ девятаго столѣтія, Арабы сдѣлались ея обладателями. Въ концѣ одиннатцатаго вѣка, Норманны, подъ предводительствомъ Графа Рожера, выгнали Аравитянъ, и Мальта съ 1190 года принадлежала Сициліи. Карлъ д'Анжу, братъ Св. Людовика, присоединилъ ее къ своимъ владѣніямъ. Думаютъ, что Жанъ Порцида положилъ на семъ островѣ основаніе заговору, слѣдствіемъ котораго была Сицилійская вечеря. Послѣ сего Мальта досталась Королямъ Кастильскимъ и Аррагонскимъ, и Карлъ *V*, Испанскій Король, въ 1630 году

подарилъ ее изгнаннымъ изъ Родоса кавалерамъ Іоанна Іерусалимскаго. Съ помощію христіанскихъ державъ кавалеры укрѣпились, храбро защищались отъ Турковъ, и въ послѣдствіи флотъ ихъ съ успѣхомъ защищалъ торговлю отъ хищничества Варварійскихъ морскихъ разбойниковъ. Въ 1798 году, Генералъ Бонапарте на походѣ въ Египетъ, какъ вѣроятно по тайному условію, высадилъ часть войска, и послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, столь сильныя крѣпости сданы Французамъ. Англинская и Россійская эскадры блокировали Мальту два года. Въ продолженіи блокады, кавалеры, желая пріобрѣсть потерянную независимость, послали депутатовъ въ С. Петербургъ. Императоръ ПАВЕЛЪ I, принявъ, по желанію кавалеровъ, титло Гроссъ-Мейстера, имѣлъ въ виду благія намѣренія. Изгнанные изъ Франціи Роялисты, въ званіи рыцарей, нашли бы въ Мальтѣ убѣжище и будучи такимъ образомъ отчужденны своего отечества, моглибы сопротивляться честолюбивымъ видамъ революціоннаго правительства. Обѣтъ кавалеровъ покровительствовать мореходству Христіанскихъ державъ противу Турокъ, вѣроятно перемѣнилъ бы свое назначеніе. Введеніе Греческаго языка возстановило бы упадшій орденъ, а Греція и Славонія, получа сильное въ Европейской политикѣ содѣйствіе, конечно скоро возникли бы изъ своего ничтожества. Сильный Россійской флотъ содѣлалъ бы Мальту пе-

преодолимою швердынею, свобода Ишаліи въ ней имѣла бы всегда готовыхъ защитниковъ правды, и если бы свершилось то, чего предвидящій Монархъ желалъ, то съ достовѣрностію сказать можно, что Европа избавлена была бы отъ многихъ бѣдствій, которыя она испытала въ наше время. Какъ извѣстно, Мальта за недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ, принуждена была сдаться Англичанамъ прежде нежели депутаты могли увѣдомить о снисканномъ ими высокомъ и надежномъ покровительствѣ. Орденъ короткое время пользовался своими преимуществами, потомъ уничтоженъ, и теперь хотя сохранилъ еще своего Гроссъ-Мейстера, но оный кромѣ титула не имѣетъ никакой власти и какъ частный человѣкъ живетъ въ Палермѣ. Мальтійцы отличаются нравами и обыкновеніями, которыхъ не измѣнили ни время, ни обстоятельства; они храбры, трудолюбивы, и хотя съ неудовольствіемъ, но терпѣливо сносятъ свое порабощеніе. Учтивы къ иностранцамъ и въ образѣ жизни сходствуютъ съ Сицилійцами. Народъ говоритъ испорченнымъ Арабскимъ языкомъ, дворянство же употребляетъ Италіянскій. Воздухъ, прохлаждаемый вѣтрами, здоровъ, но въ городѣ лѣтомъ бываютъ чрезмѣрные жары.

Россійскіе плѣнные.

Не малое число нашихъ плѣнныхъ и дезертировъ, большею частію принужденно слу-

жать, почти во всѣхъ государствахъ, болѣе же въ Австріи. Не взирая на трактаты, заключенные для освобожденія ихъ, великое еще число остается въ неволѣ; ибо Бонапарте силою помѣщаетъ ихъ въ свои Польскіе легіоны, Австрійцы въ Кроатскіе полки, Англичане отсылаютъ въ свои колоніи, Шведы и Датчане дѣлаютъ тоже, и можно сказать, что сіи несчастные разсѣяны по всему земному шару. Англичане въ особенности употребляютъ всѣ средства удержать въ своей службѣ Рускихъ; но кому не любезно отечество? При удобномъ случаѣ они бѣгутъ, въ отвращеніе чего, лишь только приходитъ въ портъ Россійскій военной корабль, Рускіе смѣняются съ карауловъ и не выпускаются изъ казармъ; но при нашемъ прибытіи видно не успѣли взять сей осторожности и 8-мъ человѣкъ явились на фрегатъ. На другой день Адьютантъ Губернатора, просилъ безъ дальнаго неудовольствія и розысковъ возвратить ихъ бѣглыхъ солдатъ. По препорученію Капитана я отвѣчалъ ему, что у насъ нѣтъ обыкновенія принимать иностранцевъ, и можемъ поручиться, что на фрегатѣ нашемъ нѣтъ ни одного Англичанина; но можетъ быть противу того числа какое вы объявили при входѣ на бранвахтѣ, вы имѣете лишнихъ, сказалъ Адьютантъ. Если и есть, то развѣ въ полкахъ вашихъ, вы удерживаете Рускихъ? Конечно нѣтъ, отвѣчалъ Адьютантъ; уѣхалъ и послѣ ни слова о семъ не упоминали. Та-

кимъ же образомъ и въ Мессинѣ взяли мы нѣсколько человѣкъ. Къ сожалѣнію не льзя тутъ умолчать, что Консулы наши, въ силу договоровъ и данной имъ власти, будучи гражданами тѣхъ городовъ, гдѣ они представляютъ столь важное лице, по имуществамъ своимъ завися отъ правительствъ, не зная языка, а что всего важнѣе не будучи Рускими, какъ кажется слабо домогаются о освобожденіи плѣнныхъ, которые переходя изъ службы въ службу, въ намѣреніи приближиться къ границамъ отечества, вездѣ задерживаются, и не находятъ должнаго покровительства. Напротивъ того гдѣ Консулы были Руские, или по крайней мѣрѣ изъ подданныхъ иностранцевъ, не имѣющихъ тамъ собственности, мы не рѣдко получали отъ нихъ законнымъ образомъ освобожденныхъ, и вообще въ ихъ городахъ не находили плѣнныхъ; а въ 1807 году, какъ всѣмъ извѣстно, полкъ, составленный въ Мальтѣ изъ Русскихъ, Славянъ, Поляковъ и Грековъ, при отправленіи ихъ въ Остъ-Индію, взбунтовался, заперся въ одной крѣпости, и послѣ храбраго защищенія зажегъ пороховой магазейнъ; вмѣстѣ съ ними нѣсколько жителей и одинъ корабль взлетѣлъ на воздухъ.

Плаваніе до Каліари.

19-го Ноября мы оставили Мальту; въ самомъ узкомъ мѣстѣ входа, вѣтръ пере-

мѣнился, зашелъ, и фрегатъ чуть не бросило на берегъ, однакожъ сдѣлавъ два поворота вышли въ море. Вѣтры крѣпкіе и противные продолжались во все плаваніе до Каліари. Лавируя вдоль Сициліи къ западу, тихо подвигались мы впередъ, но имѣли удовольствіе обогнать военный Американскій бригъ, который славился легкостію хода. Въ Мальтѣ я нарочно ѣздилъ на оный. Въ Мессинѣ видѣлъ шкуну. Не только наружный видъ Американскихъ военныхъ судовъ, но удобное расположеніе, механизмъ оснастки, прочность и даже чистота много преимуществуютъ надъ Англинскимъ. Кажется не далеко уже то время, когда повелители морей найдутъ опасныхъ соперниковъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Зеленые берега Сициліи представляли намъ на каждомъ шагу прекрасныя мѣста. *Жерженти*, стоящій на мѣстѣ древняго *Агригента*, и нынѣ отправляетъ значительную торговлю хлѣбомъ и солью; на горѣ предъ городомъ, видно нѣсколько бѣдныхъ хижинъ, а между ими остатки стѣнъ Юпитерова храма. При проходѣ пустаго и необитаемаго острова *Пантелярія*, посреди моря между Сициліею и Африкою, предъ опаснымъ мѣстомъ *скверес*, вѣтръ къ вечеру 22-го Ноября усилился, черныя облака неслись съ чрезвычайною скоростію, солнце опустилось въ море въ пурпуровомъ заревѣ и ночь наступила самая темная. Вдали блистала молнія, въ 9 часовъ, когда вѣтръ былъ очень крѣ-

нокъ, вдругъ съ дождемъ съ подвѣтру, ударилъ другой, паруса легли на мачты, фрегатъ съ одной стороны опрокинулся на другую, въ тоже время началась гроза, молніи одна за одною сходили по отводу въ море, електрическія искры разсыпались по палубамъ. Весь экипажъ выскочилъ на верхъ, всею силою на силу могли обрасопить рей (*). Сильной смрадъ и сѣрной запахъ показалъ, что фрегатъ гдѣ нибудь долженъ загорѣться, опасность сія увеличивалась тѣмъ, что 200 пудовъ пороха, взятаго въ Мальтѣ, за неумѣщеніемъ въ пороховомъ погребѣ, лежало въ трюмѣ. Капитанъ и Офицеры съ фонарями въ рукахъ, бѣгали, осматривали вездѣ и къ щастію нигдѣ не открыли огня. Гроза прошла, но небо горѣло еще молніями, впереди насъ была непроницаемая мрачность, сзади пламенѣлъ небесный сводъ, море кипѣло какъ въ котлѣ, и бѣлыя на краю горизонта болѣе освященныя вершины валовъ воздымаясь, казалось, заливали пожаръ небесный. Чрезъ часъ проливной дождь угасилъ сіе величественное огнесіяніе, наступила ужасная темнота, и фрегатъ въ полвѣтра летѣлъ по 17 верстъ въ часъ; но какъ Сквересъ на картѣ былъ близокъ, почему до свѣту легли въ дрейфъ, и тѣмъ потеряли очень много, ибо утромъ вѣтръ сдѣлался опять противный.

(*) Перевести на другую сторону.

Наконецъ 26-го Ноября, предъ восхожденіемъ солнца, при томъ же Сѣверо-западномъ вѣтрѣ, всѣ тучи, омрачавшія столько дней небо, обратились назадъ и мы быстро мчались на встрѣчу солнца, которое проникая ихъ своими лучами, мало помалу показывалось яснѣе, облака скрывались за горизонтъ, мракъ изчезъ, небо прочистилось, и солнце въ полномъ великолѣпіи освѣтило вдали на правой рукѣ берега Сициліи. Высокія горы казались небольшими синими холмами, колеблемыя волны то скрывали, то открывали ихъ. Вѣтръ началъ упадать, и скоро замѣнился тихимъ и попутнымъ отъ востока. Море успокоилось, чрезъ часъ все приняло веселый видъ, день сдѣлался прекрасный, къ вечеру открылась Сардинія, и 27-го Ноября прибыли мы въ Каліари.

Приключеніе плѣннаго Рускаго Офицера.

Лишь только положили якорь у стѣнъ Каліари, какъ нѣкто бѣдно одѣтый, изтомленный пріѣхалъ съ берегу и взошедъ на шканцы, съ радостнымъ взоромъ перекрестился и дурнымъ Рускимъ выговоромъ сказалъ: Слава Богу! кончились наконецъ мои несчастія. Послѣ сего онъ спросилъ о Капитанѣ и подалъ ему бумагу. Министръ нашъ предлагалъ оною, явившагося изъ плѣна Санктпетербургскаго драгунскаго полку Поручика Степана Яши-

мова, принять на фрегатъ, для доставленія его къ Адмиралу. Я ввелъ его въ каютъ-кампанію и представилъ бывшимъ тамъ Офицерамъ. Будучи родомъ изъ Кизляра, онъ почти забылъ и съ большою трудностію объяснялся по Руски, мѣшая слова Турецкія, Французскія и Италіанскія. Мы старались его обласкать и въ первой же день общими силами снабдили его всѣмъ нужнымъ. Яшимовъ скоро ознакомился съ нами и съ новымъ родомъ своей жизни; въ короткое время отличною остротою ума и веселымъ расположеніемъ духа заслужилъ онъ отъ всѣхъ любовь и почтеніе. Служа при главной квартирѣ Князя Репнина, Потемкина, и бывъ покровительствуемъ Гр. Орловымъ, онъ хотя и не имѣлъ порядочнаго воспитанія, но особенный навыкъ въ обхожденіи дѣлалъ его весьма пріятнымъ въ бесѣдахъ. Продолжительное несчастіе не помрачило его любезности, и опытъ 50 лѣтняго старика привлекалъ къ нему общее уваженіе. Приключенія его въ теченіи семи лѣтъ, которыя расказывалъ онъ намъ со всею откровенностію, хотя имѣютъ нѣчто въ своемъ родѣ необыкновенное, но судя по характеру его оныя конечно не выдуманы имъ, и потому я предлагаю ихъ въ томъ видѣ какъ слышалъ отъ него.

Яшимовъ служилъ въ первую Конфедерацкую войну, въ обѣ Турецкія и послѣднюю Польскую, наконецъ 10-го Сентября 1799 года подъ Цирихомъ, получа двѣ раны взятъ былъ въ плѣнъ

и отведенъ въ Марсель. Не стану повторять того, что онъ претерпѣлъ на дорогѣ; кто по несчастію былъ въ рукахъ Французовъ, тотъ знаетъ какъ они обращаются съ плѣнными. Генералъ Д . . . . . прибылъ въ Марсель для пополненія своего Польскаго легіона Рускими солдатами. Для сего не давали имъ положенной порціи хлѣба, изъ казармъ или лучше изъ тюрьмы никуда не выпускали. Убѣждая, угрожая, обѣщая и благовиднымъ способомъ муча и томя голодомъ принуждали, какъ благодѣяніе, принимать службу. Непокорныхъ же продавали какъ невольниковъ въ Испанію. Не щадили даже и Офицеровъ; Яшимову также предложено было вступить въ Польскій легіонъ. Онъ нашелъ случай видѣть Генерала Д . . . . ., жаловался на дурные поступки, смѣло сказалъ ему правду, и будучи огорченъ отвѣтами Генерала, назвалъ его измѣнникомъ отечества, былъ брошенъ въ тюрьму и отданъ подъ военный судъ Не ожидая слѣдствій своего неблагоразумія и неумѣстной горячности, Яшимовъ рѣшился бѣжать. Предлагаетъ бывшимъ въ одной съ нимъ тюрьмѣ 30 Австрійскимъ солдатамъ, въ томъ числѣ былъ одинъ Руской, и всѣ съ радостію соглашаются. Яшимовъ успѣлъ убѣдить тюремнаго стража, который изъ единаго сострадапія, не только далъ имъ способъ къ побѣгу, но въ пристани приготовилъ имъ лодку, и несчастные въ полночь при проливномъ дождѣ на рыбачьей лодкѣ, сами не зная куда, пускаются въ море.

Боясь погони, усердно гребли во всю ночь; по утру когда разсвѣло, Марсель чуть уже была видна. Тут начали думать какъ и куда править. Не имѣя никакого понятія о мореходствѣ, не зная даже географическаго положенія земель, окружающихъ Францію, долго спорили они куда держать; наконецъ отдавшись на волю и благоразуміе Яшимова, положили итти по той чертѣ, которая наиболѣе удаляла ихъ отъ Франціи. Невѣденіе нѣкоторыхъ простиралось до того, что они видя небо, касающееся моря, говорили: конечно тутъ уже край свѣта. Въ управленіи лодки они находили многія затрудненія, однакожъ подобно Робинзону Крузе и наши плаватели скоро научились, какъ поворачивать рулемъ и держать парусъ полный вѣтра. Впрочемъ не видя вокругъ себя никакихъ предметовъ, они не могли знать въ какую сторону вѣтръ перемѣнялся и потому правили всегда по оному, Къ счастію ихъ въ Средиземномъ морѣ вѣтры лѣтомъ постоянно дуютъ отъ сѣвера и всегда почти тихіе. Въ одинъ день, вѣтръ нѣсколько усилился, лодку начало качать, неопытные плаватели убрали парусъ, стали грести; но весла выбивало изъ рукъ и лодка колебалась еще болѣе, такъ что краями стало черпать воду. Яшимовъ, не болѣе прочихъ свѣдущій, но болѣе смѣлый, не смотря на противорѣчіе, поднялъ парусъ, лодка полетѣла и качка уменьшилась. Единообразный видъ неба и воды, неизвѣстность,

ненадежность на самихъ себя, мало по малу и самыхъ бодрыхъ привело въ уныніе. На четвертыя сутки не стало воды и кончился малый запасъ хлѣба, который добрый тюремщикъ не забылъ положить для нихъ въ лодку. Въ семъ положеніи, вдали показывается нѣчто бѣлое; смотрятъ, узнаютъ на всѣхъ парусахъ пловущій корабль, произносятъ радостный крикъ, принимаются за весла, усиливаются догнать корабль, кричатъ всѣ вдругъ и изо всей силы, машутъ шляпами и платками; но все напрасно; съ корабля не видятъ ихъ, оный проходитъ мимо, удаляется и скрывается за горизонтъ. Всѣ хотятъ итти за кораблемъ; одинъ Яшимовъ думаетъ, что благоразумнѣе держать по прежней чертѣ, спорятъ; не могутъ согласиться, Яшимовъ убѣждаетъ, грозитъ, наконецъ самъ подымаетъ парусъ и лодка плыветъ по прежнему пути. Голодъ, жажда и истощеніе силъ привело всѣхъ въ отчаяніе; одинъ Яшимовъ сохранивъ присутствіе духа, ободряетъ прочихъ и безсмѣнно управляетъ лодкою. По отплытіи изъ Марсели въ седьмыя сутки, къ неизъяснимой всѣхъ радости показался берегъ и Богъ невидимою рукою привелъ несвѣдущихъ плавателей въ пристань спасенія. Имъ представился большой городъ, высокая крѣпость, на стѣнахъ коей развѣвалъ кровавый флагъ съ изображеніемъ руки вооруженной мечемъ. Утомленные плаватели выходятъ на пристань, хотятъ облобызать землю; но имъ

предстоятъ брадатые люди, въ длинныхъ платьяхъ и чалмахъ. Гдѣ мы? спрашиваютъ они другъ друга: въ Африкѣ, въ Алжирѣ! отвѣчаетъ Яшимовъ и всѣ отъ страха цѣпенѣютъ и потупляютъ взоры. Ихъ оступаетъ толпа вооруженнаго народа, любопытствуютъ, откуда они пріѣхали, и какъ Яшимовъ, будучи родомъ изъ Кизлярскихъ Татаръ, зналъ нѣсколько по Турецки, то онъ и отвѣчалъ за другихъ. Варварійцы, которыхъ намъ описываютъ столь черными красками, услыша, что нещастные пришлецы трое сутокъ не пили и не ѣли, одни вынимаютъ деньги, другіе подаютъ хлѣбъ и плоды; даже спорятъ, кому сколькихъ пригласить въ свой домъ. Страхъ, что попали къ разбойникамъ, скоро миновался; всякой нашелъ гостепріимство въ домѣ, куда былъ приведенъ.

На третьи сутки Яшимовъ представленъ былъ Янычаръ-Агѣ, а послѣ и самому Дею. Боясь сказаться Рускимъ, назвалъ онъ себя Татариномъ, и въ слѣдствіе сей лжи, принужденъ былъ вступить въ гвардію Дея Янычаромъ, скоро потомъ сдѣланъ былъ Чаушемъ и начальникомъ небольшой крѣпости, въ недальнемъ разстояніи отъ Алжира лежащей. Подчиненные его, имѣя свою шебеку, взяли христіанскую бригантину, принадлежавшую Далматскимъ Славянамъ. Яшимовъ услышавъ понятный для него языкъ, обрадовался и притворившись ихъ не понимающимъ, тотчасъ рѣшился освободить ихъ и себя. На

бригантинѣ, стоявшей близъ берега, былъ только одинъ часовой. Руской солдатъ, раздѣлявшій нещастія Яшимова отъ самаго плѣна, уговаривается съ шхиперомъ и людьми, и ночью, когда самъ стоялъ на стражѣ, не бывъ замѣченъ ни кѣмъ' выводитъ ихъ изъ тюрьмы и перевозитъ на бригантину, часовой былъ схваченъ и связанный спрятанъ въ трюмъ. Когда бригантина была подъ парусами, въ крѣпости дѣлается тревога, и какъ вѣтръ былъ тихъ, Алжирцы на двухъ лодкахъ догоняютъ, и хотятъ взять ее абордажемъ. Яшимовъ ободряетъ Славянъ, рубится впереди всѣхъ, тѣснитъ нападающихъ и прогоняетъ ихъ съ судна. Алжирцы удаляются. Солдатъ товарищъ его и другъ, былъ въ семъ случаѣ убитъ, самъ онъ получилъ легкую рану. Славяне увидѣвъ нѣсколько лодокъ отвалившихъ отъ берега, робѣютъ, не слушаютъ Яшимова и поспѣшно сѣвши на барказъ, оставляютъ его на бригантинѣ одного; къ щасщію оставалcя еще маленькій яликъ; Яшимовъ бросается въ него, отваливаетъ, распускаетъ парусъ и вышедъ изъ залива держитъ близъ берега. Турки задержавъ бригантину, не разсудили гнаться за бѣжавшими. На другой день, когда вѣтръ сдѣлался Яшимову противный, онъ присталъ въ одномъ пустомъ мѣстѣ, и дождавшись вечера, оставя яликъ пошелъ искать селенія. Оное было не далеко отъ берега, онъ вошелъ въ первый домъ, выдумалъ причину своей раны и былъ принятъ

съ состраданіемъ. Навѣдавшись далеко ли Тунисъ и гдѣ къ нему дорога, онъ купилъ тутъ лошадь и рано по утру пустился въ путь. На четвертые сутки, не бывъ ни кѣмъ обезпокоенъ, благополучно достигнулъ Тунискихъ границъ.

Въ Тунисѣ никто не спрашивалъ, кто онъ такой и имѣетъ ли паспортъ. Пользуясь свободою и живучи по ханамъ (*) Яшимовъ скоро принужденъ былъ продать свою лошадь. Деньги, которыми успѣлъ запастись, будучи Чаушемъ, также вышли и ему должно было помышлять о дневномъ пропитаніи. Не могши сыскать случая опредѣлиться на какой либо христіанской торговой корабль, онъ принужденъ былъ для куска хлѣба заниматься поденною работою, сдѣлался боленъ и доведенъ до униженія просить помощи у сострадательныхъ людей. Въ такомъ положеніи, ему предлагаютъ записаться въ матрозы на шебеку о 16 пушкахъ, отправлявшуюся въ море. Противу воли, по стеченію неблагопріятныхъ обстоятельствъ, сдѣлавшись морскимъ разбойникомъ, и боясь болѣе всего обагрить руки въ крови Христіанъ, набожный Яшимовъ, отъ глубины души въ тайнѣ молилъ Бога, избавить совѣсть его отъ сей необходимости. Искренняя его молитва была услышана; корсеры, цѣлой мѣсяцъ крейсеруя въ морѣ, не видали ни одного судна и наконецъ

(*) Въ Турціи такъ называются постоялые домы.

въ пустомъ мѣстѣ пристали къ одному острову. Ужасаясь имени разбойника, и не могши ничѣмъ себя успокоить, Яшимовъ сыскалъ случай ночью съѣхать на берегъ, и уклонившись отъ товарищей пустился по дорогѣ. Скоро увидѣлъ огонекъ, по оному пришелъ въ хижину, гдѣ Турецкая его одежда привела всѣхъ въ трепетъ. Яшимовъ, чтобы успокоить ихъ, отдалъ свое оружіе и просилъ отвести его въ городъ. Тутъ онъ узналъ, что находится въ Корсикѣ.

Чрезъ нѣсколько дней, Яшимовъ представленъ былъ Коменданту крѣпости Бонифачьо, который сдѣлавъ ему вопросъ, и несмотря, что онъ объявилъ себя Рускимъ Офицеромъ, приказалъ надѣть на него солдатской мундиръ. Спустя годъ, Генералъ Д...... прибылъ въ Корсику для осмотру полковъ. Испугавшись такой вѣсти и боясь быть узнаннымъ, Яшимовъ переодѣвается въ крестьянское платье, нанимаетъ лодку, и чрезъ проливъ достигаетъ въ Сардинію. Тамъ, также не повѣрили ему, что онъ Руской Офицеръ, и также записали въ гарнизонной полкъ, который употребляемъ былъ для поиску надъ разбойниками. 20 разъ, Яшимовъ сражался съ сими отчаянными головорѣзами и наконецъ судьба его перемѣнилась, полкъ его получилъ повелѣніе итти въ Каліари. Онъ тотчасъ явился къ нашему Министру Г. Лизакевичу и семь лѣтъ безпрерывныхъ бѣдствій, нуждъ и несчастій Яшимова кончились.

Несчастія кончились, но неумолимая судьба не допустила старика умереть въ своемъ Отечествѣ. Яшимовъ былъ принятъ Главнокомандующимъ благосклонно. Когда флотъ отправлялся въ Архипелагъ, ему должно было остаться въ Корфѣ, дабы при первомъ случаѣ ѣхать въ Россію. Будучи внѣ себя отъ радости, однакожъ по движенію благороднѣйшаго чувства, Яшимовъ рѣшился отказаться отъ милости Адмирала, и просилъ взять его въ Архипелагъ, дабы онъ могъ заслужить его вниманіе и ласки. При взятіи Тенедоса, въ Дарданельскомъ сраженіи и защищеніи крѣпости Тенедоской, Яшимовъ оказалъ отличную храбрость, дѣятельность и можно сказать искалъ смерти. Онъ во все время оставался на нашемъ фрегатѣ, терпѣлъ съ нами равную участь, изъ Лисабона былъ съ нами въ Палермѣ и наконецъ изъ Тріеста отправился сухимъ путемъ въ Россію. Въ Лембергѣ, когда колоннѣ должно было выходить, Яшимова не нашли на его квартирѣ, искали по всему городу и не было ни какого о немъ слуха. Хозяинъ дома сказывалъ, что онъ, ночевавъ у него одну ночь, на другой день утромъ просилъ какъ можно скорѣе исправить его пистолеты и въ полдень получа оные болѣе не возвращался. Въ городѣ же носился слухъ, что одинъ Руской Офицеръ въ трактирѣ поссорился съ двумя Польскими Уланскими Офицерами, пріѣхавшими въ отпускъ изъ Варшавы. Итакъ весьма вѣроятно,

что несчастный Яшимовъ убитъ на поединкѣ. Въ недальнемъ разстояніи отъ Родзивилова, въ селеніи Колки, квартировалъ С. Петербургскій Драгунскій полкъ, я любопытствуя знать точно ли онъ служилъ въ семъ полку, нашелъ одного рейтара, который очень его помнилъ и служилъ 5 лѣтъ въ его эскадронѣ.

Каліари.

Посланникъ Лизакевичъ посѣтилъ фрегатъ и послѣ представлялъ Капитана и Офицеровъ Королю. Его Величество имѣлъ на себѣ орденъ Андрея Первозваннаго; при входѣ нашемъ въ пріемную залу онъ взялъ со стола шляпу, сдѣлалъ навстрѣчу къ намъ нѣсколько шаговъ, и весьма милостиво удостоилъ каждаго нѣсколькихъ словъ. По его повелѣнію отпущено на фрегатъ 500 пудовъ пороху, и какъ оный былъ лучше Англинскаго, то по прошенію Капитана, перемѣнили взятый въ Мальтѣ. Порохъ привозили къ намъ тайно почью. Сія осторожность задержала насъ въ скучной столицѣ болѣе двухъ недѣль. Кромѣ булевара длиною во сто шаговъ, огражденнаго кольями, отъ которыхъ давно ожидаютъ тѣни, и театра весьма малаго, гдѣ копоть отъ деревяннаго масла скрывала дурныхъ актеровъ, и заставляла зрителей выходить съ головною болью, не было никакихъ другихъ предметовъ, достойныхъ любопытства, ниже какого другаго пріятнаго занятія.

Плаваніе до Палермы.

Принявъ столько пороху, сколько можно было помѣстить, 13 Декабря оставили Калiари. Вѣтръ былъ тихій, погода прекрасная. Но лишь только вышли мы въ море, то оный нѣсколько посвѣжѣлъ. Сардинія начала скрываться, а Сицилія возникать изъ моря. Напрасно думаютъ, что плаваніе моремъ исполнено однихъ бѣдствій, могущихъ и самаго любопытнаго путешественика повергнуть въ скуку и утомленіе. Любящій созерцать величественныя, пріятныя, грозныя и ужасныя явленія, долженъ преплыть океанъ, чтобы видѣть ихъ въ полномъ великолѣпіи и блескѣ. Если буря приводитъ въ трепетъ, то легкій умѣренный вѣтръ и ясная погода сколько напротивъ представляетъ прелестнѣйшихъ картинъ. Корабль разсѣкаетъ тогда волны, одушевленныя милліонами рыбъ и воздухъ наполняется множествомъ пернатыхъ. Послѣ долгаго, безпокойнаго плаванія, когда нѣсколько дней и мѣсяцовъ не видишь земли, что можетъ сравниться съ восторгомъ мореходца при незапномъ оной появленіи, которая, какъ бы для его удовольствія, представляетъ ему различные виды и положенія. Какъ медленно кажется плыветъ тогда корабль, горы и долы едва движутся, и самое нетерпѣніе, раждая новыя мысли, увеличиваетъ удовольствія, которыми наслаждаются гораздо въ высшей степени, по тому единственно, что рѣдко и не-

продолжительно они ему представляются. При тихомъ обходѣ нѣсколькихъ высокихъ мысовъ, „вотъ Палерма" вскричали нѣсколько голосовъ. Прелестная столица, окруженная садами, въ очаровательномъ положеніи, явилась взорамъ нашимъ; забывъ труды, заботы службы, каждый спѣшилъ обдумать, расположить свои занятія, и прежде нежели бросили якорь, пошли переодѣваться и готовиться ѣхать на берегъ.

Палерма.

Спасеніе Американскаго корабля.

21-го Декабря, при ясномъ небѣ, вдругъ нашелъ шквалъ отъ сѣвера; въ полчаса развело такое волненіе, что фрегатъ качало гораздо болѣе, нежели въ морѣ. Ночью вѣтръ обратился въ бурю, а по разсвѣтѣ Американское трехъ мачтовое судно, пришедшее изъ Бразиліи съ богатымъ грузомъ, потерявъ три якоря въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега остановилось на одномъ. Американцы палили пушка за пушкой, просили помощи, махали шляпами, подымали руки къ небу; но казалось, не возможно было спасти ихъ. Въ гавани толпился народъ и полиція уже готовилась спасать людей, но съ нашего фрегата отваливаетъ барказъ съ якоремъ. Боцманъ Васильевъ съ 20 лучшими матрозами, удерживаясь на бакштовѣ (*) фрегата, бросаетъ

(*) Канатъ, которымъ гребныя суда держатся за кормою корабля.

якорь передъ носомъ Американскаго судна, и съ крайнею опасностію передаетъ канатъ. Американцы были не въ силахъ вытянуть его, а нашимъ людямъ по причинѣ великаго волненія къ борту судна приставать было не возможно. Опытный боцманъ придумываетъ средство. Спустившись на бакштовѣ какъ можно ближе къ носу судна, требуетъ тонкую веревку, опутывается ею, и давъ знаками понять, что намѣренъ дѣлать, отважно бросается въ воду. Американцы догадываются, тянутъ, и такимъ образомъ, одного за однимъ, всѣхъ нашихъ людей подымаютъ на корабль. Шхиперъ былъ въ городѣ, почему Васильевъ вступаетъ въ распоряженіе какъ начальникъ. Вытягиваетъ на шпилѣ канатъ, крѣпитъ его за мачту, и не взирая на ужасное волненіе спускаетъ стеньги и реи.

На третій день буря умолкла, шхиперъ спѣшитъ на корабль. Жметъ руки матросамъ, подаетъ боцману большой кошелекъ съ червонцами, но къ чести Васильева, онъ отозвался, что не можетъ принять безъ позволенія начальника. Шхиперъ, вмѣстѣ съ нашими людьми пріѣзжаетъ на фрегатъ, благодаритъ Капитана и предлагаетъ за спасеніе двойную сумму, слѣдующую по ихъ закону. Капитанъ увѣряетъ его, что у насъ нѣтъ этаго закона, и за данную помощь терпящему бѣдствіе ничего не требуютъ. Шхиперъ удивленный, тронутый, упрашиваетъ; но когда онъ увѣрился, что ничего не примутъ, сходитъ на

палубу, видитъ образъ, и священника, отправляющаго службу, останавливается, дожидается окончанія, тогда по нашему обыкновенію кладетъ три земныхъ поклона, и высыпаетъ въ церковный ящикъ 600 червонцевъ. Боцманъ и матрозы съ позволенія Капитана награждены имъ щедро, и отпущены къ нему на корабль на трое сутокъ. Потомъ приглашаетъ онъ Капитана съ Офицерами обѣдать. По пріѣздѣ нашемъ выкинули на мачтахъ Россійскіе флаги, всѣ Американскія суда, бывшія въ гавани, разцвѣтились оными, и палили во весь день изъ пушекъ. Съ нѣкоторымъ обрядомъ, шхипера Американскіе прибили на кормѣ слѣдующую золотую надпись: „Трипонъ спасенъ 1806 года Декабря 21-го дня.“

Кораблекрушеніе Англинскаго 80-ти пушечнаго корабля Виліамъ-Теля.

Сколь мореходцамъ необходимо нужно брать всѣ осторожности, не надѣяться на удачу, и не полагаться на самое вѣрное счисленіе, доказываетъ нещастіе Виліамъ-Теля. Капитанъ сего корабля, извѣстный въ Англинскомъ флотѣ своими познаніями и отважностію, самъ прошедшаго лѣта описалъ и утвердилъ на картѣ положеніе подводныхъ камней Сквересъ, и прошедшаго мѣсяца, при крѣпкомъ западномъ вѣтрѣ, идучи въ Мальту, не успѣвъ за туманомъ по берегу Сициліи опредѣлить мѣсто по пеленгамъ, положась на вѣрность сво-

ей карты, и думал, что находится въ 20 миляхъ отъ Сквересъ, въ темную ночь при 10 узлахъ хода, нашелъ на нихъ и погибъ, только 2 Офицера и 157 матрозовъ спаслись. Обѣдая у Адмирала Сиднея Смита, я познакомился съ лѣкаремъ, чуднымъ образомъ избавившимся отъ сего кораблекрушенія. Въ 9 часовъ, сошелъ онъ въ свою каюту на кубрикъ, легъ спать, какъ вдругъ въ самомъ глубокомъ снѣ выбрасывается изъ койки, чувствуетъ себя въ шумящихъ волнахъ, хватается за нѣчто плавающее, и видитъ себя на обломкѣ юта, на которомъ вмѣстѣ съ другими, на другой день прибивается къ Сициліи близъ Марсалы. Достойно замѣчанія, что спавшіе въ нижнихъ палубахъ и кубрикѣ, нѣкоторые спаслись, а бывшіе на верху у управленія парусовъ, всѣ потонули.

Театръ.

Въ Палермѣ четыре театра. Извѣстно, что Неаполитанской дворъ имѣлъ лучшихъ актеровъ въ Европѣ, но здѣсь ни славнаго огромностью Санъ-Карло, ниже пѣвцовъ и пѣвицъ нѣтъ, однакоже опера Буфо и Арлекинъ превосходны, балетъ также хорошъ, но трагедій, особенно трагическихъ оперъ можно сказать нѣтъ. Въ Королевскомъ театрѣ, называемомъ Санъ Фердинандо, я видѣлъ Дидону, сочиненія славнаго Метастазіи. Актриса, въ первыхъ дѣйствіяхъ играла

слабо, но въ послѣднемъ, превзошла себя и столь разительно представила отчаяніе оставленной Енеемъ Царицы Карѳагенской, что всѣ зрители раздѣляли съ нею ея страданіе. Особливо же съ великимъ выраженіемъ и жаромъ произнесла она послѣдній монологъ, когда отчаянная Дидона восклицаетъ che dei! (какіе боги!), и потомъ, укоряя себя за нечестивое изреченіе, продолжаетъ:

Ah che dissi, infelice! a qual eccesso
mi trasse il mio furore?
Oh dio, cresce l'orrore! ovunque io miro,
mi vien la morte, e lo spavento in faccia:
trema la reggia, e di cader minaccia.
Selene, Osmida! Ah! tutti,
tutti cedeste alla mia sorte infida:
non v'é che mi soccorra, o chi m'uccida.
    Vado... ma dove? oh dio!
    Resto... ma poi.... che fo?
    Dunque morir dovrò
    senza trovar pietà?
E v'è tanta viltà nel petto mio?
No no, si mora; e l'infedele Enea
abbia nel mio destino
un augurio funesto al suo cammino.
Precipiti Cartago,
arda la Reggia; e sia
il cenere di lei la tomba mia (*).

(*) Вотъ слабый сего переводъ:
„Увы! что я сказала, нещастная! къ какой крайности подвигло меня мое неистовство? о Боже, ужасъ растетъ! куда

Сказавъ сіе, бѣжитъ въ чертоги, объятые пламенемъ, и въ искрахъ, огнѣ и дымѣ, падаетъ и изчезаетъ.

Декораціи вообще превосходны, но послѣдняя удивительна. Грозное движеніе волнъ, шумъ и бѣлѣющіяся ихъ вершины, пожаръ, громъ и молнія, жестокое дѣйствіе воды и огня, столь близки къ природѣ, что мнѣ казалось видѣть ихъ на самомъ дѣлѣ. Наконецъ, громкая симфонія перемѣняется на тихую музыку, Нептунъ въ блестящей колесницѣ, окруженной плавающими Сиренами и Тритонами, показывается и занавѣсъ опускается. Выхожу изъ театра и вижу въ природѣ представленное декораціями. Дождь, вѣтръ, громъ, молнія и колеблемые въ портѣ корабли представились точно въ томъ видѣ, какъ я ихъ сей часъ видѣлъ на сценѣ.

Импровизаторъ.

Молодой, бѣдной человѣкъ, воспитанный въ Академіи музыки, прославился здѣсь не-

---

ни обращусь, вездѣ вижу страхъ и смерть предъ собою: чертоги колеблются и грозятъ паденіемъ. Селена, Осмида! ахъ всѣ, всѣ оставили меня въ злой участи: нѣтъ ни кого, кто бы меня спасъ, или убилъ. Пойду... но куда? о Боже! останусь... но потомъ.., что сдѣлаю? Итакъ должно умереть, не находя никакой жалости. Но не ужели столько въ груди моей малодушія? нѣтъ нѣтъ, умру; пусть смерть моя бѣгущему отъ меня вѣроломному Энею предвѣститъ злощастіе Разрушайся Кароагенъ, пылайте чертоги; и да будетъ пепелъ вашъ моею гробницею.„

обыкновенною способностію говорить стихи безъ пріуготовленія. Я имѣлъ случай его слышать. Ему задали, чтобъ послѣдовало съ обществомъ людей, еслибъ женщины лишены были скромности, стыдливости и должны бы искать любви въ мущинахъ. Онъ взялъ гитару, началъ громкою симфоніею, потомъ пропѣлъ куплетъ о сотвореніи Адама и Еввы, послѣ онаго продолжалъ играть, и сіе служило ему пособіемъ для образованія многихъ мыслей, кои ясно изображались на его лицѣ. Подобно Пиѳіи, онъ приходилъ въ восторгъ, стихи вмѣстѣ съ музыкою, только что составленные, измѣнялись, переходили изъ тона въ тонъ, иногда выраженія его были простонародныя, означающія природнаго поэта безъ воспитанія, иногда же они были сильны и пріятны, наконецъ онъ кончилъ веселою смѣсью и смѣшными стихами; ибо для Италіянцевъ какъ воздухъ, такъ и смѣхъ равно нужны. Онъ пѣлъ полчаса и слушатели были въ восхищеніи. За столомъ, Импровизаторъ, на имя каждаго собесѣдника говорилъ привѣтствіе, что называютъ они *Бриндизи*. Услышавъ мое имя, онъ наморщился и сказалъ, это пахнетъ Сѣверомъ, однакожъ сочинилъ три стишка, которыми самъ былъ не доволенъ. Наконецъ вызвался сказать на имя Императора АЛЕКСАНДРА. Сравнивая Государя съ Титомъ и Александромъ Македонскимъ, онъ произнесъ такую оду, что общество было внѣ себя. Просили, чтобъ онъ повторилъ, и

чудной этотъ поэтъ, сказалъ совсѣмъ другое, другою мѣрою и гораздо лучше. Хотѣли, чтобъ сіе послѣднее отдать въ печать, и къ великому удивленію моему, онъ не могъ припомнить связи первыхъ стиховъ, и извиняясь въ дурной памяти, продолжалъ говорить стихами.

Отъ Импровизаторовъ не льзя требовать высокихъ чувствованій, особенно по тому, что многіе изъ нихъ не имѣютъ воспитанія; но обыкновенные изъ нихъ, равно какъ и славные, какова была увѣнчанная въ Римѣ Коринна, не могли бы ни на какомъ другомъ языкѣ достигнуть сего искуства. Сею способностію конечно обязаны они своему языку столь сладкозвучному, что самыя испорченныя нарѣчія онаго, какъ то Венеціянское, Медіоланское и Неаполитанское, остаются еще довольно гибки и мягки. Сицилійское же, смѣшенное съ Арабскимъ и Греческимъ, получило особенную способность къ скорому сложенію стиховъ, и потому Сицилія имѣетъ болѣе импровизаторовъ, нежели вся Италія.

Тассъ, Аріостъ, Петраркъ и Метастазій, умѣли языкъ Италіянскій, самъ по себѣ гибкій, пріятный и звучный, возвысить до всякаго рода стихотвореній. Упрекаютъ Италіянскихъ писателей въ излишней изнѣженности; но Петраркъ, сей Сладко-пѣвецъ, нѣжность умѣлъ сочетать съ силою и краткостію. Метастазіевы оперы почитаются изъ всѣхъ лучшими: Ѳемистоклъ, Регулъ, Дидона, Титово милосердіе, сдѣлали славу его без-

смертною. Онъ соединилъ въ нихъ красоту высокаго трагическаго слога съ красотою героическихъ чувствъ. Многія мѣлкія стихотворенія его, а особливо аріи въ операхъ, дышатъ Анакреонтическою нѣжностію. Въ поемѣ *освобожденный Іерусалимъ*, безсмертный Тассъ, на своемъ такъ называемомъ слишкомъ нѣжномъ языкѣ, умѣлъ сравняться и превзойти многихъ эпическихъ поэтовъ и самаго Мильтона. Описаніе ада есть нѣкій исполинскій вымыселъ. Волтеръ по справедливости удивлялся, откол҃ для изображенія онаго могъ онъ въ нѣжномъ языкѣ Италіянскомъ найти столько громкихъ и суровыхъ словъ. Армидинъ садъ, очарованный лѣсъ, единоборство Танкреда съ Аргантомъ, смерть Клоринды, любовь Эрминіи, нападеніе Солимана, и многія другія мѣста, суть образцы неподражаемаго витійства. Наконецъ *Неистовый Роландъ*, столь критикованный и столь превозносимый, также, хотя въ другомъ родѣ, навсегда останется неподражаемымъ. Аріостъ въ своей поэмѣ изображаетъ попеременно, то звукъ оружія, то благовонные луга и рощи, то роскошные чертоги Алцинои и въ самыхъ ужасахъ своихъ, онъ представилъ природу прелестною. Все живетъ, все дышетъ подъ его перомъ, вездѣ видно дарованіе и прекрасный вымыслъ. Читатель безъ малѣйшаго усилія слѣдуетъ за чародѣемъ, странствуетъ съ нимъ изъ края въ край, поднимается на воздухъ, сражается на крылатыхъ чудовищахъ.

Не вѣроятно, чтобы на другомъ языкѣ, тотъже пѣвецъ Роланда, могъ написать что нибудь подобное.

Народныя игры.

Сраженіе съ быками принадлежитъ къ числу любимыхъ забавъ народа. Для сего зрѣлища чернь собирается на площадь. Одинъ разъ проходя мимо я остановился посмотрѣть, но не могъ выдержать виду мучительной смерти бѣднаго животнаго, и никогда болѣе не ходилъ близъ сей площади, гдѣ всякой день вмѣсто бойни убивали быковъ для забавы. Вмѣсто сихъ отвратительныхъ удовольствій есть здѣсь и благороднѣйшія, состоящія въ танцахъ. Въ Палермѣ отъ утра до вечера слышна музыка. Здѣсь множество наполненныхъ народомъ танцовальныхъ залъ, гдѣ готовъ завтракъ, вино, и охотницы танцовать. Кромѣ національныхъ плясокъ, танцуютъ кадрили, въ которыхъ Па совершенно театральные. Для черни это много.

Кукольная комедія и балетъ, Китайскіе тѣни, Арлекинъ и Паяцо, весьма обыкновенны. Сверхъ оныхъ сказочники забавляютъ народъ смѣшными расказами, часто замысловатыми. Составляютъ изъ скамеекъ квадратъ, слушатели садятся, а сказочникъ ставъ посрединѣ, начинаетъ громкимъ голосомъ, и сопровождая каждое слово движеніемъ рукъ и ногъ, объясняетъ произшествіе настоящимъ

дѣйствіемъ. Напримѣръ, если говоритъ, онъ упалъ въ грязь, самъ падаетъ. Если нужно представить драку, онъ дерется съ паяцомъ, своимъ всегдашнимъ помощникомъ. Въ праздники расказъ его обыкновенно начинается житіемъ святаго, а кончится смѣхомъ. Въ послѣднюю недѣлю поста, страсти Христовы представляютъ на самомъ дѣлѣ, и въ сіе время расказщики, говорящіе съ большимъ жаромъ и обливаясь слезами, получаютъ много денегъ, ибо народъ, не понимая, что по Латински читаютъ въ церквѣ, тѣмъ охотнѣе ихъ слушаетъ.

Къ числу карнавальныхъ увеселеній принадлежитъ конское ристаніе особеннаго рода. Одинъ разъ подходя къ Толедо, вижу множество народа, окна увѣшаны были коврами и шелковыми матеріями; балконы, окна и террасы заняты дамами и другими зрителями. Слышу барабанъ, выстрѣлъ изъ пушки, и вижу 8 лошадей, съ высокими рѣзными сѣдлами покрытыхъ богатыми чепраками, гривы и хвосты переплетены лентами, во весь духъ несущихся по улицѣ—безъ сѣдоковъ.

Статистика Сициліи.

Сицилія, по плодоносію своему, въ древле почиталась житницею Италіи. Плодородіе ея и нынѣ удивительно. Зерно, брошенное на едва обработанную землю, даетъ сторицею. Горы ея, возвышаясь амфитеатромъ, отъ вершинъ до основанія покрыты плодовитымъ

лѣсомъ, внутренность ихъ содержитъ серебро, золото, прекраснѣйшій мраморъ, агатъ, яшму и лазуревый камень. Везувій, пепломъ своимъ оплодотворяя землю, сверхъ того даетъ множество сѣры, пемзы и лаву. Долины на всемъ островѣ, никогда не оскудѣваютъ и даютъ въ годъ четыре жатвы. Вѣчное лѣто способствуетъ произрастанію вкуснѣйшихъ плодовъ, самые рѣдкіе, приличные странамъ подъ екваторомъ лежащимъ, съ нѣкоторымъ присмотромъ, ростутъ здѣсь на открытомъ воздухѣ. Изобиліе ключей, источниковъ, небольшихъ рѣкъ и вообще водъ на всемъ островѣ удивительно; рѣки и море изобилуютъ всякою рыбою. Море, кромѣ множества безопасныхъ гаваней, какъ бы находясь въ соперничествѣ съ землею, доставляетъ другаго рода богатства, кораллы и жемчугъ. Словомъ, воздухъ, вода, земля и утроба ея, наполняютъ лоно сего благословеннаго острова, всѣми потребностями для жизни, Прозерпина и теперь еще могла бы рвать прекрасные цвѣты, Пиндаръ и Ѳеокритъ и теперь еще могли бы воспѣвать стада, пасущіяся на тучныхъ лугахъ Сицилійскихъ. Пчелы на горѣ Везувіи и нынѣ еще сосутъ сокъ изъ чабера, который сообщаетъ меду пріятный запахъ.

При владычествѣ Римлянъ въ Сициліи процвѣтали науки и художества. Арабы украсили ее славными водопроводами; повсюду видно древнее ея благосостояніе и великолѣпіе во многихъ оставшихся памятникахъ.

Доселѣ земля сія, при маломъ ея населеніи, и будучи до сего времени предоставленною полной власти Вицероевъ, которые допускали морскихъ разбойниковъ грабить безпрепятственно прибрежныя ея селенія, во многихъ мѣстахъ дурно была обработана; но пребываніе Короля и переселеніе богатыхъ Вельможъ возбудили спящую промышленность; силы ея начали развиваться, и прошедшаго года, собственныхъ произведеній продано вдвое болѣе, нежели когда Дворъ былъ въ Неаполѣ. На полуденныхъ берегахъ начали разводить сахарной тростникъ и кофе. Нѣтъ ни малаго сомнѣнія, что чрезъ 10 лѣтъ, не будутъ имѣть въ нихъ надобности. Скоро можетъ быть изобилуя во всѣхъ произведеніяхъ, при оживленіи земледѣлія и торговли, Сициліяцы содѣлаются соперниками въ торговлѣ Англичанамъ, ибо они перевозятъ товары на своихъ судахъ.

Во внутренности острова бываютъ чрезмѣрные жары, на берегахъ же воздухъ, прохлаждаемый морскими вѣтрами, умѣренъ и здоровъ. Изключая жары въ Іюнѣ, Іюлѣ и Августѣ, въ прочее время года царствуетъ вѣчная весна, и засохшія произрастѣнія вновь облекаются зеленью. Въ лѣтніе мѣсяцы небо всегда ясно, зимою дуютъ сильные вѣтры, и часто бываютъ дожди и грозы, но кратковременно, и въ полдень случается такъ жарко, что должно искать тѣни. Снѣгъ рѣдко, и то на нѣсколько часовъ, падаетъ на горахъ. Не смотря на богатство, народъ живетъ

весьма неопрятно, въ бѣдныхъ каменныхъ домахъ, работаетъ мало и питается большею частію плодами и овощами. Рыбу и морскія раковины предпочитаетъ онъ мясу, которое въ жары совсѣмъ не употребляется въ пищу.

История.

По причинѣ треугольнаго вида Сициліи, Ѳукидидъ именовалъ ее Тринакрія или Трикетра. Сикулы, народъ вышедшій изъ Италіи, дали ему названіе Сициліи. Въ разныя времена населяема она была Греками, пришедшими изъ Наксоса, Колхиды, Коринѳа и другихъ странъ. Большая часть острова принадлежала Карѳагенцамъ, а остальною владѣли независимые Цари. Римляне, призванные Мамертинами противу Гіерона Царя Сиракузскаго и Карѳагенцовъ, его союзниковъ, побѣдивъ послѣднихъ, покорили весь островъ. При паденіи Римской Имперіи Генсерикъ, Король Вандальскій, опустошилъ его. Велизарій, Полководецъ Юстиніана, въ 535 году по Р. Х. возвратилъ его Восточной Имперіи. Въ девятомъ столѣтіи, Сицилія сдѣлалась добычею Сарациновъ, коихъ Емиры обитали въ Палермѣ до 1074 года. Норманцы выгнали Арабовъ, а Рожеръ въ 1139 году основалъ въ Сициліи новое Королевство, бывшее причиною продолжительныхъ войнъ. Рожеръ, побѣдитель Музульмановъ въ Сициліи, съ помощію Грековъ, завоевалъ Неаполитанское Королевство.

Констанція, дочь Рожера, по браку съ Императоромъ Генрихомъ IV въ 1186 году, доставила корону обѣихъ Сицилій Швабскому Дому. Въ послѣдствіи Монфруа, побочный братъ внука Конрада, былъ признанъ наслѣдникомъ, но Графъ д'Анжу, съ благословенія Папы Климента IV, опустошилъ Королевство, и въ 1266 году убилъ Монфруа. Петръ III, Король Аррагонскій, женившись на дочери Монфруа, сдѣлался Королемъ Сициліи и въ 1282 году, въ день Пасхи, по первому звону колокола, всѣ Французы были убиты. Сіе ужасное злодѣяніе, извѣстное подъ именемъ *Сицилійской вечери,* было причиною ссоры, кончившейся истребленіемъ Французовъ.

Исторія сихъ временъ представляетъ двѣ трагическія кончины двухъ Королевъ Іоанны первой и второй. Первая въ день брака убила мужа своего Андрея II. Молодость, красота и политика Папы оправдали ее, но братъ Андрея сорокъ лѣтъ гналъ ее, и Іоанна, состарѣвшись въ несчастіи и угрызеніяхъ совѣсти, подъ желѣзомъ мщенія, пала съ своею короною. Вторая имѣла судьбу Елизаветы Королевы Англинской.

Въ 1713 году по Утрехтскому миру, Сицилія подъ именемъ Королевства отдана Герцогу Савойскому. Въ 1718 году, Филипъ V, Король Испанскій, послалъ флотъ и сухопутную силу взять ее, но Англинскій Адмиралъ Бингъ, разбивъ оный, принудилъ Испанцевъ

возвратиться безъ успѣха. Лондонскимъ миромъ Сицилія отдана Императору Карлу IV, а Герцогъ Савойскій получилъ въ замѣнъ Сардинію. Въ 1735 году Испанцы, въ соединеніи съ Французами, возвратили Сицилію, но въ слѣдующемъ году, по заключеніи мира, Сицилія вмѣстѣ съ Неаполемъ, отдана Донъ Карлосу, старшему сыну Филиппа V, Короля Испанскаго. Когда Донъ Карлосъ, по наслѣдству взошелъ на престолъ Испанскій, то третьему сыну Филиппа, нынѣ царствующему Фердинанду IV, досталась корона обѣихъ Сицилій. Фердинандъ, увлеченный чрезвычайными происшествіями нашихъ временъ, два раза терялъ Неаполь, два раза великодушною помощію Россійскаго Императора возвращалъ его, и нынѣ снова изгнанный, со стоическою твердостію переноситъ свое несчастіе, не оставляя надежды на союзника своего. Фердинандъ, по мѣстному положенію острова, не боится грозныхъ силъ Наполеона. Что бы онъ ни предпринялъ, утвердительно сказать можно, что островъ, хотя и не имѣетъ флота, но защищаемый Королемъ и древнею ненавистью народа къ Французамъ, будетъ имъ камнемъ преткновенія. Узы, связывающія Сицилійцевъ съ Неаполитанцами, не могли уменьшить ненависти, они всегда оставались чуждыми другъ друга, и вотъ другая причина, по которой Наполеонъ найдетъ сильное сопротивленіе. А какъ Неаполь и Мальта не могутъ обойтись безъ Сициліи, откуда получали они хлѣбъ, то по сему от-

ношенію Сицилія опаснѣе Неаполю, нежели Неаполь острову, котораго независимость необходима Англичанамъ; ибо безъ Сициліи они не могутъ властвовать въ Средиземномъ морѣ.

1807-й годъ.

Плаваніе отъ Палермы до Мессины.

6-го Генваря, ночью, оставили мы Палерму, и на всѣхъ парусахъ при умѣренномъ вѣтрѣ поплыли на встрѣчу солнца. Туманъ лежалъ надъ столицею, но когда солнце стало восходить, туманъ поднялся и Палерма видна была на горизонтѣ какъ будто бы въ половину погрузившаяся въ морѣ. При восхожденіи, свѣтъ востока и сумракъ запада производили удивительныя въ тѣняхъ перемѣны. Ночь была темная, луна въ облакахъ, звѣзды не блистали; но когда лучи солнца, по приближеніи его къ краю горизонта отдѣлили волны отъ небесъ и освѣтили одну сторону амфитеатра Сицилійскихъ горъ, востокъ позлатился пурпуровымъ блескомъ, а западъ между тѣмъ былъ еще во мракѣ, который постепенно уступая свѣту, съ появленіемъ солнца вдругъ исчезъ.

Сильный, сѣверный вѣтръ способствовалъ нашему плаванію, которое доставляло намъ еще и то удовольствіе, что шли близко берега. Липарскіе острова и Сицилія, между которыми мы держали, на каждомъ шагу представляли новые предметы и картины. Вѣтръ, дувшій отъ острововъ, приносилъ намъ запахъ померанцовыхъ и цитронныхъ деревъ; но къ вечеру вѣтръ нѣсколько усилился, сдѣлался крутъ и мы должны были лавировать. Въ полночь, когда подошли къ крѣпости Мелаццо, вѣтръ вдругъ упалъ, фрегатъ отъ боя волнъ не поворотилъ, и спускаясь по вѣтру, прошелъ въ нѣсколькихъ только саженяхъ отъ берега. Вышедшихъ на набережную съ фонарями людей, можно было различать по лицу. Передъ свѣтомъ показался пожаръ Стромболи. Мы въ сіе время находились отъ него въ 30 миляхъ и слышали подземный глухой шумъ.

7-го Генваря, прошли благополучно пучины Скиллу и Харибду, и бросили якорь въ Мессинѣ. Частыя разбитія кораблей слабо построенныхъ и еще хуже управлямыхъ, придало симъ пучинамъ сверхъестественную силу, и воображеніе Грековъ, любящихъ говорить баснословно, изобразили ихъ слѣдующею аллегоріею. Гомеръ и Виргилій подъ видомъ двухъ жестокихъ Нимфъ, краснорѣчиво описали ихъ. Скилла Форкова (сына Нептунова) дочь, говорятъ они, любила Главка. Кирка, другая Нимфа, видя, что любовь ея платится

презрѣніемъ, въ источникъ, гдѣ ея соперница имѣла привычку умываться, набросала ядовитыхъ травъ. Скилла, вышедъ изъ воды, сдѣлалась столько безобразною, что устрашась самой себя, въ отчаяніи бросилась въ море. Боги превратили ее въ камень, а море въ пучину, ея именемъ названною. Шумъ воды стихотворцы приписываютъ лаю собакъ и вою волковъ, которые Скиллу въ морѣ окружаютъ.

Мессина.

По мнѣнію Страбона Мессина въ древности называлась Занкле (Zancle). Выгнанные изъ Пелопонеса Мессинцы, поселившись въ немъ, дали городу нынѣшнее названіе. Осада Карѳагенцевъ вмѣстѣ съ Гієрономъ, Царемъ Сиракузскимъ была безуспѣшна, но Пирръ взявъ, разорилъ, городъ до основанія. Римляне, призванные на помощь противу Карѳагенянъ, удержали Мессину за собою, что и было причиною Пуническихъ войнъ.

За два дни до нашего сюда прибытія, появилось въ портѣ множество *Акулъ*. Одна изъ нихъ схватила мальчика, мывшаго ноги на набережной, чрезъ нѣсколько секундъ возлѣ Английскаго фрегата, мальчикъ безъ ноги всплылъ. Послали шлюбку спасти его, но лишь начали подымать, Акула съ яростію выпрыгнула изъ воды и въ одно мгновеніе

вырвала и проглотила. Въ городѣ показывали одну не давно пойманную. Длина сего чудовища была нѣсколько болѣе 6-ти саженъ, подпертая багромъ пасть его, представляла шесть рядовъ зубовъ числомъ до 200, они весьма крѣпки, трегранные и очень острые, послѣдніе четыре ряда лежатъ загнувшись назадъ на подобіе листовъ Артишоковыхъ, зубы верхней челюсти проходятъ въ промежутокъ нижней. Горло такъ обширно, что нѣтъ ни какого сомнѣнія, что Акула, а не Китъ, у котораго горло узко, проглотила Пророка Іону. Въ желудкѣ Акулы, пойманной въ Марсели, нашли цѣлаго человѣка въ полномъ вооруженіи, почему Французы и назвали ее ле Рекенъ (le Requin). Акула часто гоняется за кораблемъ, хватаетъ все, что съ него бросаютъ, и мертвыя тѣла проглатываетъ вдругъ. Она безпрестанно гоняется за рыбью, прожорлива какъ Гіенна, дерзка, смѣла какъ тигръ. Акула опустошила бы моря, если бы зрѣніе ея не притуплялось перепонкою, закрывающею глаза, а верхняя челюсть, будучи длиннѣе нижней, не препятствовала бы ей хватать добычу. Отворяя пасть Акула должна оборачиваться вверхъ брюхомъ, вспрыгивать или ложиться на бокъ, причемъ она не можетъ плыть, а рыба имѣетъ время спастись. Сіи недостатки замѣняются острымъ слухомъ и проворствомъ въ плаваніи.

Для ловли Акулъ употребляется толстой желѣзный крючокъ съ цѣпью въ три аршина. Цѣпь прикрѣпляется къ надежной веревкѣ, завязанной на кормѣ судна. На крюкъ насаживается кусокъ солонины и съ поплавкомъ, не допускающимъ цѣпь упасть на дно, бросаютъ въ море. При паденіи Акула бѣжитъ къ мѣсту по слуху и съ жадностію проглатываетъ примапку, тогда выбрасываютъ веревку. Когда почувствуетъ она, что ее тянутъ за кораблемъ, съ остервененіемъ грызетъ зубами цѣпь, бросается впередъ, опускается въ воду, снова появляется, прыгаетъ, кружится и извергаетъ все, что находилось во внутренности ея. Не прежде подымаютъ ее на корабль, какъ когда она совершенно утомится и изойдетъ кровью; ибо она весьма живуча и разрубленные ея члены шевелятся какъ змѣиные и умирающая ударомъ хвоста можетъ убить человѣка. Мясо ея отвратительнаго вкуса, трудно для варенія желудка, однакожъ Италіянцы, почти сгнившее ѣдятъ его; твердая кожа употребляется на чистку мебелей, а изъ жиру вытапливается худое ворванное сало.

При появленіи Акулъ, обитатели водъ, бѣгутъ, разсѣваются въ разныя стороны. *Прилипало*, здѣсь называемая *Ремора*, одна не боится ихъ, всегда предшествуетъ и играетъ безопасно близь сихъ истребителей рыбнаго рода. Прилипало длиною не болѣе аршина,

имѣетъ на головѣ иглы, обращенныя острыми концами къ хвосту, сею-то частію впиваетcя она въ большія рыбы, даже нападаетъ на Акулъ и прицѣпляется къ камнямъ. Основываясь на сей способности Реморъ, древніе писатели думали, что галера, на коей находился Антоній во время сраженія подъ Акціею, была ими остановлена; равномѣрно и корабль Періандра Коринѳскаго, отправившаго въ Книдъ триста юношей для сдѣланія ихъ скопцами, не могъ также двигаться, не смотря на благопріятство вѣтра; почему въ Книдѣ въ храмѣ Венеры, сихъ Реморъ, (названныхъ кораблеудержателями) чествовали полагая, что они сотворили сіе чудо. Свойство Прилипалы, преслѣдовать всякую рыбу, впиваться въ нее, подало поводъ употреблять ее для ловли другихъ рыбъ, которая извѣстна была древнимъ, и нынѣ, какъ меня увѣряли, употребляется въ Архипелагѣ. Ремора такъ крѣпко впивается въ рыбу, что даже большіе не могутъ отъ нее вырваться, и утомившись всплываютъ вмѣстѣ съ нею на верьхъ.

Плаваніе отъ Мессины до Кастель-Ново.

Принявъ отъ Консула свинецъ и бумагу для патроновъ, оставили Мессину 11-го Генваря. У мыса Спартивенто дожидалъ насъ Англинской фрегатъ *Си-горсъ*, построенный по

образцу Венуса; мы его обогнали при тихомъ вѣтрѣ, когда же оный посвѣжѣлъ, то ушли изъ виду. 15-го съ сильнымъ сѣверо-западнымъ вѣтромъ приближились къ южному проливу Корфы, и уже готовились часа черезъ два увидѣть своихъ знакомыхъ; но здѣсь мы испытали, что въ морѣ впередъ располагать не можно, и вмѣсто Корфы противу воли и желанія угнало насъ въ Кастель-Ново. Захожденіе солнца предвѣщало бурю, черныя облака неслись со всѣхъ сторонъ, луна скрылась за облаками, ни единая звѣзда не сверкала, вдругъ, сильный шквалъ отъ юго-востока принудилъ насъ взять рифы и лавировать, къ полуночи поднялась буря, ночь сдѣлалась мрачна и ужасна. При разсвѣтѣ выбило изъ парусовъ, и мы, не могши войти ни въ сѣверной, ни въ южной проливъ Корфы, принуждены были пуститься по вѣтру въ Адріатическое море.

По восхожденіи солнца, небо прояснилось, море было бѣло какъ снѣгъ, синій паръ носился надъ Албанскими горами, коихъ снѣжныя вершины превышали теченіе облаковъ, фрегатъ подъ однимъ фокомъ, шелъ по 22 версты въ часъ, и отъ столь большаго хода, казался утопавшимъ въ волнахъ. Купеческія суда, шедшія съ нами по одному направленію, отставали точно такъ какъ бы они стояли на мѣстѣ, всѣмъ мы желали *добраго пути!* и неслись мимо, какъ изъ лука стрѣла. Ничто не можетъ сравниться съ удовольствіемъ скораго

плаванія, предметы показываются, идутъ на встрѣчу, летятъ и скрываются, новыя заступаютъ ихъ мѣсто и также скоро утопаютъ въ морѣ. Прошедъ Валону, сѣверо-восточный перемѣнился на прежній юго-восточный вѣтръ, и дулъ съ жестокими порывами; у Дураццо идучи въ полвѣтра, ночью быстро промчались мы мимо нашего флота, по числу фонарей (*) узнали мы Адмиральскій корабль, но какъ порохъ должно было доставить въ Катаро, то мы продолжали тотъ же курсъ и не смотря на *Бору*, темноту и камни, лавируя подъ рифленными марселями; ночью 15-го Генваря бросили якорь у Кастель-Ново. Тутъ нашли мы корабли Петръ, Москву и Параскевію съ 5 мѣлкими судами, подъ командою Капитана 1-го ранга Барятынскаго, которому поручено защищать Катаро. Эскадра, состоящая изъ 5 кораблей, подъ командою Капитанъ Командора Игнатьева, въ началѣ сего мѣсяца прибыла изъ Кронштата на здѣшній рейдъ, и вмѣстѣ съ Адмираломъ отправилась въ Корфу. Симъ усиліемъ флота, желаніе Государя Императора всемѣрно продолжать покровительство сего края, весьма обрадовало народъ и утвердило въ непоколебимой преданности и усердіи къ Россіи.

(*) Флагманскіе корабли ночью освѣщаются положеннымъ числомъ фонарей, по онымъ всегда можно узнать, какого чину на оныхъ корабляхъ находится Адмиралъ.

Взятіе островов Курцало и Брацо.

Непріятель послѣ неудачнаго покушенія взять Кастель-Ново, стоялъ у старой Рагузы и ничего не предпринималъ. Адмиралъ при наступленіи ненастнаго времени оставивъ 2300 нерегулярныхъ войскъ, прочіе распустилъ, но въ случаѣ нужды, оныя помощію телеграфовъ могли узнать объ опасности и въ 24 часа собраться. Оставленные на службѣ Приморцы и Черногорцы, при каждомъ байракѣ (знамѣ), для руководства въ движеніяхъ имѣли по одному Офицеру и нѣсколько рядовыхъ. 4-го Октября, дабы увѣриться въ какихъ силахъ находится непріятель, и, если слухи справедливы, что оный отступаетъ, занять Рагузу. Митрополитъ, взявъ нерегулярныя войска и 13-й егерьскій полкъ, выступилъ къ Старой Рагузѣ; Адмиралъ съ 4-ю кораблями тудаже прибылъ; но Французскія войска въ тѣхъ же силахъ стояли въ укрѣпленномъ лагерѣ; почему Митрополитъ въ легкихъ перестрѣлкахъ взявъ нѣсколько плѣнныхъ, безъ потери возвратился въ Кастель-Ново. Впрочемъ по близкому пребыванію непріятеля происходили частыя стычки и безпрестанныя упражненія войскъ, въ которомъ наши имѣли преимущество и всякой почти день приводили плѣнныхъ. Малое число войскъ нашихъ, отдаленность отъ отечества, откуда не было надежды скоро получить помощь, не позволяли предпринять что

либо важное; не льзя было помышлять о пріобрѣтеніяхъ; сбереженіе силъ для защиты провинціи было лучшимъ и необходимымъ средствомъ; но какъ въ Далмаціи искра возмущенія тлѣлась подъ пепломъ, то и Французы опасались напасть на насъ, и какъ война въ Пруссіи уже началась, то оба войска оставались въ бездѣйствіи, ожидая рѣшенія участи юга отъ событій на Сѣверѣ.

Французскій Посолъ при портѣ, Генералъ Сабастіани, успѣлъ воспользоваться заключеннымъ Убріемъ миромъ, Диванъ вопреки договора съ Россіею смѣнилъ Господарей Молдавіи и Валлахіи; сіе могло сдѣлаться поводомъ новой войны, и положеніе войскъ нашихъ въ Катаро было бы гораздо затруднительнѣе; однакожъ когда Государь не утвердилъ Убріева мира, а Сенявинъ разбилъ Мармонта, то Порта, удовлетворивъ справедливое требованіе нашего Двора, еще на нѣкоторое время удержалась съ Россіею и Англіею въ союзѣ. Адмиралъ, полагаясь на сей союзъ, усиливъ гарнизоны Катарской области 6-ю ротами 14-го егерскаго полка, предложилъ сдѣлать Экспедицію, не возможно ли будетъ овладѣть островами Курцало, Лезино, Брацдо и утвердить тамъ постъ, дабы жители Далмаціи, желающіе и давно ищущіе быть подданными Россійскаго Императора, не могли перейти въ чужіе руки, въ такомъ случаѣ когда Французы не получатъ успѣха въ Пруссіи и должны будутъ оставить Далмацію.

Въ слѣдствіе сего 26 Ноября Главнокомандующій, посадивъ на корабли Селафаилъ, Елену, Ярославъ, фрегатъ Кильдюинъ, на 2 транспорта и 5 Бокезскихъ Корсеровъ, два баталіона Егерей, съ 150 человѣками лучшихъ Черногорскихъ и Приморскихъ стрѣлковъ, отправился къ острову Курцало. Чтобы не вредить домовъ и не убивать безвинныхъ жителей, Адмиралъ приказалъ, проходя крѣпость, не начинать прежде пальбы, пока не откроетъ оной непріятель; но коль скоро 27-го Ноября первой корабль поровнялся съ крѣпостью, Французы открыли огонь. Каждое судно проходя выстрѣлило по крѣпости по два и по три заряда на пушку. Пройдя за выстрѣлъ, эскадра стала на якорь. 28 предложена была капитуляція; но Французскій Комендантъ не согласился и сказалъ, что жителей не онъ, а мы должны беречь.

29 числа на разсвѣтѣ, войска числомъ 1019 человѣкъ, высажены въ 4 верстахъ отъ крѣпости. Составя три колонны подъ командою Полковника Боаселя, Бобоѣдова и Подполковника Велисарева, подъ личнымъ предводительствомъ Адмирала, войска напали на редутъ, стоявшій при монастырѣ *Сентō Біаджіо*, прикрывающій крѣпость. Сей редутъ съ одной стороны, откуда былъ нѣсколько приступнѣе, защищался 2 пушками, съ другой крѣпостными батареями. Французы, отойдя отъ редута шаговъ на 300 впередъ, залегли за каменьями; Черногорцы подползли къ нимъ,

первые открыли огонь, и по обыкновенію своему тотчасъ отступили; Французы устремились за ними; но примѣтя, что наши егери старались напасть на нихъ во фланги, остановились, построились и отважно бросились на первую колонну. Храбрый Полковникъ Бобоѣдовъ, принялъ ихъ сильнымъ огнемъ, ударилъ въ штыки и въ тоже время подкрѣпленный колонною морскихъ солдатъ, обратилъ ихъ въ бѣгство. При семъ случаѣ Полковникъ Бобоѣдовъ, роты его Штабсъ-Капитанъ и Поручикъ были ранены, и какъ рота нѣсколько отъ сего разстроилась, то Французы, искавшіе уже убѣжища въ редутѣ, устремились опять на насъ, но братъ Митрополита Савва Петровичъ съ Черногорцами, Приморцами и нѣсколькими егерями, отмѣнно храбро и скоро ударилъ непріятелю въ лѣвой флангъ и заключилъ его въ редутъ. Французы защищались въ немъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ и картечью. Матрозы втащили на высоту два горныхъ орудія, коими по немногихъ удачныхъ выстрѣлахъ подбили у обоихъ непріятельскихъ пушекъ станки; тогда рота Морскаго полка, Полковника Боаселя, у которой въ ту минуту убило Капитана, съ яростію бросилась на редутъ, потомъ и прочія съ усиліемъ вломились въ ворота, и тѣмъ довершили дѣло. Французы бѣжали въ крѣпость. Морской роты фельдфебель Харитоновъ первый вошелъ въ редутъ.

30 Ноября, корабль Ярославъ, съ вооружен-

женными гребными судами, открылъ огонь по крѣпости, въ тоже время и войска напали съ сухопутной стороны. Французы отвѣтствовали пушечными и ружейными выстрѣлами, но чрезъ нѣсколько минутъ замолчали, спустили флагъ и подняли бѣлой. По сигналу пальба прекратилась. Французскій гарнизонъ вышелъ, положилъ ружье, и сдался на власть. За нѣмъ наши войска, вошли церемоніально въ крѣпость и подняли Императорскій Россійскій флагъ (*). Въ плѣнъ взято: Полковникъ Орфенго, 13 Штабъ и Оберъ-Офицеровъ и 389 рядовыхъ 81 полка, убитыхъ на мѣстѣ 6 Офицеровъ и 150 солдатъ, раненыхъ Офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 45, всего 607 человѣкъ. Потеря наша убитыми: Офицеровъ 3, солдатъ и Черногорцевъ 21, ранено Штабъ и Оберъ-Офицеровъ 9, нижнихъ чиновъ 66. Въ крѣпости получено въ добычу пушекъ 14 съ довольнымъ количествомъ пороха и снарядовъ. Во избѣжаніе затрудненія въ содержаніи плѣнныхъ, отправлены они на честное слово не служить до размѣна находящихся во Франціи, чинъ за чинъ, здоровые въ Анкону, а раненые въ Спалатру.

2 Декабря, корабль Москва доставилъ еще 100 человѣкъ Черногорцевъ. Главнокоман-

(*) Всѣмъ нижнимъ чинамъ за взятіе острова Курцало Государь ИМПЕРАТОРЪ соизволилъ пожаловать по рублю на человѣка.

дующій, оставя въ крѣпости 2 роты и для прикрытія корабль Елену, прочія войска забралъ на корабли и 8 съ попутнымъ вѣтромъ, обошедъ островъ Лезино, между онымъ и островомъ Брацо 10 Декабря сталъ на якорь. Корабли проходя батарею, находившуюся на мысу противъ острова *Сольта*, сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ. Тотчасъ высажено было 400 человѣкъ егерей, подъ командою 14 егерьскаго полка Капитана Романовича. Черногорцями и Приморцами командовалъ Мичманъ Фад. Тизенгаузенъ. Французы заняли два высокіе холма близъ батареи. Капитанъ Романовичъ, раздѣливъ отрядъ на четыре части, напалъ на непріятеля столь быстро, что Французы, видя себя отрѣзанными, послѣ малой перестрѣлки положили ружье. Дѣло кончено безъ всякой съ нашей стороны потери. Въ плѣнъ взято: Офицеровъ 4, солдатъ 79, на батареи получено пушекъ 18 фунтовыхъ 4. Здѣсь должно замѣтить, что Черногорцы отличились не только храбростію, но повиновеніемъ и человѣколюбіемъ. Они первые по извѣстной ихъ расторопности подобрались къ Французамъ, которые хотя были ихъ безсильнѣе; но дерзнули открыть огонь; въ семъ случаѣ поправамъ ихъ войны, Черногорцы могли поступать съ ними жестоко; но оказали удивительную кротость, и такъ что взявъ нѣсколькихъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ командовавшаго Французскимъ отрядомъ Капитана Бюре, ни одного не убили и ни чѣмъ не оби-

дѣли. Сей походъ сдѣлался сказкою между Черногорцами, и они, до сихъ поръ не видавъ болѣе воды, кромѣ одного Скутарскаго озера, получили охоту на корабляхъ плавать въ море; сіи избранные возвратились домой, расказали чудеса своимъ друзьямъ, и ласки Адмирала къ нимъ во время похода оказанныя, еще болѣе привязали къ нему весь народъ. Поэты ихъ составили на сей случай пѣсню, въ которой имя Сенявина, и другихъ храбрѣйшихъ начальниковъ, передается потомству и соединяетъ, такъ сказать, имя Русскаго съ Славянскимъ.

Завладѣніе островомъ Лезино, сильно укрѣпленнымъ и имѣющимъ достаточной гарнизонъ, стоило бы большей жертвы. Но когда Адмиралъ готовился приступить и къ нему, бригъ Бонасортъ доставилъ отъ Гр. Моцениго увѣдомленіе, что Али-Паша занялъ Превезу, призвалъ къ себѣ эскадру Шереметъ-бея и движеніями войскъ своихъ угрожаетъ Корфу. По стеченію таковыхъ обстоятельствъ, Адмиралъ принужденъ былъ оставить намѣреніе свое соединить силы для защищенія Іонической Республики, по чему 11 Декабря разоривъ батарею на Браццо, и утвердивъ тутъ морской постъ, какъ ближайшій къ Спалатро, возвратился въ Курцало.

Сраженіе Брига Александра съ Францускою флотиліею.

Бригъ Александръ оставленъ былъ у острова Брацо для наблюденія непріятеля и для прекращенія сообщенія Спалатры съ островомъ Лезино. Генералъ Мармонтъ, узнавъ, что одинъ бригъ, имѣющій двѣнадцать 4-хъ фунтовыхъ пушекъ и 75 человѣкъ экипажа, занимаетъ столь важный постъ, выслалъ изъ Спалатры 5 канонерскія лодки, одну тартану, именуемую *Наполеонъ* и одну требаку, посадивъ на оныя столько солдатъ, сколько помѣстить было можно. Лодки вооружены были двумя орудіями 18 фун. калибра и нѣсколькими фалконетами; тартана Наполеонъ одна была сильнѣе нашего брига, она имѣла на носу двѣ 18 фун. пушки и шесть 12 фунтовыхъ по бортамъ.

16 Декабря, доброхотные къ намъ жители, узнавъ о намѣреніи непріятеля, предупредили Командира брига Лейтенанта Ив. Сем. Скаловскаго, и обѣщали ему на берегу острова Сольта зажечь столько огней, сколько лодокъ выдетъ изъ Спалатро. Для сдѣланія сего сигнала они оставили въ Спалатро двухъ своихъ товарищей. Получа сіе извѣстіе, бригъ пріуготовленъ былъ къ принятію непріятеля какъ должно особенно на абордажъ. Около полуночи, Гардемаринъ, бывшій въ объѣздѣ, объявилъ, что отъ стороны Спалатро идутъ нѣсколько судовъ, и въ тоже время

на берегу зажгли пять огней. Дабы предупредить непріятеля нечаяннымъ нападеніемъ, бригъ вступилъ подъ паруса. Ночь была прекраснѣйшая, небо ясно и свѣтлая луна была во всемъ блескѣ. Къ сожалѣнію вѣтръ былъ очень тихъ и бригъ нашъ, не успѣвъ обойти западной оконечности острова Брацо, встрѣтился съ непріятельскою флотиліею. Скаловскій приказалъ придержаться къ оной какъ можно ближе и обратившись къ людямъ своимъ сказалъ: „въ числѣ лодокъ есть по названію Наполеонъ, ребята! помните, что вы имѣете честь защищать имя Александра. Если я буду убитъ, не сдавайтесь пока всѣ не положите свои головы!“ съ Богомъ начинай! Храбрый Скаловскій пустивъ по лодкамъ полный залпъ, приказалъ остановить пальбу; непріятель симъ поощренный, на парусахъ и веслахъ, производя жестокой огонь изъ ружей и пушекъ, шелъ прямо къ борту, дабы взять бригъ абордажемъ. Скаловскій подпустивъ Французовъ на ближній свой картечный выстрѣлъ, открылъ безпрерывной огонь, и лодки тотчасъ стали отходить, стараясь держаться за кормою брига; но оный обращаясь къ нимъ то одною, то другою стороною, поражалъ ихъ сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, что по причинѣ многолюдства, произвело на лодкахъ большое смятеніе. Чрезъ часъ по начатіи сраженія, сдѣлалось совсѣмъ тихо; бригъ не могъ маневрировать, а лодки при помощи веселъ напали на него съ кормы,

гдѣ два фалконета и нѣсколько стрѣлковъ противупоставляли самое слабое сопротивленіе. Сіе невыгодное положеніе не могло поколебать мужественнаго Скаловскаго; онъ приказываетъ Мичману Л. А. Мельникову барказомъ буксировать бригъ и обратить его бортомъ къ непріятелю. Подъ градомъ пуль и картечь, въ продолженіи двухъ часовъ Мельниковъ съ точностію исполняетъ опасное и смѣлое сіе порученіе. Лодки, будучи очень близки, нѣсколько разъ покушались пристать къ борту, но всякой разъ были отражаемы, и продолжали сражаться въ самомъ близкомъ разстояніи. Наконецъ послѣ трехъ часовъ упорнѣйшей битвы, Наполеонъ потерялъ гротъ мачту (большую), другая лодка со всѣми людьми пошла ко дну, прочія также весьма поврежденныя начали отступать; бригъ помощію буксира преслѣдовалъ ихъ, пока они на веслахъ не вышли изъ его выстрѣловъ. Еслибъ несовершенной штиль, флотилія непремѣнно была бы истреблена или взята. Храбрый Скаловскій, всѣ его Офицеры и команда получили отличное Монаршее награжденіе. На бригѣ убитыхъ было 5, раненыхъ 7 человѣкъ; корпусъ его, паруса и снасти были избиты какъ рѣшето. Непріятель, по вѣрнымъ свѣденіямъ потерялъ 217 человѣкъ убитыми, ранеными и потонувшими. Остальныя 4 лодки, особенно Наполеонъ, такъ были повреждены, что еслибъ изъ Спалатро,

не высланы были на встрѣчу гребныя суда, то они не дошли бы до порта.

Мармонтъ столько увѣренъ былъ въ побѣдѣ, что онъ предупредилъ дамъ, бывшихъ у него на балѣ, что бы они не пугались пальбы, что онъ завтра сдѣлаетъ имъ нечаянный подарокъ *Александромъ* Россійскимъ бригомъ, и всѣ его гости пили за здоровье Французскихъ войскъ. Но по разсвѣтѣ нещастный его Наполеонъ, съ 3 лодками, пришелъ весь избитый и въ гавани потонулъ. Онъ столько огорченъ былъ сею неудачею, что Командора флотиліи Артиллеріи Капитана и всѣхъ Офицеровъ арестовалъ, посадилъ въ крѣпость и отдалъ подъ судъ.

Изъ экипажа сего брига матрозы Устинъ Өедоровъ и Іевлей Аөанасьевъ особенно отличились. Первый, будучи раненъ пулею въ ногу, не хотѣлъ итти къ Лѣкарю и перевязавъ рану платкомъ, продолжалъ стрѣлять до тѣхъ поръ, пока другая пуля не пробила ему лѣвую руку. Нѣтъ ничего, сказалъ Өедоровъ, у меня есть еще правая рука, и перевязавъ раны вышелъ на верхъ, взялъ саблю и оказывалъ великое желаніе, чтобы Французы отважились на абордажъ. Аөанасьевъ былъ раненъ картечью въ ногу; когда ему рану перевязали, хотя онъ и ослабѣлъ отъ истеченія крови, но возвратившись къ своей пушкѣ, сказалъ удивленнымъ товарищамъ: „стыдно сидѣть внизу, помните, что сказалъ Иванъ Семеновичъ, не сдаваться пока не положимъ

своихъ головъ, а у меня она слава Богу еще цѣла; но съ словомъ симъ онъ пораженъ былъ щепою въ голову и упалъ безъ чувствъ. Юнга (къ сожалѣнію моему не сообщено мнѣ имя его) мальчикъ лѣтъ 12, во все сраженіе заряжалъ свою пушку, стоя за бортомъ совершенно открытъ, съ такою веселостію, какъ бы это было въ простомъ ученьи. Капитанъ замѣтилъ сіе, и послѣ сраженія похваливъ его храбрость, спросилъ, не ужели онъ ничего не боялся? чего бояться Ваше Благородіе, отвѣчалъ юнга, вить двухъ смертей не бываетъ, а одной не миновать; еслибы Французы не бѣжали, мнѣ бы своей не уберечь.

Анекдоты и военный пиръ.

1.) Великодушіе и примѣрная честность 13 егерскаго полку, роты Капитана Товбичева рядоваго *Ивана Ефимова* обратили на себя вниманіе непріятельскаго начальства. Въ сраженіи 5 Іюня 1806 года подъ Рагузою Французскій солдатъ, взятый нашимъ егеремъ въ плѣнъ, былъ отнятъ Черногорцами, которые, по своему обыкновенію, хотѣли отрѣзать ему голову. Егерь бранился, просилъ, уступалъ даже имъ плѣннаго съ тѣмъ, что бы они оставили его живымъ и увѣрялъ, что за него, по обѣщанію Адмирала, дадутъ имъ въ главной квартирѣ червонецъ. Все напрасно, сняли съ Француза галстукъ, положили на землю и уже мечъ блеснулъ надъ головою несчастнаго. Ве-

ликодушный Ефимовъ, видя, что не можетъ одинъ защитить его, употребляетъ послѣднее убѣжденіе, снимаетъ съ креста свои деньги, отдаетъ ихъ и говоритъ: „вотъ вамъ все, что у меня есть; но если кто изъ васъ осмѣлится зарѣзать моего плѣнника, того перваго посажу на штыкъ; вы должны будете убить послѣ него и меня. Подумайте только, какой грѣхъ убить своего брата: Митрополитъ проклянетъ васъ!" набожные Черногорцы содрогнулись при сихъ послѣднихъ словахъ, взяли деньги и полумертвый отъ страха Французъ сданъ Егеремъ въ главную квартиру. Плѣнный сей содержался на кораблѣ *Св. Петрѣ.* Спустя нѣкоторое время егерь пріѣзжаетъ на этотъ корабль къ землякамъ въ гости. Французъ встрѣчается съ нимъ, узнаетъ его, бросается къ нему на шею, обнимаетъ, называетъ своимъ избавителемъ, потомъ оставляетъ его, бѣжитъ внизъ и возвратившись въ минуту, убѣждаетъ принять въ знакъ благодарности выработанные имъ на кораблѣ два талера. Егерь не принимаетъ ихъ; никто не можетъ понять, что это значитъ; наконецъ призываютъ Гардемарина, говорившаго по Французски, который объясняетъ все дѣло. Егерь не утверждая и не отрицая, что заплатилъ за Француза свои деньги, сказалъ только: „можетъ быть онъ и ошибается." Французъ клянется, что онъ и въ сорока милліонахъ Рускихъ узналъ бы его; что лице его избавителя столь же ему памятно какъ

и лице его любовницы. Тогда егерь сказалъ со всею скромностію: „если я спасъ его отъ смерти и заплатилъ за то кровныя свои деньги; то не съ тѣмъ, что бы думалъ воротить ихъ назадъ; теперь онъ плѣнной и имѣетъ въ нихъ гораздо болѣе нужды, чемъ я. Я доволенъ и тѣмъ, что онъ меня помнитъ; когда же ему случится взять плѣннаго, то пусть поступитъ такъ, какъ Руской поступилъ съ нимъ." По размѣнѣ плѣнныхъ, избавленный Егеремъ Французскій солдатъ, увидѣвъ, что Рускіе содержатся у нихъ не лучше преступниковъ, явился къ Мармонту и сказалъ: „Генералъ! я былъ въ плѣну у Рускихъ и могу увѣрить васъ, что они насъ содержали точно какъ своихъ, или лучше, мы были у нихъ въ гостяхъ; сверхъ того одинъ егерь избавилъ меня отъ смерти, заплатилъ за меня Черногорцамъ всѣ свои деньги, а отъ меня не хотѣлъ взять ничего." Мармонтъ, желая поощрить и впредь къ таковымъ поступкамъ, прислалъ для врученія егерю 100 наполеондоровъ. Въ Приказѣ по арміи объявлено было: если кто заплатилъ за плѣннаго нѣсколько своихъ денегъ, то съ вѣрными доказательствами явился бы для полученія оныхъ. Прошло два мѣсяца и никто не являлся; наконецъ приходитъ корабль *Св. Петръ;* отыскиваютъ егеря и представляютъ Адмиралу. Дмитрій Николаевичь спросилъ: почему онъ не пришелъ прежде? Егерь отвѣчалъ: „я не имѣлъ доказательствъ,

когда отдалъ, деньги, кромѣ Бога, никого не было свидѣтелей; впрочемъ я былъ увѣренъ, что Ваше Превосходительство сыщете меня." Адмиралъ похваливъ его поступокъ, отдалъ ему въ сверткѣ сто наполеондоровъ и сказалъ: „Французскій Генералъ прислалъ это тебѣ въ награжденіе." Егерь принялъ, развернулъ и спросилъ у Адъютанта, что это за деньги и сколько въ одномъ золотомъ червонцевъ? Адъютантъ отвѣчалъ ему: *два*. Егерь попросилъ размѣнять ему одинъ, потомъ взявъ изъ своей суммы 15 червонцевъ и обратившись къ Адмиралу, сказалъ: „я беру только свои деньги, а чужихъ мнѣ не надобно." Адмиралъ, тронутый таковою честностію и благородствомъ, замѣнилъ наполеондоры червонцами, прибавилъ, къ 200 нѣсколько своихъ и сказалъ: „возьми, не Французской Генералъ, а я тебѣ дарю; ты дѣлаешь честь Рускому имени; ты достоинъ сей награды и сверхъ того жалую тебя въ Унтеръ-офицеры."

2.) 19-го Сентября, при отступленіи къ *Кастель-Нову*, Подпорутчикъ Витебскаго полку Арбеневъ былъ взятъ въ плѣнъ Французскимъ Штабъ-Офицеромъ, который велъ его въ сторону отъ сражающихся. На дорогѣ, въ кустахъ, лежалъ раненой Гренадеръ Колыванскаго полка. Французскій Офицеръ просилъ Арбенева, что бы онъ приказалъ ему бросить ружье, но солдатъ вмѣсто отвѣта прицѣливается и убиваетъ непріятеля. Въ сіе время герскій полкъ, прикрывавшій отступленіе,

остановился; Арбеневъ имѣлъ время и хотѣлъ отнести Гранодера въ безопасное мѣсто. „Не безпокойтесь, Ваше Благородіе! сказалъ Гренадеръ, я тяжело раненъ и чувствую, что скоро умру; не мѣшкайте напрасно: непріятель близко, спасайте себя; а за мою душу отслужите панихиду.“ Арбеневъ побѣжалъ назадъ, собралъ нѣсколько людей своего полка, встрѣтился по счастію съ лѣкаремъ, воротился съ нимъ и нашелъ на томъ же мѣстѣ своего избавителя, отъ истеченія крови лишившагося уже памяти. Лѣкарь перевязалъ рану; Арбеневъ положивъ раненаго на шинель, приказалъ отнести въ свою квартиру и послѣ самъ за нимъ присматривалъ. Адмиралъ, узнавъ о семъ, удостоилъ Арбенева своимъ посѣщеніемъ, поручилъ солдата искуснѣйшему врачу, и хотя онъ имѣлъ двѣ тяжелыя раны, однако выздоровѣлъ.

3.) Лейтенантъ Н. В. Коробка, отправленный отъ Капо-Често (что между Себенико и Спалатро) на одной призовой требакѣ въ Катаро, 16 Ноября 1806 года встрѣтился съ двумя Французскими корсерскими лодками близъ гряды островов, составляющихъ каналъ Каламото. Ни бѣжать, ни защищаться не было возможности. Грузъ судна стоилъ 80.000 рублей, а потому и должно было ожидать, что хозяинъ онаго не упуститъ столь удобнаго случая къ своему освобожденію. Лейтенантъ полагалъ себя на вѣрное плѣнымъ

и хотѣлъ было уже приготовить шесть человѣкъ своихъ матрозовъ покориться судьбѣ. Шкиперъ Пауло, замѣтивъ его смятеніе и послушавъ совѣта товарища своего Наталь-Калагариса, подошелъ въ Коробкѣ и сказалъ: „возвратите мнѣ мои бумаги, а сами, съ людьми вашими, спрячтесь въ трюмъ и положитесь вовсемъ на меня." Между тѣмъ корсеръ приближился, сдѣлалъ выстрѣлъ и Пауло отправился къ нему на лодку. Начальникъ оной, посмотрѣвъ пашпортъ, совѣтовалъ Пауло беречься Рускихъ, потомъ отпустилъ его и самъ возвратился къ берегу. Пауло съ радостнымъ лицемъ входитъ въ каюту, гдѣ сидѣлъ Лейтенантъ, бросается къ нему на шею, цѣлуетъ у него руку и говоритъ: „я безпокоился больше объ васъ, нежели сколько думалъ о своихъ выгодахъ. Славу Богу! вы теперь свободны, а я опять вашъ плѣнникъ." При сихъ словахъ подалъ онъ Лейтенанту полученныя отъ него бумаги. „Лучше, продолжалъ шкиперъ, хочу зависѣть отъ великодушія вашего начальника, нежели быть освобожденну Францускимъ корсеромъ." Сенявинъ, умѣющій цѣнить благородные и великодушные поступки, получа о семъ произшествіи рапортъ, тотчасъ на оборотѣ онаго написалъ: „требаку съ „грузомъ возвратить шкиперу; отдать на „волю его выбрать портъ, въ коемъ могъ „бы онъ выгоднѣе продать оный; за освобо„жденіе Офицера и людей выдать въ награ„жденіе 200 червонцевъ и дать открытый

„листъ для свободнаго пропуска во всѣ бло-„кированныя гавани, куда бы шкиперъ ни по-„желалъ.“

4.) Сей поступокъ Адмирала скоро сдѣлался извѣстнымъ во всей Италіи. Одно Рагузинское судно, возвращаясь изъ Смирны встрѣтилось съ Австрійскимъ. Шкиперъ послѣдняго, увѣдомивъ Рагузинца, что Рагуза осаждена нашими войсками, совѣтовалъ ему отдаться добровольно непріятелямъ Рускимъ, нежели идти къ друзьямъ Французамъ. Рагузинецъ пришелъ прямо въ Кастель-Ново, спустилъ флагъ, отдался въ плѣнъ и не ошибся въ своемъ расчетѣ. Адмиралъ и его судно, стоившее около 300,000 руб. освободилъ, приказалъ отыскать и доставить къ нему его семейство, удалившееся на острова.

5.) При взятіи острова Курцало корветъ Днѣпръ подъ командою Лейтенанта Бальзама былъ посланъ въ Спалатро для отвоза раненыхъ Французовъ съ такимъ отъ Адмирала повелѣніемъ, что бы подъ разными предлогами не сниматься съ якоря и, ежели будетъ возможность, взять приверженнаго къ Россіи Славянина. По прибытіи въ Спалатро, командиръ корвета, сдавъ плѣнныхъ, просилъ позволенія налиться водою и купить для экипажа свѣжихъ запасовъ, которыми тотъ же вечеръ и былъ снабженъ, а воду обѣщались доставить на другой день. На утро, у острова Брацо, показался нашъ флотъ. Мармонтъ, чрезъ начальника своего штаба призвавъ къ

себѣ Г. Бальзама, спросилъ: какія эту суда и какое ихъ намѣреніе. На отвѣтъ, что то былъ Россійскій флотъ, Мармонтъ съ сердцемъ объявилъ ему, что сдѣлаетъ его военноплѣннымъ, потому что Сенявинъ нападаетъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находится переговорное команды его судно. Однако великодушный Французскій Маршалъ обѣщалъ отпустить Лейтенанта, если Сенявинъ возвратитъ ему взятыя имъ въ Брацо пушки и Французовъ, и приказывалъ Бальзаму написать о томъ къ Адмиралу. Бальзамъ отвѣчалъ, что не можетъ дѣлать предложеній сего рода своему Главнокомандующему; Мармонтъ, недовольный такимъ отвѣтомъ Лейтенанта, сказалъ ему, чтобы онъ послалъ повелѣніе старшему по немъ Офицеру ввести корветъ въ гавань. Бальзамъ вмѣсто сего увѣдомилъ Мичмана Коваиьку, что онъ задержанъ и приказывалъ ему во чтобы ни стало удалиться скорѣе отъ порта. Ковањко подъ разными предлогами увѣрялъ Капитана надъ Спалатрійскимъ портомъ, что не можетъ войти въ гавань; когда же подулъ легкій вѣтерокъ, при которомъ если не могъ выдти, то могъ съ выгодою напасть на Французскую гребную флотиллію, послалъ къ Мармонту письмо слѣдующаго содержанія: „Если вы, Г. „Генералъ, неуваженіемъ къ переговорному „флагу нарушаете народныя права, и если „начальникъ мой не будетъ освобожденъ; то „я задержу суда ваши и могу сжечь стоя-

„щія въ портѣ. Только полчаса будутъ ожи-„дать вашего отвѣта“ и проч. Мармонтъ увѣрясь, что Мичманъ получилъ противное приказанію его наставленіе, сердился, угрожалъ, но Бальзамъ спокойно отвѣчалъ ему, что Французскій Генералъ не можетъ давать Рускому Офицеру никакихъ приказаній; что онъ сдѣлалъ то, что каждый приверженный къ своему Государю Офицеръ и самъ онъ (Мармонтъ) обязанъ былъ въ такомъ случаѣ сдѣлать. Симъ отвѣтомъ, казалось, Мармонтъ смягчился и пригласилъ Лейтенанта къ своему столу, гдѣ спрашивали его о числѣ и рангѣ нашихъ судовъ и удивлялись, что въ такое позднее время Сенявинъ не страшился бурь Адріатическаго моря. Наконецъ Мармонтъ, взявъ съ него честное слово пріѣхать на другой день къ нему на завтракъ, отпустилъ. Бальзамъ, видя съ какимъ Генераломъ имѣетъ дѣло, почелъ и себя въ правѣ нарушить данное обѣщаніе, и по прибытіи на корветъ, сдѣлалъ всѣ пріуготовленія къ снятію съ якоря, долженствовавшаго послѣдовать по захожденіи луны около полуночи; но сильный противный вѣтръ въ томъ ему воспрепятствовалъ и онъ былъ принужденъ, по второму позыву Мармонта, ѣхать опять на берегъ, сдавъ однако до того на законномъ основаніи корветъ Мичману Кованькѣ съ предписаніемъ при первомъ благополучномъ вѣтрѣ сняться съ якоря и стараться соединиться со флотомъ. По окончаніи завтрака, Бальзамъ представляя Мар-

монту, что онъ удерживаетъ его противъ всѣхъ воинскихъ правилъ, просилъ позволенія удалиться съ корветомъ. Наконецъ, послѣ многихъ препятствій и угрозъ и, какъ думать должно, по совѣту другихъ Генераловъ, Мармонтъ отпустилъ Бальзама и корветъ соединился со флотомъ на высотѣ Курцало.

б.) Сколько перемѣнился характеръ Французовъ, славящихся просвѣщеніемъ и извѣстныхъ до революціи особенною вѣжливостію, доказываютъ нѣкоторымъ образомъ поступки ихъ съ плѣнными. Солдаты наши, возвратившіеся изъ Далмаціи, расказывали слѣдующее: ихъ содержали какъ преступниковъ въ тюрьмѣ, морили голодомъ, отнимали то, что жители изъ человѣколюбія имъ приносили, и такими средствами принуждали вступать въ службу. Съ Офицерами не лучше поступали. Мичманъ Галичъ и Гардемаринъ Козырской, не смотря на нѣжный возрастъ послѣдняго, лишенные обуви, а частію и одежды, шли чрезъ всю Далмацію босикомъ и терпѣли неслыханныя отъ солдатъ наглости. Дабы увѣрить жителей, что войска наши разбиты и Катаро взято, тѣхъ же самыхъ 60 человѣкъ плѣнныхъ выводили ночью тайно изъ тюрьмы, а днемъ, при барабанномъ боѣ, водили для показу чрезъ городъ. Я умолчу о другихъ поступкахъ, ибо и сіи ничемъ неизвинительны, тѣмъ болѣе, что нисколько они не сходствовали со снисхожденіемъ къ ихъ плѣннымъ, и можно со всею достовѣрностію ска-

зать, что у нынѣшнихъ Французовъ право военноплѣнныхъ не существуетъ.“

Нѣчто изъ переписки.

Изъ переписки Адмирала съ Французскими Генералами намѣренъ я сообщить читателямъ два только письма, ясно обнаруживающія поступки и духъ приверженцевъ Наполеона. Лористонъ, разбитый и осажденный въ Рагузѣ, жаловался Сенявину на жестокость нашихъ солдатъ и предлагалъ ему, что бы онъ приказалъ Черногорцамъ и Приморцамъ удалиться въ свои границы. Вотъ отвѣтъ на сіе нелѣпое предложеніе.

Г. Генералъ Лористонъ!

Въ письмѣ вашемъ отъ 27 Маія жалуетесь вы на жестокость моихъ солдатъ, слѣдственно Руских. Вы такъ ошибаетесь Г. Генералъ, что я почитаю совершенно излишнимъ опровергать сказанное вами, а сдѣлаю одно только замѣчаніе, какъ содержатся у насъ и у васъ плѣнные. Ваши Офицеры и солдаты могутъ засвидѣтельствовать съ какимъ человѣколюбіемъ обходимся мы съ ними; напротивъ того у нашихъ, которые иногда по несчастію дѣлаются вашими плѣнными, отнимаютъ платье, даже сапоги: нѣсколько изъ моихъ солдатъ, освобожденныхъ при вторичномъ взятіи Курцало, могутъ убѣдить васъ въ сей истинѣ; я самъ былъ тому очевидцемъ.

„О Черногорцахъ и Приморцахъ считаю нужнымъ дать вамъ нѣкоторое понятіе. Сіи воинственные народы очень мало еще просвѣщенны; однако же никогда не нападають на дружественныя и неутральныя земли, особенно безсильныя. Но когда увидѣли они, что непріятель приблизился къ ихъ границамъ съ намѣреніемъ внесть огнь и мечь въ ихъ доселѣ мирныя хижины, то ихъ справедливое негодованіе, ихъ ожесточеніе простерлось до такой степени, что ни моя власть, ни внушенія самаго Митрополита не въ состояніи были удержать ихъ отъ Азіатскаго обычая: не просить и не давать пощады, рѣзать головы взятымъ ими плѣнникамъ. По ихъ воинскимъ правиламъ оставляютъ они жизнь только тѣмъ, кои не вступая въ бой, отдаются добровольно въ плѣнъ, что многіе изъ вашихъ солдатъ, взятыхъ ими, могутъ засвидѣтельствовать. Впрочемъ и Рагузцы, служащіе подъ вашими знаменами, поступаютъ точно также какъ и Черногорцы.

„Признаюсь, Г. Генералъ, я не вижу конца несчастіямъ, которыя нанесли вы области Рагузской, и тѣмъ еще болѣе, что вы принуждая жителей сражаться противу насъ, подвергаете ихъ двойному бѣдствію... одно средство прекратить сіи несчастія — оставьте крѣпость, освободите народъ, который до вашего прибытія пользовался неутралитетомъ и наслаждался спокойствіемъ, и тогда только

можете вы предложить, что бы Черногорцы возвратились въ домы, и проч.

Д. Сенявинъ.

Когда, при малыхъ пособіяхъ, содержаніе немалаго числа Французскихъ плѣнныхъ становилось затруднительнымъ; то Адмиралъ предложилъ Генералу Мармонту сдѣлать размѣнъ; и какъ нашихъ солдатъ находилось у него въ плѣну гораздо менѣе, нежели у насъ Французскихъ, то Адмиралъ соглашался отпустить остальныхъ на росписку съ тѣмъ, что бы таковоеже число, чинъ за чинъ, было отпущено изъ имѣющихся во Франціи нашихъ плѣнныхъ. Предложеніе принято, но не исполнено: многіе изъ нашихъ плѣнныхъ, по принужденію. записаны были во Французскіе полки, находившіеся въ Далмаціи. Мармонтъ, уклоняясь возвратить ихъ по требованію Сенявина, назвалъ сихъ Рускихъ плѣнныхъ Поляками, добровольно вступившими во Французскую службу, и въ заключеніи своего письма распространился о просвѣщеніи Француской націи. Вотъ отвѣтъ на это письмо:

Г. Генералъ Мармонтъ.

„Объясненія въ отвѣтѣ вашемъ ко мнѣ отъ 7 Декабря, относительно просвѣщенія Француской націи, совершенно для меня не нужны. Дѣло идетъ у насъ не о просвѣщеніи

соотечественниковъ вашихъ, а о томъ, какъ вы, Г. Генералъ, обходитесь съ Рускими плѣнными. Послѣдній поступокъ вашъ съ начальникомъ корвета, который посланъ былъ отъ меня въ Спалатро подъ переговорнымъ флагомъ, можетъ служить доказательствомъ, что слѣдствія просвѣщенія и образованности бываютъ иногда совершенно противны тѣмъ, какихъ по настоящему ожидать отъ нихъ должно. Скажу только вамъ, Г. Генералъ, что изъ тридцати солдатъ, названныхъ вами Поляками, четверо явились ко мнѣ и были природные Руские. Пусть Бонапарте наполняетъ свои легіоны; я ничего другаго отъ васъ не требую, какъ возвращенія моихъ солдатъ, и если вы сего не исполните, то я найду себя принужденнымъ прервать съ вами всѣ сношенія, существующія между просвѣщенными воюющими націями.

Д. Сенявинъ.

Вице-Адмиралъ Краснаго флага,
Главнокомандующій морскими и
сухопутными силами въ Средиземномъ морѣ.
10 Декабря 1806 года.

Военный пиръ.

По прогнаніи Мармонта отъ Кастель-Ново, Адмиралъ, въ ободреніе солдатъ, далъ

великолѣпный и заслуживающій особенное вниманіе военный пиръ. Послѣ молебна за дарованную Богомъ побѣду надъ превосходными непріятельскими силами, войско стройными рядами прошло церемоніальнымъ маршемъ на площадь въ крѣпость. Тамъ ожидалъ храбрыхъ солдатъ приготовленный попечительностію начальника сытный обѣдъ; каждый изъ нихъ получилъ порцію водки и по бутылкѣ винограднаго вина. По среди палатокъ, поставленныхъ между столами, Адмиральская отличалась поднятымъ на оной флагомъ; передъ нею поставлены были полковыя пушки, а по сторонамъ оркестры музыки. Къ столу Главнокомандующаго приглашены были не по старшинству чиновъ: сей чести удостоились одни только Офицеры, отличившіеся особенными подвигами или примѣрною храбростію. Здоровье егеря *Ефимова* объявлено изъ первыхъ, при чемъ сдѣлано было пять выстрѣловъ, а товарищи его, при восклицаніяхъ: *ура!* качали его на рукахъ. Такимъ образомъ всѣ приглашенные удостоены были особенной почести питья за ихъ здоровье. Участники сего празднества не могли безъ умиленія объ ономъ расказывать; всѣ солдаты столь живо чувствовали сію необыкновенную честь, что усердныя, искреннія привѣтствія: *дай Боже, здравствовать отцу нашему начальнику!* произносились съ восторгомъ безпрерывно. По окончаніи уже стола, Игуменъ монастыря Савино, восмидесятилѣтній старецъ, вошедъ въ

палатку, привѣтствовалъ Адмирала истиннымъ, вѣрнымъ изображеніемъ всеобщихъ къ нему чувствованій любви и признательности. Послѣднія слова его рѣчи были: *да здравствуетъ Сенявинъ!* и слова сіи повторились войскомъ и собравшимся во множествѣ народомъ сильнѣе грома пушекъ. Адмиралъ отклонилъ отъ себя всѣ особенныя ему предложенныя почести. Знать совершенно цѣну добрымъ начальникамъ и умѣть быть къ нимъ благодарнымъ за всѣ ихъ попеченія и вниманіе, всегда было и будетъ коренною добродѣтелью Рускаго солдата.

Вотъ средства и причина, которыми Сенявинъ пріобрѣлъ неограниченную довѣренность отъ всѣхъ вообще своихъ подчиненныхъ, какъ Офицеровъ, такъ и солдатъ. Каждый увѣренъ былъ въ его вниманіи и съ радостію искалъ опасностей въ сраженіи. Сенявинъ скромный и кроткій нравомъ, строгій и взыскательный по службѣ, былъ любимъ какъ отецъ, уважаемъ какъ справедливый и прямодушный начальникъ. Онъ зналъ совершенно важное искуство пріобрѣтать къ себѣ любовь и употреблялъ оную единственно для общей пользы. Послѣ сего удивительно ли, что въ продолженіе его начальства солдаты и матросы не бѣгали и не случалось такихъ преступленій, которые заслуживали бы особенное наказаніе. Коммиссія военнаго суда не имѣла почти дѣла: въ гошпиталяхъ скоро выздоравливали.

Наводненіе въ Катаро.

23 Генваря скоро послѣ полудня, черныя тучи сомкнулись, закрыли небо и спустились до вершинъ горъ. Солнце подобно раскаленному ядру, окруженное огненымъ кольцомъ, изрѣдка показывалось и едва могло проникать густой туманъ. Облака сошли еще ниже, солнце изчезло и день обратился въ ночь. Сильный вѣтръ съ дождемъ и громомъ скоро приближался. Молніи, падая одна за другою на вершины горъ, пестрили небо извивистымъ огнемъ, отголоски грома столь были сильны, что въ воздухѣ слышенъ былъ вой. Въ непроницаемомъ мракѣ, молніи, открывая себѣ путь, освѣщали кратковременно голыя вершины скалъ, окружающихъ Кастель - Ново, и въ сіе время быстрые потоки видны были несущимися внизъ. Картина ужасная и вмѣстѣ величественная. Чрезъ нѣсколько минутъ гроза дошла и до насъ, казалось облака разверзлись, другое море висѣло на небѣ, ливень шелъ болѣе получаса, молніи падая безпрестанно разсѣкали море, громъ потрясалъ воздухъ. Огонъ, воздухъ, вода, земля смѣшались и не видно было ни одного предмета. Когда гроза прошла, и небо начало прочищаться, открылись грозные потоки, кои цѣлыми рѣками, широкими пѣнящимися водопадами, неслися по скатамъ горъ съ ужаснымъ ревомъ. Наводненіе сіе причинило великій убытокъ, виноградники большею частію смыло,

занесло пескомъ и каменьями, множество скота погибло отъ стремленія воды, мѣльницы сорвало, и деревья въ садахъ вырвало съ корнями.

Замѣчанія о течении вѣтровъ и перемѣнахъ воздушныхъ въ Адріатическомъ морѣ.

Направленіе вѣтровъ въ Адріатикѣ и Средиземномъ морѣ, въ продолженіи лѣта, слѣдуетъ теченію солнца; утромъ при восхожденіи начинаетъ дуть NO, потомъ, O, мало по малу къ S переходитъ, откуда къ вечеру дѣлается W, ночью дуетъ отъ NW и N, а въ слѣдующее утро къ NO возвращается. Причина сему очевидна; солнце въ теченіи своемъ послѣдовательно согрѣвая всѣ точки горизонта, рѣдитъ воздухъ, и гонитъ оный передъ собою по направленіямъ, въ сказанномъ порядкѣ перемѣняющимся. Полдневный жаръ вообще прохлаждается N и NW вѣтромъ, и днемъ вѣтры обыкновенно дуютъ съ моря; ночью же съ берега, приносятъ теплые пары, кои солнце днемъ извлекаетъ изъ земли. Сіи испаренія, разжиженныя морскимъ влажнымъ воздухомъ, производятъ росу, падающую крупными каплями, освѣжающими воздухъ и способствующими произрастеніямъ. Часъ по восхожденіи воздухъ бываетъ чистъ и прохладенъ. Во время лѣтнихъ жаровъ, небо постоянно бываетъ ясно, прекрасная ла-

зурь его не нарушается ни громомъ, ни дождями; Сироко, порожденіе плѣтворнаго Самуна, и Тифоны замѣняютъ ихъ.

Около осенняго равноденствія, свѣтлая лазурь неба начинаетъ помрачаться, сильные вѣтры послѣдуемы бываютъ Борою, главнѣйшимъ непріятелемъ мореходцевъ въ Адріатическомъ и почти во всемъ Средиземномъ морѣ, особенно у береговъ Франціи и на западной сторонѣ Италіи. Вскорѣ за вѣтрами, въ исходѣ Ноября, иногда прежде, иногда послѣ, являются громы, молніи, бури и грозы, сопровождаемыя проливными дождями, и почти всякой день идетъ мѣлкій дождь. Удары грома въ горахъ такъ сильны, что къ нимъ не можно привыкнуть, и самый смѣлый человѣкъ подвергается невольному страху. Съ Сентября по Мартъ, въ Адріатикѣ по нѣскольку дней сряду дуютъ NW и SW, что вмѣстѣ съ продолжительными Борами много затрудняетъ плаваніе въ семъ морѣ. Напротивъ того лѣтомъ морскіе и береговые вѣтры благопріятствуютъ оному.

Плаваніе до Корфы.

По полученіи извѣстія еще недостовѣрнаго о разрывѣ съ Турками, 29 Генваря, съ двумя призовыми судами и военными транспортами Діомидомъ и Херсономъ, оставили мы Кастель-Ново. Вѣтры были тихіе и противные, но 31 сдѣлался сильной попут-

ный и мы тогоже дня прибыли въ Корфу, гдѣ нашли Адмирала, и эскадру, пришедшую изъ Кронштада; оную составляли слѣдующіе корабли: 1 Сильной 47 пушечной, Капитанъ-Командоръ Игнатьевъ, 2. Рафаилъ 84, Капитанъ Лукинъ, 3. Мощный 74, Капитанъ Крове, 4 Твердыѣ 84, Капитанъ Малѣевъ, 5. Скорый 66 пушечный, Капитанъ Шельтингъ; Фрегатъ Легкій 44, Капитанъ Повалишинъ, шлюпъ Шпицбергенъ о 32 пушкахъ, Капитанъ Малыгинъ, корвета Флора о 24 пушкахъ, Капитанъ Кологривовъ, катеръ Стрѣла о 18 пушкахъ, Лейтенантъ Гамалѣя; фрегатъ, корветъ и катеръ оставлены въ Адріатическомъ морѣ.

Прекрасный корветъ Флора разбился у береговъ Албаніи. Слѣдуя изъ Курцало въ Корфу въ ночи 26 Генваря, жестокій шквалъ съ громомъ и молніею лишили его бушприта и фокъ мачты, паденіемъ послѣдней сломало гротъ стеньгу; въ семъ положеніи несло оный къ берегу, гдѣ между Антивари и Дульциньо бросили якори. На другой день при большомъ волненіи, съ благополучнымъ вѣтромъ, Капитанъ Кологривовъ, снявшись съ якоря, пошелъ къ югу; но вѣтръ къ нещастію снова обратился къ берегу, подъ фальшивымъ вооруженіемъ не льзя было такъ править какъ бы нужно, и въ ночь на 27 число ударило корветъ объ мѣль у мѣстечка *Каво Делянціи*, и выбило руль. Хотя въ сіе время для облегченія корвета срубили мачты, ко-

ронады и всѣ тяжести бросили въ море: но на другой день видя, что нѣтъ средства избавить отъ гибели корветъ, Капитанъ, не бывъ еще извѣстенъ о войнѣ съ Турками свезъ людей на Албанскій берегъ. Албанцы обобрали у нихъ оружіе и все что имъ понравилось, отвели въ Бератъ, гдѣ Браимъ Паша объявилъ ихъ плѣнными, а 8 Февраля отправилъ въ Константинополь и тамъ какъ экипажъ, такъ и Офицеры обременены были цѣпями, и около двухъ годовъ содержались въ мрачной тюрьмѣ.

Предъ отправленіемъ Главнокомандующаго изъ Катаро, разнесся слухъ весьма вѣроятный, что Французы, для усиленія арміи своей въ Пруссіи, намѣреваются оставить Далмацію, почему и сдѣланы были всѣ распоряженія, дабы неупустительно занять сію провинцію. Уже были сношенія съ жителями, которые давно жаждали покровительства Государя Императора, а дабы Австрійскія войска (для усиленія которыхъ назначено было еще 3000,) до сего времени ожидающія сдачи имъ провинціи Катарской, не могли бы предупредить насъ, то Капитану 1 ранга Бара. тынскому, оставленному начальникомъ эскадры, состоящей изъ 3 кораблей, 8 мѣлкихъ судовъ и всѣхъ корсеровъ, поручено не допустить ихъ до сего, и строго наблюдать, что бы Генералъ Белегардъ (*) съ острова

(*) Потерявъ надежду возвратить Катаро, Австрійскія войска въ Маіѣ 807 года возвратились въ Тріестъ.

Жупано, (что близъ Рагузы) не перешелъ въ сосѣдственные острова Далмаціи. Однакожъ въ послѣдствіи Французы вывели только излишнія войска, и снявъ малые свои отряды съ островов, усилили оными гарнизоны въ крѣпостяхъ. Кромѣ частыхъ сшибокъ нерегулярныхъ войскъ у старой Рагузы и тѣсной блокады военныя дѣйствія продолжались по прежнему. Полковникъ Книперъ, командующій сухопутными войсками, получилъ предписаніе совокупно съ Капитаномъ Баратынскимъ, защищать Катаро до послѣднихъ силъ. На случай же вѣроятной войны съ Турками, Адмиралъ предложилъ Г-ну Санковскому, пользоваться приверженностію Герцоговиновъ, и для сего предъ отправленіемъ своимъ въ Корфу, оставилъ прокламацію, которая принята была съ живѣйшимъ восторгомъ, чѣмъ самымъ безопасность Катарской провинціи была обезпечена, и Французскіе Генералы, не смотря на помощь Турецкихъ Пашей, не могли лишить Катаро подвозу съѣстныхъ припасовъ, и не осмѣлились предпринять покорить Катаро.

Сенатъ Іонической Республики подноситъ Адмиралу брилiантовую шпагу и жезлъ. Извѣстіе о войнѣ съ Турками.

31 Генваря Венусъ прибылъ въ Корфу. Мы нашли тутъ Адмирала съ 8 кораблями, 6 фрегатами и другими мѣлкими судами.

Средиземное море конечно еще не видало столь большаго и прекраснаго Россійскаго флота. Прибавленіе здѣсь морскихъ нашихъ силъ много благопріятствовало торговлѣ. Большая часть купеческихъ судовъ, Грековъ, Славянъ, Италіанцовъ были подъ нашимъ флагомъ. На оныхъ 5 корабляхъ и 3 другихъ судахъ прибыло 4360 человѣкъ служителей, что вмѣстѣ съ прочими составляло на всемъ флотѣ 12,268 человѣкъ.

Корфа справедливо почиталась столицею нашихъ пріобрѣтеній въ Средиземномъ морѣ. Она походила болѣе на Рускую колонію, нежели на Греческій городъ; вездѣ видишь и встрѣчаешь Руских. Жители привыкли къ нашимъ обычаямъ; многіе научились говорить поруски, а мальчики даже пѣли Рускія пѣсни. Въ Корфѣ мы отдыхали и веселились. Строгая нравственность Славянъ, не знающихъ ни какихъ общественныхъ увеселеній, дѣлала пребываніе у нихъ скучнымъ, и потому приходя въ Корфу, всякой спѣшилъ на Спьянадо, въ Театръ, и маскерадъ. Отъ долгаго владычества здѣсь Венеціанъ Греки приняли нѣкоторые Италіанскіе обычаи, именно тотъ, что когда садятся обѣдать, закрываютъ ставни и запираютъ двери, только богатые, и то очень рѣдко, принимаютъ гостей. Не смотря, что нѣкоторые наши Офицеры тутъ женились, Гречанки, сколько о томъ не старались, рѣдко показывались въ обществѣ нашихъ дамъ; но карнавальные праздники, продолжающіеся отъ

Рождества до поста, разрѣшаютъ узы прекрасныхъ затворницъ, тутъ въ лучшихъ нарядахъ и маскахъ выходятъ они на Спьянадо и гуляютъ по Кале д' Аква. Сіи святочные праздники есть время любовныхъ затѣй, и сколько ни ревнивы мужья, Гречанки умѣютъ обманывать ихъ бдительность.

По прибытіи флота изъ Катаро въ Корфу 17 Генваря получено извѣстіе, что войска наши взяли въ Молдавіи многія крѣпости; но какъ Министръ иностранныхъ дѣлъ извѣстилъ при томъ „чтобы вступленіе войскъ нашихъ въ сію область не почитать непріязненною мѣрою и не прежде начать военныя дѣйствія, какъ по полученіи достовѣрныхъ свѣдѣній или повелѣній Двора", почему Адмиралъ былъ въ великомъ затрудненіи, и оставался въ продолжительной неизвѣстности. Между тѣмъ Али Паша собиралъ войска, дѣлалъ укрѣпленія, занялъ Превезу, задержалъ Консуловъ нашихъ и Іоническія лодки, шедшія съ провизіею въ Корфу. Главнокомандующій принужденъ былъ принять сообразныя тому мѣры; и сей Паша, столь коротко знающій рѣшительность его, послѣ многихъ переговоровъ, боясь можетъ неудовольствія или бунта своихъ подданныхъ Грековъ, а болѣе предполагая, что мы пожелаемъ воспользоваться преданностію Морейцевъ, удовлетворилъ всѣмъ требованіямъ, а напослѣдокъ объявилъ желаніе остаться неутральнымъ, быть по прежнему другомъ Республики и мирнымъ

сосѣдомъ. Почему отъ Адмирала объявлено было: „какъ Паши Албанскій и Скутарскій не намѣрены участвовать въ войнѣ нашей съ Турціею, то суда ихъ, пока будутъ доставлять нужное въ Корфу и Катаро, почитать свободными,“ на что въ слѣдствіи и Англійскіе Адмиралы согласились. Сіе постановленіе обезпечило содержаніе войскъ и принесло Республикѣ сугубыя пользы. Народные представители, чувствуя въ полной мѣрѣ таковыя попеченія Главнокомандующаго, всегда и постоянно стремившагося къ ихъ благоденствію, по опредѣленію собранія верховнагозаконодательнаго сословія, въ знакъ торжественнаго свидѣтельства признательности и благодарности, поднесли Адмиралу отъ лица Республики, золотую шпагу съ бриліантами и подобный же жезлъ. Въ слѣдствіе сего Президентъ Савіо Анино 4 Февраля далъ повелѣніе Республиканскому Министру при Россійскомъ Августѣйшемъ Дворѣ объ исходатайствованіи у Его Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго соизволенія на совершеніе его положенія.

24 Генваря Англинское Правительство, чрезъ нашего Повѣреннаго въ дѣлахъ въ Лондонѣ, и посланника, Татищева изъявило желаніе, чтобы четыре корабля подъ начальствомъ Контръ-Адмирала Грейга, въ видѣ вспомогательныхъ, соединились съ Англинскою эскадрою, въ Архипелагъ назначенною, а два были бы посланы для защищенія Сициліи; но

Адмиралъ не желая раздроблять силъ своихъ, отвѣтствовалъ, что онъ самъ, по полученіи точнаго извѣстія о разрывѣ съ Турками, отправится къ Дарданелламъ съ 10 кораблями, гдѣ на мѣстѣ согласится съ начальникомъ Англійской эскадры, какое потребно будетъ ему подкрѣпленіе, или по соглашенію Дворовъ самъ будетъ просить его вспомоществованія.

Наконецъ недоумѣніе, какую сторону приметъ Турецкое Правительство, разрѣшилось. Корветъ Павелъ, посланный въ Черное море, дойдя до острова Хіо, узналъ отъ нашего тамъ Консула, что Порта приступила уже къ непріятельскимъ дѣйствіямъ. На возвратномъ пути корветъ, зашедъ къ острову Мило, встрѣтился съ Англинскимъ фрегатомъ, на которомъ находился Посланникъ Г-нъ Италинскій. Война съ Турціею подтвердилась еще тѣмъ, что бригъ Сфинксъ, шедшій изъ Чернаго моря, взятъ въ плѣнъ въ Константинополѣ, а экипажъ, по ходатайству нашихъ Агентовъ, еще не выѣхавшихъ изъ Константинополя, отпущенъ для отправленія въ Корфу. Послѣ сихъ несомнѣнныхъ доказательствъ, Главнокомандующій сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: главное начальство въ Катаро, какъ сказано выше, поручено Капитану 1 ранга Баратынскому; для защиты Республики оставленъ Генералъ-Маіоръ Назимовъ и 2 корабля и 9 мѣлкихъ судовъ подъ командою Капитана 1 ранга Лелли. Крѣпость Санто-Мавра, болѣе угрожаемая

Али-Пашею, поручена Генералъ-Маіору Штетеру. Графу Моцениго, какъ гражданскому Начальнику, Адмиралъ предложилъ воспользоваться усердіемъ Албанцевъ и Морейцевъ, и принять ихъ въ службу, съ положеннымъ жалованьемъ воинамъ легіона легкихъ стрѣлковъ, и начальство надъ ними поручить нашимъ Офицерамъ. Какъ на защиту Республики оставалось самое ограниченное число войскъ, которыя нынѣ будучи раздѣлены на два пункта, несли болѣе службы; то, дабы ободрить ихъ и подкрѣпить здоровье лучшею пищею, Адмиралъ приказалъ выдавать солдатамъ по полуфунту мяса на день, а въ праздники бутылку вина. Вотъ какими средствами, при весьма незначущихъ силахъ, могли мы удержать Катаро и Республику. Бодрость войскъ, усердіе Офицеровъ, уваженіе Генераловъ и довѣренность народовъ, а болѣе всего рѣдкое единодушіе Морскихъ и Сухопутныхъ Начальниковъ, помогли Сенявину оправдать выборъ и довѣренность Государя.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Заключающей происшествія отъ 1 Іюня 1806 года по 10 Февраля 1807 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Стран.

2007041447

